

Оле Ляпин

Даханавар

Великие магические войны отгремели много веков назад. Но для даханавара еще найдется работа: уже не на поле битвы с ордами магической нежити и отрядами демонических рыцарей, жаблюд в канале или призрак в покинутом доме, упырь или волколак — охота на злобные порождения магического искусства не закончиться никогда!

Даханавар. Наследие крови

В презренный час в пучинах мглы, блюдет границу стражник,
От жутких порождений тьмы, от гибельных чар вражьих.
И в каждый день, и в каждый час хранит он год из года
Покой доверенных земель и мирный сон народа.
Его не ждет ни кров, ни дом, он вечно в странствии своем,
Бродить по свету обречен и лик его ужасен.
Безжалостен клинок к врагам, они падут к его ногам
И кровь наполнит чашу.
Но жажду ей не утолить, ведь мертвое не может жить,
За жизнь приходится платить порой ценой ужасной.
Он проклят и благословлён, великой силой наделен,
Чернейшей порчей осквернен и рок над ним не властен.
Отравленный вкушивши дар навечно он — Даханавар.
(народная баллада)

Даханавар. Часть первая. Наследие крови.

1

Илая старался ступать осторожно. Он боялся поскользнуться и упасть. От сточных вод несло гнилью и экскрементами, каналы под городом были настоящей клоакой. Однако, по сравнению с запахом горелой плоти, крови и прочих телесных жидкостей, пропитавших тюрьму, запахи канализационных стоков были для Илай, что розовый сад. Это был запах свободы.

Какая разница, как спасти свою шкуру?!

Илая попал в казематы после облавы на рынке Нижнего Города, когда стражники переловили почти всю банду Полосатого Короля. Стража вязала каждого, кто выглядел хоть немного подозрительнее чем новорождённый младенец. Мелкий рыжий оборванец Илая был втиснут в забранную стальной решеткой повозку вместе с двумя проститутками, перепуганным до потери пульса водоносом, десятком разномастных оборванцев, карманников и нищих, собиравших в тот день на рынке свою обычную дань с добропорядочных и щедрых горожан. Веселая и пестрая компания задержанных, так же вскоре пополнилась одним не в меру шумным и нетрезвым святошей из храма Пресветлой Девы. Этот все пытался доказать стражникам, что он всего лишь священнослужитель и обещал непременно жаловаться самому архиепископу или даже бургомистру на этот произвол. В ответ он быстро получил от стражника, вязавшего его руки, обещание "разобраться" и мощный тычок в нос. Теперь святой отец горестно причитал, утирая кровь и слезы с лица. Под пыхтение, причитания, стоны и брань повозка прибыла в ратушу. Стражники выводили из забитых по завязку повозок, угрюмо молчащих или напугано всхлипывающих людей и разводили их по свободным камерам. "До полного разбирательства", — как сообщил, криво усмехаясь щербатым ртом, коротышка сержант. С утра должен был прибыть господин дознаватель, который уже будет в праве определить виновен задержанный или нет. А пока оставалась только томится в душных каменных мешках подземелья ратуши, коими славилась эта тюрьма.

Илая тогда еще не понимал, что ему чертовски повезло, что он оказался не в общей камере, а составил компанию известному в криминальных кругах Мирцеи грабителю и убийце — Бочонку. Тюрьма при ратуше была переполнена, камеры забиты под завязку. Эта камера была на двоих и одно из мест было свободно. Под мерзкий хохот стражников и сальные шуточки о "новой подружке для Бочонка", Илаю втокнули внутрь крошечного и помещения. Сокамерник Илаи явно был не доволен появлением новенького соседа в и без того крошечном пространстве узилища. Илая тут же получил крепкий удар в живот от которого отлетел в дальний угол на сырую и прогнившую солому. Бочонок посоветовал ему не высовывать носа из этого угла, пригрозив более крепкой "лаской". Стражники, которые привели Илаю сюда, насладившись сполна сценой столь "теплого" знакомства заключенных, удалились, громко хохоча и обсуждая предстоящую попойку. У них этим вечером был повод отметить успешно проведенную операцию. Когда звук шагов смолк и помещение вновь погрузилось в темноту, Илая напрягся всем телом, ожидая нового нападения от соседа. В тайне надеясь, что тот предпочтет только избить его, а не что-нибудь более унижительное. Но нападения не последовало. Судя по звукам, его сосед предпочел не обращать на Илаю внимания. Бочонок немного поворочался на своем лежбище, браня по нос проклятую стражу и дерьмовые тюремные порядки, а потом замолк и низко захрапел. Матерому рецидивисту было абсолютно наплевать на тощую уличную крысу, которую к нему подселили. Это позволило Илае немного расслабиться и подумать о своей дальнейшей участи. Участь ему выпала незавидная. Он часто слышал о методах дознания применяемых в Мирцее к личностям столь сомнительного рода занятий, как у него. Илая был отщепенцем.

Он прибыл в Мирцею несколько месяцев назад, в надежде найти свое счастье в большом городе. Обладая ясным и пытливым умом, ловкими руками и завидной самонадеянностью, Илая собирался предложить свои услуги подмастерья какому-нибудь лавочнику или ремесленнику. Он умел читать и писать на трех языках. Покойная мать его научила грамоте, счету и письму. Илая так же обладал хорошим вкусом и художественными способностями. Он часто, на досуге, вырезал карманным ножом изящные фигурки из дерева, а однажды успешно разрисовал углем стену в доме, приютившего его после смерти матери, дядьки. За это в тот же день был крепко бит и посажен под замок на хлеб и воду, своим суровым родственником. "За поганство и отлынивание от настоящей работы в поле!" — как осудил его дядька, но картину правда не тронул. На этой картине гордый и роскошный петух топтал молодую курочку на фоне цветущих маков и ромашек. Когда его дядька выпивал с соседом, то гнев его смягчался. Надрывно икая и тыча заскорузлым от грязи пальцем в настенную живопись, он хвастал "разлюбезному соседушке" талантом племянника-шалопая. Одновременно с хвалебными речами, дядька обещал непременно, в следующий раз, открутить стервецу голову. В общем и в целом, Илая для сельской жизни не годился, как и она для него. Ведомый авантюрной жилкой характера к путешествиям и приключениям, однажды утром юноша просто сбежал с дядиной фермы. Он, прихватив из своего тайника в амбаре пятнадцать серебряных монет, вырученных у бродячего торговца за наследный материнский перстень с кораллом, немного еды и свой старый шерстяной плащ и был таков. Нельзя сказать, что родственник Илаи был опечален его исчезновением, впрочем, о дядьке не горевал и Илая.

С наступлением ночи звуки, наполнявшие подземелье, стихли. Илая пытался уговорить себя хоть немного поспать, но сон все не приходил к нему. По углам скреблись крысы, их маленькие бусинки глаз загадочно мерцали в темноте. Ворочаясь во сне на узких нарах,

нагужно храпел Бочонок. Где-то в коридоре, за зарешеченной дверью камеры, без остановки капала вода.

Слушая эту монотонную капель, Илая впал в состояние оцепенения. Кап — кап — кап — кап. Казалось, кто-то очень одинокий мерно вышагивает по коридору между приземистых дверей камер. Возможно, это призрак замученного в этих застенках узника. Кап — шаг, кап — еще шаг, кап — кап — он все ближе! Вот уже призрачный свет озарил зарешеченное окошко в двери, а этот тихий звон металла — это звенят цепи на руках и ногах духа. Илая замер, стараясь не дышать. Подсвеченное отблеском адского пламени, тяжелое лицо призрака заглянуло в камеру. Обвисшие щеки, заросшие редкой щетиной, налитые кровью глаза, замогильным шепотом призрак воззвал:

— Бочонок, Бочонок, сучий ты потрах! Сюда иди, кому говорят!

Разбойник перестал храпеть, резво подскочил на ноги, будто и не спал вовсе и абсолютно бесстрашно спросил:

— Какого черта! Что тебе надо, Фред?

Это оказался вовсе не призрак, а всего лишь один из стражников — Толстый Фред.

— Да не ори ты придурок! — злобно прошипел стражник. Он протянул, что-то блеснувшее металлом через решетку и добавил. — Тебе привет от друга.

Бочонок метнулся к двери и выхватил из рук стражника связку отмычек. Не задерживаясь более у двери, Толстый Фред поспешил обратно. Когда его шаги смолкли, и тишина воцарилась вновь, Бочонок позвал Илаю:

— Малой, ты со мной?

Илае не надо было предлагать дважды. Почти беззвучно открыв дверь своей темницы, Бочонок проскользнул в коридор, по обе его стороны были такие же двери камер. Одинокий чадающий факел в конце коридора у лестницы ведущей вверх почти не давал света. Пригнувшись, как можно ниже, оба узника заскользили в противоположную сторону — во тьму. Там, у глухой стены, был широкий люк, перекрытый тяжелой металлической крышкой, ведущий в канализацию. Через такие люки в этой тюрьме избавлялись от всякого хлама, в том числе и от тел замученных узников. Добравшись до него, Бочонок вновь повторил тот же фокус, что и с дверью камеры. Правда, тут пришлось немного повозиться, замок несколько заржавел и не желал поддаваться. Когда с ним было покончено, Бочонок поднял крышку и прошептал Илае.

— Я первый, ты за мной. Не забудь опустить за собой крышку, нам палева не надо. Надеюсь, ты умеешь плавать?

Плавать Илая умел. Бочонок свесил ноги в люк и тихо соскользнул в его темное жерло. Далеко внизу раздался тихий всплеск. Илая тоже осторожно спустился в темноту, но спиной вперед, и опираясь на локти он опустил крышку себе на спину. Глубоко вздохнув и набрав полную грудь воздуха, Илая отпустил руки и полетел вниз. Сверху лязгнул затвор, запирая крышку люка.

Юноша приземлился в холодную воду, ударившись о что-то мягкое и странно знакомое. Это было тело Бочонка. Сокамернику не повезло. Из его, темного от крови, затылка выглядывал конец острого металлического штыря. Мысленно поблагодарив всех богов за то, что ему не пришлось прыгать первым Илая поспешил убраться с места трагедии. Следовало как можно быстрее выбраться из городской канализации.

Пусть Илая пробыл в городе не долго, но он был наслышан, что каналы под городом весьма опасное место. Даже бравая городская стража обходит их стороной, и не только

потому, что боится испачкать свои красные мундиры. Эти каналы лишь малая часть древней сети катакомб, которые подобно артериям соединяют все города на континенте. Исследовать их полностью так до сих пор никому и не удалось. В народе поговаривали, что им не одна тысяча лет, что они населены разными неведомыми чудовищами, и что в стародавние времена забытые короли спрятали в них несметные сокровища. А те, из рассказчиков, кто был по суевернее, да по набожнее, утверждали, что эти катакомбы ведут в самую преисподнюю. Делая большие глаза и страшно шевеля бровями, эти, убежденные в своей правоте, люди заявляли растерянному собеседнику, что именно оттуда однажды великое зло вырвется на волю, дабы погубить весь мир в адском пламени. Но истинное знание о том, кто, когда и зачем прорыл эти ходы в толще земли было давно и безнадежно утеряно. За долгие сотни лет многие из подземных веток сильно пострадали. Одни были уничтожены землетрясениями, сотрясавшими континент каждые два — три столетия. Другие были затоплены. Жители прибрежных королевств все еще помнят, как после сокрушительного цунами, обрушившегося на их земли более полувека назад, под воду ушел целый полуостров. На дно навсегда опустился прекрасный город Лаплас. Соседняя с ним Мирцея устояла только благодаря тому, что большая часть города была расположена на скалистом выступе и разъярённый океан не смог добраться до ее улиц. Воду сдержали катакомбы. Мирцея на несколько месяцев стала городом-островом, практически отрезанным от остальной части суши. Потом вода ушла, Мирцея вновь стала частью страны, но в каналах под городом появились отвратительные создания. Они получили название жаболюды.

Эти плотоядные твари, высотой в пол человеческого роста, были невероятно уродливы. Тела их были покрыты белесой осклизлой кожей утопленника, а плоские тупые морды могли похвастаться по-жабьи широкими пастями, полными острейших игловидных зубов. На несколько долгих лет они стали настоящим бичом для города. Сначала, они выбирались только по ночам из стоков городских каналов. Трусливые твари не нападали если видели, что противник им не по зубам. Они предпочитали припозднившихся горьких пьяниц, кошек и бродячих собак. Издавая низкий булькающий звук, похожий на кваканье, твари плевались струей липкой жгучей слизи, целя в голову, и пока жертва пыталась очиститься, набрасывались пытаясь вцепиться зубами в ее незащищенное горло. Говорят, именно потому в Мирцее в моду вошли жабо — широкие плоеные воротники из кружев на проволочных каркасах. Но однажды, выдалось слишком уж жаркое и засушливое лето и нападения участились. Монстров стали видеть не только ночью, но и днем. Они нападали как поодиночке, так и группами. Особенно опасно стало жить в бедных кварталах Нижнего Города, в порту и возле рыбного рынка, там, где канализационные каналы выходили на поверхность. Стали пропадать люди. Зачастую это были женщины, старики и дети. Городская стража ничем не могла помочь, нападений было слишком много. Город жил в постоянном страхе. Народ стал роптать, в городе участились волнения и беспорядки. Наконец бургомистру, ничего не оставалось делать, как серьезно раскошелиться и обратиться за помощью к даханаварам. Приглашенные даханавары выяснили, что на поверхность жаболюдов выгнали засуха и голод. Тем знойным летом уровень воды в каналах сильно упал, а вместе с водой ушла рыба, которой они питались. Маленький отряд из пятерых отважных даханаваров за несколько недель очистили городские каналы от большинства жаболюдов. На все главные выходы из подземелий были установлены укрепленные стальные решетки, чтобы навсегда защитить горожан от встречи с мерзкими тварями. Однако, каналы отныне стали пользоваться крайне дурной репутацией. Они стали

не только канализацией города, но и последним пристанищем для тех, кто этому городу был негоден: преступников, нищих, безымянных жертв ночных ограблений и убийств. Немногие из оставшихся в каналах монстров приспособились и стали падальщиками. Правда от случайно забредшей в каналы добычи, будь то человек или зверь, они тоже не отказывались.

Поэтому Илая старался не шуметь, побираясь по темным изгибам туннелей. Он двигался в западную часть города, туда, где извилистая кишка квартала бедняков выходит поближе к порту. Илая надеялся, что там ему будет легче выбраться из подземелий никем не замеченным. Ну кто, скажите, обратит внимание на еще одного грязного побитого оборванца, направляющегося в порт просить милостыню?! А потом, Илая и вовсе надеялся покинуть город, тайно пробравшись и спрятавшись в трюме одного из кораблей покидающих Мирцею.

Под босую ногу Илае попало что-то скользкое и живое. Илая взмахнул руками, пытаясь удержать равновесие, но потеряв устойчивость плюхнулся в холодную воду, взметнув тучу брызг и грязи. Нецензурная брань, слетевшая с его языка, громким эхом разнеслась по коридору, дополняя и без того смачный звук падения. Потревоженное животное, злобно пискнув, очень больно укусило юношу за лодыжку и скрылось в темноте. Крыса! В бессильной ярости Илая взвыл и стукнул по воде кулаками. В тот же момент к нему пришло осознание невероятной глупости своего поступка. Из-за ближайшего поворота донеслось влажное шлепанье и низкий, будто удивленный, рокот гортанного бульканья. Жаболюд?! Сидя по грудь в тухлой воде канала, Илая мог поклясться, что в этот момент вода показалась ему теплой. Он будто отмокал не в канализационных стоках, а в бане, забравшись в горячую бадью с ароматной пеной. Просто в этот момент, в его животе поселился ледяной комок ужаса. Какой же он дурак! Ну правда, не мог же он поверить, что везти ему будет вечно! Мозг Илая лихорадочно соображал, что ему теперь делать. Жаболюд пока еще находился за поворотом коридора, а значит Илаю он не видел, но у этих тварей отлично развито обоняние и слух. Если Илая побежит обратно, даже очень быстро, что в каналах весьма проблематично сделать, тварь его догонит в два счёта. Ноги у этих жаболюдов очень мощные и быстрые. Из-за двойных коленных суставов, одни из которых вывернуты назад, передвигаются твари длинными мощными скачками, прямо как настоящие жабы. Вперед бежать еще глупее, все равно что подать себя жаболюду на блюде. Надо решать!

Илая слышал, как все еще не решаясь напасть, тварь переминается с ноги на ногу, утробно булькает и кряхтит. Скоро голод возьмет верх над ее стеснительностью, и монстр атакует. В голове Илая пронеслась досадная мысль: "Ну вот! Хоть ложись и помирай!" Секундное замешательство и губы юноши дрогнули в подобии слабой улыбки. Очень медленно, стараясь не издать ни звука, ни плеска, Илая опустился на спину, толща мутной воды сомкнулась над ним. В ту же секунду жаболюд выскочил из-за поворота. Скучный лунный свет, шедший из отверстий под самым потолком, осветил тупую плоскую морду чудовища. Зрелище было мерзким. Огромные желтые глаза твари светились в темноте, скользкий лиловый язык высунулся из безгубой пасти, по-змеиному прощупывая запахи, наполнявшие воздух коридора. Мерзкий орган выискивал среди них запах новой добычи.

Сквозь зеленую муть Илая видел, как тварь удивленно поводила из стороны в сторону лысой головой, растущей будто из грудной клетки чудовища. Тварь издала разочарованный и одновременно сердитый бульк и снова прыгнула. Она приземлилась так близко от скрывавшегося на дне канала юноши, что тот едва не заорал от ужаса. Этот крик мог выпустить, весь оставшийся в легких, воздух за раз. В тот же миг юноша рисковал быть

обнаруженным и разорванным тварью. Сжавшиеся судорожно пальцы вдруг нащупали среди песка и ила что-то острое. Осторожно обследовав предмет Илая понял, что под руку ему попало сокровище. Оружие номер один в любой кабацкой драке — "розочка". Это было отбитое горлышко бутылки с острыми осколками по краям. Крепко зажав находку в ладони Илая, решил, что без боя он не сдастся. Воздух в легких стремительно заканчивался, перед глазами уже расцветали красные и черные круги. Только бы чудовище отвлеклось, повернуло голову в другую сторону, уж он то не промажет! Он воткнет свое стеклянное оружие в это мерзкое белесое брюхо! Выпустит этой твари немного ее рыбьей крови или кишок пару метров, что бы у нее там ни было. Илая, этой образине, так просто не взять!

Казалось, мгновения тянулись вечность. Проваливаясь в черноту беспамятства, проклиная и умоляя всех известных богов помочь ему, Илая наконец увидел, как жаболюд оборачивается назад. Похоже что-то, все-таки, отвлекло его внимание.

С криком такой мощности и отчаянья, что даже жаболюд казалось немного присел от неожиданности, Илая взметнулся вверх, в отчаянном порыве вогнать острое стекло в плоть твари. Но жаболюд был быстрее. "Розочка" лишь немного оцарапала бледную кожу монстра, зато ответный удар когтистой лапы монстра задел ничем не защищенные ребра Илаи. Распоров кожу юноши, жаболюд оставил на его теле багровые следы когтей. Этот удар отбросил Илаю к сырой каменной стене коридора. Искры и жгучие слезы вылетели из глаз юноши. Боль была адской. От силы удара воздух покинул грудную клетку и теперь юноша не мог даже сделать последний вздох, перед наступающей смертью. Но смерть не спешила. Возможно, она ошиблась, спутав его и монстра во тьме канала?!

Смерть кружила вокруг жаболюда, она уже отсекла ему одну из задних лап и теперь рубила хромое чудовище в фарш. Совершая движения, достойные лучшего танцора на балу, и ловко уклоняясь от когтей и струй ядовитой слюны, изрыгаемых монстром, смерть наносила удары и делала подсечки. Всего пара минут и жаболюд полетел к противоположной стене, как ненужный более прозектору лягушачий трупик. Смерть замерла на долю секунды, потом развернулась и направилась к Илае.

Подойдя совсем близко, она схватила юношу за плечи, встряхнула и приказала: — "Дыши!"

У смерти был глубокий, бархатный баритон.

Отдышавшись и придя в себя, Илая поднял глаза на своего спасителя и прохрипел:

— Спасибо!

— На том свете сочтемся. — то ли шутя, то ли обещая, ответил незнакомец. — Самостоятельно идти можешь?

— Думаю, да. — ответил Илая и попытался подняться. Попытка оказалась провальной.

— Нога! — застонал юноша, заваливаясь назад.

— Так, все ясно! Давай не будем спешить и вначале осмотрим твою ногу.

Незнакомец, немного покопавшись в поясной сумке достал маленький круглый предмет. Совершив какие-то ловкие манипуляции пальцами он заставил его светиться.

— Вы чародей? — с удивлением спросил Илая.

Вот уж кого, кого, а увидеть чародея, разгуливающего по канализации и ловко расправляющегося с жаболюдом Илая, никак не ожидал увидеть.

Юноша не часто встречал чароделов, но в его представлении они были очень рафинированные и напыщенные мужчины и женщины средних лет. Такие иногда приезжали в Мирцею, но никогда не покидали пределов Верхнего Города. Лицо незнакомца скрывала

глубокая тень, отбрасываемая остроконечным капюшоном его короткого плаща, Илае было трудно определить его возраст и статус.

— Ну я что-то в этом роде, но не совсем. — уклончиво ответил незнакомец, осматривая полученные Илаей повреждения. — Так, так! — изрек он со знанием дела, — похоже при падении ты, друг мой повредил стопу. Сейчас тебе придется немного потерпеть, пока я смогу это исправить, и тогда мы сможем покинуть это гадкое место, если ты не против? — произнес мужчина, продолжая исследовать ступню Илаи.

— Н-н-нет. — мотнул головой юноша.

— Знаешь ли, друг мой, что-то мне не хочется больше лягушачьих лапок на сегодня. А тебе?

— Пожалуй и с меня хват... ой! — незнакомец ловко извлек из пятки юноши длинную занозу. Илая тут же почувствовал, как боль в ноге стала утихать.

— С меня тоже, пожалуй, хватит. — закончил Илая.

— Вот и славно, похоже мы пришли к общему решению. — усмехнулся незнакомец. Он снова порылся у себя в поясной сумке и вытащил пару чистых бинтов и склянку. Склянка была на половину заполнена резко-пахнущей мазью, которой он принялся обрабатывать раны и ссадины на теле Илаи.

— Жаболюды, друг мой, падальщики, а так, как владению ножом и вилкой они не обучены, то раздирают свою пищу когтями. Порой довольно тухлую пищу. Эти царапины от их когтей могут оказаться не менее опасны чем их зубы, но благодаря этой чудесной мази, мы сможем очистить твои раны от трупного яда и поможем им быстрее зажить. — пояснял свои манипуляции таинственный спаситель.

— Прошу тебя, не дергайся, сейчас я сделаю тебе немного больно. Но я обещаю, что тебе будет не так больно, как, нашему бледнобрюхому другу. — незнакомец кивнул в сторону трупа жаболюда.

Взглянув в сторону того, что осталось от монстра, Илая тяжело сглотнул. Он бы точно не хотел быть врагом этого человека. В этот момент незнакомец стал накладывать мазь. Раны пекло действительно сильно, будто раскалённую кочергу приложили. У Илаи глаза полезли из орбит, и он сдавленно крикнул.

— Ничего, ничего, здоровее будешь! До свадьбы заживет! — незнакомец закончил с лечением и воодушевляя похлопал юношу по плечу. Потом он поднялся и подошел к трупу твари. Склонившись над монстром, незнакомец извлек из-за пояса изогнутый кинжал и раскрыв им зубастую пасть, ловко отсек длинный лиловый язык жаболюда. Затем извлек из поясной сумки небольшой стеклянный сосуд с пробковой крышкой он поместил трофей внутрь. "Вот ты и допрыгался, дружок." — тихо процедил он сквозь зубы и сплюнул в сторону вязкий комок слюны.

Вернувшись к юноше, мужчина помог Илае подняться на ноги что бы тот мог идти дальше.

— Ну а если серьезно, то кто бы ты ни был, и чем бы здесь не занимался, ты меня очень выручил. — произнес незнакомец.

Они как раз вышли на освещенный участок. Полнолуние. Ночное светило было в зените и серебряный свет набрал почти нереальную мощь, позволившую ему просочиться даже сюда.

— Позволь представиться, меня зовут Шамиль Тень! — мужчина откинул капюшон. Сердце Илаи второй раз за сегодняшнюю ночь устремилось к пяткам.

Даханавар! Спроси кто Илаю раньше, он не смог бы сказать, что более страшно встретить ночью в катакомбах жаболюда или даханавара. Теперь знал — страшно одинаково, и от этого знания ему не становилось легче.

Всем на свете хорошо известно, что даханавары — существа двойкой природы: одна часть их существа человеческая, другая часть — монстр. Именно этот симбиоз и делал их теми, кто они есть — лучшими охотниками на магических тварей на всем континенте. И в то же время, именно это заставляло людей их бояться и ненавидеть несмотря на острую нужду в их помощи.

Представший перед Илаей даханавар был высок, широк в плечах, его тело было будто бы один тугой комок мускулов. Мужчина был красив и ужасен одновременно. Его кожа от природы была когда-то смуглой, почти цвета корицы, теперь имела оттенок пепельной серости. Лукавые, глубоко посаженные глаза были странного оттенка белесой, почти выцветшей, голубизны. Жадный улыбчивый рот с полными кроваво-красными губами обнажал идеальный оскал хищника. Зубы были белые, крупные, клыки — непропорционально большие. Пересекая лицо поперек, по линии глаз, носа и висков проходила сложная татуировка. Выглядела она так будто на лицо мужчины была надета маска-лента. Татуированы были даже веки. Волосы цвета смолы были собраны в косу. Тугая коса брала свое начало почти над лбом даханавара и шла вдоль головы как гребень. Она была украшена на восточный манер, десятком маленьких золотых колечек. Золотые кольца так же были продеты в уши и нос даханавара. Доспехи на незнакомце были очень просты с виду, но как понял Илая, это простота была обманчива. Черная кожа и черная сталь, надежно укрывали тело даханавара от атак противника. У самого горла даханавар носил отличительный знак своей гильдии — брошь "черное солнце". Это был золотой круг на черном фоне с двадцатью загнутыми посолонь лапками и вписанной в его центр руной, похожей на кривой кинжал с гардой.

Длинный тяжелый меч покоился в тесненных кожаных ножнах за его плечами. Из другого оружия Илая заметил, что на поясе у незнакомца был стилет, и еще странный изогнутый серповидный нож, отдаленно напоминавший руну на гильдейской броши даханавара. Этим ножом, как и мечем, даханавар уже успел воспользоваться в присутствии Илаи. Увидев, как взгляд Илаи задержался на серповидном ноже, даханавар прикрыл его полой плаща, давая понять, что не желает, чтобы его экипировку столь бесцеремонно рассматривали. Жестом он предложил двигаться дальше и продолжил прерванный разговор.

— Ну? Я назвал тебе свое имя, теперь твоя очередь.

— Зовите меня просто, Илая, господин Шамиль...

— Пожалуйста, просто Шамиль. Давай без господ. У таких, как я, нет слуг, только друзья и помощники. Ну а заказчики могут обращаться ко мне мастер, мастер Тень. Ты ведь не собираешься меня нанять, а?

— Э, нет, Шамиль. — Илая приободрился и продолжил:

— Я в Мирцее недавно, всего несколько месяцев. Прежде жил на ферме у своего дядьки. Но знаете, вся эта простая жизнь поселян, она как-то не для меня, и я сбежал. Хотел попытать счастья в большом городе. Я ведь знаю три языка, могу свободно говорить и писать на них, владею простым счетом, я думал, что в Мирцее найдется место для такого способного парня, как я...

— Но что-то пошло не по плану, не так ли? — даханавар вопросительно приподнял бровь.

— Верно, — тяжело вздохнул Илая. — Когда я приехал в город у меня было немного денег серебром. Этого было достаточно, чтобы снять простое жилье и начать поиск работы. Но, когда я попал в город тут было все так интересно! Я снял на ночь комнату под крышей одной из харчевен в Нижнем Городе, оставил там свое барахло и отправился посмотреть город. В тот день были карнавальные шествия в честь весеннего праздника лова сельди. Праздник увлек меня, я прежде не видел ничего подобного! Люди шли рядами в голубых и белых одеждах, они несли огромные бумажные чучела рыб и пели. Играли флейты, били в барабаны, на улице торговцы продавали ароматную выпечку с рыбным паштетом, пиво и вино с пряностями, сладости. Клянусь я перепробовал все и чуть не лопнул! А еще, там продавали чудесные бусы из голубых, золотых и белых перламутровых бусин. Такая красота! А еще, торговцы уверяли, что сегодня любая девушка подарит мне поцелуй если я подарю ей нитку этих чудесных бус. И я, конечно, купил две нитки, хоть они и стоили весьма дорого — целую серебряную монету за нить! Вместе с толпой гуляющих я попал в порт. Уже был вечер, время конца праздника и торжественного сожжения чучел приближалось, а я так и не поцеловал ни одной красотки. И тут, в толпе, я увидел ее. Она была молода и свежа, как цветок! Таких красоток в краях, где я прежде жил не сыскать! На ней было узкое голубое платье, а глубокий вырез ее корсажа шел до украшенного серьгой пупка. Это была золотая рыбка. Такие же серьги-рыбки были и у нее в ушах. Пышные темные полосы, озорные глаза — я предложил ей нить бусин, но она сказала, что стоит дороже. Тогда я сказал, что я купил только две, но отдам их ей за один поцелуй. Тогда она засмеялась и кивнула, принимая бусы. Она целовала меня долго и сладко, как никто прежде, а потом просто подмигнула и исчезла в толпе.

— Ну а придя домой ты не обнаружил своего кошелька? — лукаво спросил даханавар.

— Именно так! Но откуда вы это знаете? — удивился Илая.

— Тебя обчистила портовая шляха. — снисходительно ответил Шамиль.

— Ну теперь и я это знаю. — вздохнул Илая. — А потом все стало много хуже. Без денег я не мог больше снимать комнату, работы у меня не было и вскоре хозяин таверны отобрал мое не хитрое барахло в счет долга за еду и сон. Меня поколотили его слуги и вышвырнули вон. Так и я очутился на улице без средств к существованию. Я стал учиться выживать: просил милостыню, воровал, ночевал под мостом или в трущобных ночлежках. Когда представлялась возможность заработать, я брался за самую грязную работу, чтобы хоть как-то выжить. Я стал человеком улицы. А вчера меня загребли во время облавы на рынке, и я попал в каталажку. Но мне улыбнулась удача. Моему сокамернику друзья устроили побег через канализационный люк, да вот только он умер при падении. Железяка, торчавшая из воды, раскроила ему башку. Мне повезло больше, и я выжил, приземлившись на его труп.

— Действительно, ты счастливчик, Илая. — согласился даханавар. Было не понятно сколько в его словах иронии, а сколько искреннего согласия.

Коридоры начали подниматься, идти стало немного труднее, но даханавар поддерживал Илаю под руку, не позволяя тому оступиться.

— Мне очень повезло, что я сбежал через яму в полу. Я слышал туда сбрасывают трупы замученных бедолаг. Надеюсь, меня не станут искать, решив, что при падении я тоже свернул себе шею или попался в лапы жаболюду, что, собственно, почти произошло. Вот такая моя история, Шамиль, так я и оказался здесь. — Илая немного помолчал, потом добавил. — Думаю стоит попытаться уплыть отсюда на одном из кораблей. В этом городе меня уже точно ничто хорошего не ждет. Попадусь еще раз в лапы стражи и тогда мне точно

конец!

— Хорошая история. Вот только, как ты собрался попасть на корабль? Подозреваю, что денег что бы купить себе место у тебя нет, а наняться в таком состоянии в матросы ты вряд ли сможешь. Полагаю, ты собирался спрятаться в трюме и не вылезать оттуда пока корабль не отойдет от берега на достаточное расстояние?

Илая в ответ кивнул. Даханавар продолжил:

— Глупая идея. Перед выходом в море корабли тщательно обыскиваются, на предмет вот таких вот незапланированных пассажиров, а это верное попадание в лапы портовой стражи. Даже если ты спрячешься достаточно хорошо, чтобы тебя не нашли при обыске, тебя скорее всего скинут за борт, как только обнаружат. Лишний груз на корабле никому не нужен. — Увидев, как мрачнеет лицо юноши, даханавар продолжил.

— Но у тебя сегодня явно счастливый день, ты выжил и помог мне с жаболюдом. Твой крик бешеной чайки отвлек его внимание на себя, а я смог выполнить контракт. — даханавар взглянул на спутника.

— Смотрю, ты не очень понимаешь, как это взаимосвязано. Позволь я тебе поясню.

— Этот жаболюд повадился пробираться в подвал одной лавки возле рыбного рынка. Он вылезал из щели в просевшей стене подвала, которая примыкает к каналам и воровал соленую рыбу из бочек. Хозяин лавки заметил пропажу рыбы и заподозрил в этом свою служанку. Служанка давно жаловалась, что ей страшно спускаться в подвал, потому что там кто-то страшно шумит и стонет, особенно по ночам. Она говорила, что это должно быть призрак. Как-то ночью, хозяин сам спустился в подвал, чтобы увидеть этого призрака своими глазами или застать вороватую лгунью с поличным, а застал жаболюда. Тот сидел на бочке с засоленной сельдью и лакомился рыбой. Уж не знаю кто кого испугался больше, мужик страхолодину или она его, но на следующее утро на постоялый двор, где я как раз снял комнату, прибежал мальчишка посыльный. Уже в полдень мы с рыбником заключили контракт на этого любителя соли. Тварь оказалась весьма шустрой и если бы она не отвлеклась на тебя, друг мой, то вполне смогла бы от меня ускользнуть. Так что выходит я у тебя, вроде как, в долгу.

— Нет, что вы, вы мне ничего не должны Шамиль, вы и так много для меня сделали! Если бы не вы, то вместо селедки это тварь бы, верное дело, ужинала мной! — бурно запротестовал Илая.

— Да? — задумчиво хмыкнул Шамиль, — Ну если ты так считаешь...

— Конечно, конечно! — закивал головой Илая. Некоторое время они шли молча и вдруг даханавар остановился, пристально вглядываясь в лицо юноши он начал:

— Послушай меня, Илая, друг мой, раз уж мы смогли быть друг другу полезны, не окажешь ли ты мне еще одну небольшую услугу?

Илая моргнул, в горле стал ком и еле проглотив его, юноша произнес:

— Да? — присутствие рядом с даханаваром явно заставляло его нервничать. Но как он мог отказать?!

— Ничего противозаконного, уверяю тебя. Просто, дело в том, что в вашем городе я впервые, мне бы был полезен молодой человек, помощник, который знает этот город довольно хорошо. Полагаю, ты как раз можешь сгодиться на эту роль. О своих прошлых проблемах с законом можешь не беспокоиться, те кто находится под защитой даханавара, неприкосновенны. Вряд ли найдется в этом городе человек желающий это оспорить. Я бы ему этого точно не советовал. — даханавар холодно улыбнулся.

— После того как я закончу здесь свои дела, я смогу вывести тебя из города. Обещаю, что за помощь мне ты будешь иметь не только мою благодарность, но и пару звонких монет, которые тебе явно пригодятся. В итоге, ты будешь на свободе, мы расстанемся, как только, покинем город, и ты снова сможешь жить, как считаешь нужным. Что скажешь? Молчишь? Понимаю! Такие решения принимать лучше на свежую голову. Позволь тебе предложить переночевать сегодня на том же постоялом дворе, где остановился и я. Ни о чем не беспокойся, ни о деньгах, ни о свободе, ни о своей жизни, сегодня ты мой гость. Если завтра ты пожелаешь отказаться от моего предложения, что же, ты тотчас будешь волен идти куда пожелаешь. Но если решишь, что мое предложение тебе подходит, я расскажу тебе больше.

Сказав это, Шамиль подошел к противоположной стене и нажал на один из покрытых бурой плесенью камней в кладке. Внутри стены послышался глухой щелчок, и она сместилась в сторону, открывая проход и лестницу ведущую вверх. Поднявшись на пару ступеней даханавар, обернулся к Илае и произнес:

— Ну что, так и будешь стоять там? Не ужели тебе так понравились эти каналы? К тому же, сегодня вечером хозяин постоялого двора обещал приготовить просто божественное рагу из кролика, ты же не хочешь, чтобы оно совсем остыло?

2

Для каждого жителя славного города Мирцея, это утро началось по-своему необычно.

Проснуться первый раз за много дней в чистой кровати, было приятно. Илая сладко потянулся и тут же поморщился — вчерашние раны давали о себе знать. Бинты, наложенные даханаваром, промокли от просочившейся и уже запекшейся крови. Они прилипли к коже, и теперь она зудела под ними. То, что с ним произошло накануне, было больше похоже на истории, которые бродячие сказители готовы рассказать за медяк любому, кто пожелает слушать, чем на правду.

Илая осмотрел комнату повнимательнее. Вчера его сюда сопроводили под руки, уставшего и пьяного. Шамиль, как и обещал, угостил его отличнейшим ужином и приказал юноше пить и есть столько, сколько Илая сможет. Помогая Илае осилить очередную порцию выпивки и жаркого, даханавар громко восклицал "На здоровье!", весело хохотал своим странным гортанным смехом и высоко поднимал свой кубок в торжественном жесте. Казалось, хмель его совершенно не берет и только льдистые глаза вспыхивали ярко и загадочно. А вот Илая то и дело проливал на себя вино, дрожащей рукой поднимая тяжелую, полную до краев янтарной жидкостью, кружку.

Сделав пару шагов Илая, пересек крохотную комнатку, куда его заселили, и оперся на невысокий туалетный шкафчик из темного, траченного древоточцем, ореха. Тут стояло все необходимое, чтобы привести себя в приличный вид. Жестяной таз для умывания, глиняный обливной кувшин с прохладной водой. Для удобства гостя в шкафчике были припасы: пара не новых, но чистых, полотенец; кусок темного мыла, от которого пахло дегтем и хвоей; костяной гребень с редкими зубьями и банка алхимической пасты, которой удаляли нежелательную растительность с лица и тела. Но Илаю больше всего интересовал предмет, висевший на дощатой стене над всем этим богатством. Это было шестиугольное зеркало, мутноватое и размером не превышавшее длинны мужской ладони. Илая взглянул в его глубины и со вздохом опустил голову. Из зеркала на него смотрел мрачный и осунувшийся тип, в котором он едва узнавал себя прежнего. Человек с запавшими глазами, грязной рыжеватой щетиной облепившей, впавшие за время голода и прозябания, щеки. Голова,

покрытая копной спутанных волос грязно-ржавого цвета. Левую скулу юноши украшали свежие ссадины, а правую большой лиловый синяк. Илая притронулся к синяку и тот отозвался ноющей болью.

В дверь комнаты негромко постучались.

— Да? Кто нам? — Илая обернулся к двери.

Дверь приоткрылось и в щель протиснулась абсолютно лысая голова, круглая как шар и румяная как свежеиспеченная булка. На ней, как две изюминки в тесте, маслянисто поблескивали, черные хитрые глазки. Бугристой картофелиной торчал вздернутый нос, а под ним бантиком розовели маленькие пухлые губки. Из-за невероятной дородности владельца данной головы подбородок и уши терялись в бесчисленных складках жира. Сладким голосочком голова пропела:

— Доброе утро, господин Илая! Ах, как хорошо, что вы уже проснулись, а то ведь скоро полдень! Надеюсь, вам хорошо спалось?

— Вполне. Благодарю! А вы...? — Илая испытывал затруднения, пытаясь, вспомнить незнакомца, но тот явно поняв это, сам спас положение.

— О, позвольте представиться, — вслед за головой в комнату протиснулось пухлое плечо и объемный живот в белом переднике. — Метр Цыбулька. Я владелец постоянного двора "Три кружки эля", где вы и ваш друг, мастер даханавар, любезно предпочли остановиться. Мастер Тень просил сообщить вам, что вернется к обеду. До тех пор он распорядился исполнять все ваши пожелания, разумеется, в разумных пределах. И вот, я позволил себе смелость потревожить вас, господин Илая. Осведомиться, так сказать, не изволите ли чего?

— Благодарю вас метр. По правде сказать, я только что встал с постели и пока мне в голову ничего дельного не приходит. Вы постучали, а я только собирался немного привести себя в порядок.

— Ах, господин Илая! — замахал пухлыми ладошками толстяк, — Ни о чем не переживайте, тут, в "Трех кружках", давно научились предугадывать желания гостей. Если вы позволите, я о вас немного позабочусь.

— Валяйте! Думаю, немного заботы мне сейчас не повредит. — пожал плечами Илая.

— Хрыстя! Умко! Квинт! — завопил куда-то в открытую за его спиной дверь метр Цыбулька. — Поторапливайтесь бездельники, господин изволит, что бы о нем позаботились! — и, лукаво улыбнувшись, толстяк сообщил. — Момент, господин Илая, сейчас все будет.

По лестнице застучали башмаки, засуетились слуги. В комнату Илаи внесли бадью, ее быстро наполнили горячей водой, а рябая девка по имени Хрыстя, принесла большие банные полотенца и комплект простой, но чистой одежды.

— Мастер Тень распорядился. — пояснил метр, и добавил. — Надеюсь с размером я не ошибся, господин Илая.

Вслед за слугами, в комнату поднялся маленький скрюченный старичок в темном балахоне, как оказалась, лекарь. Он внимательно осмотрел раны Илаи, бережно сняв с них подсохшие за ночь бинты, и заявил, что у молодого господина отличное здоровье, на нем все заживает "как на собаке". Вручив Илае пузырек восстановительной микстуры, "для улучшения процесса заживления", лекарь покинул комнату.

Рябая Хрыстя все порывалась остаться, чтобы услужить Илае. Девушка кокетливо намекала, что может потерять ему спинку или еще чего, за блестящую монетку, но была

вежливо выставлена им за дверь. Когда все удалились, Илая наконец смог приступить к банным процедурам. Погружаясь в горячую, пенную воду он постанывал от удовольствия. Однако, несмотря на всю приятную заботу, которой его окружили, Илая не отпускала тревожная мысль, что же такого могло потребоваться даханавару от простого беглого преступника. Юноша хорошо усвоил урок, преподанный ему большим городом, о том, что жизнь такого как он бедолаги практически ничего не стоит. Ведь за бесплатно даже воробьи не чирикают! Теперь Илая гадал, какую цену за свое дружеское расположение спросит с него даханавар?

Илая не сомневался, что даст свое согласие и станет даханавару помощником. Это вовсе не было решением продиктованным корыстью или страхом, как не было и симпатии к новообретенному покровителю. Скорее решение пришло еще вчера, еще там — в катакомбах, как только Шамиль задал свой вопрос. Оно было продиктовано юноше тем вечным зовом в его сердце, который с малых лет толкал Илаю на всякие авантюры и приключения. Именно это болезненное любопытство и желание проверить свою удачу привело его в Мирцею. Илаю неведомой силой тянуло к даханавару. Бурная фантазия молодого человека рисовала ему будоражащие картины будущего, где он, простой парень Илая — помощник мастера даханавара. Грозного и ужасного! Да это ведь, как оруженосец при странствующем рыцаре, вот только намного страшнее и опаснее, но ведь оно того стоит! Илая ощутил, что совершенно запутался в своих мыслях и желаниях, а потому сделал самое простое, что можно сделать, чтобы очистить разум. Вдохнув поглубже, он с головой ушел в пенную ароматную воду, оставив на поверхности торчать только розовые, распаренные коленки.

Кади Абу-т-Таййиб Мухаммад ибн Ахмад ибн Абд аль-Мумин был в отчаянье. Он сидел на полу в покоях своей дочери, обхватив голову руками и раскачиваясь из стороны в сторону. С дрожащих губ почтенного старца срывались тихие стоны и проклятие небесам, так несправедливо покаравших его и его семью. Вокруг все было перевернуто, сломано и разорвано в клочья, будто тут только что пронесся ураган. Этим ураганом, еще четверть часа назад, был сам кади.

В углу, съёжившись и накрывшись с головой полой одежды, сидела маленькая сухонькая старушка. При каждом стоне кади она мелко вздрагивала, вжималась в стену и старалась казаться еще более незаметной, чем уже была.

Наконец, кади поднял голову и посмотрел на женщину. Глаза его покраснели, а щеки были мокрые от слез, мужчина простонал.

— Фариха, что же мне теперь делать, Фариха? Где теперь моя Айнур?

Женщина быстро подползла к своему господину на коленях, не смея поднять глаз, она тихонько запричитала:

— Господин мой, это моя вина, я старая, бесполезная женщина, проглядела молодую госпожу, позволила ей уйти! Казните меня, мой господин, или прикажите старой Фарихе самой пойти и покончить с ее никчемной жизнью! Приказывайте, и я поднимусь на самую высокую стену этого города и брошусь на камни. Клянусь вам, что смою своей кровью этот позор, господин! Но прошу вас, прошу не убивайтесь так, лучше уж убейте меня!

— Фариха, если все было так просто, если бы твоя или моя смерть могли хоть что-нибудь изменить, клянусь Пророком, я бы поднялся на эту стену вместе с тобой! Но ни нам, ни Айнур, это увы не поможет! — сокрушался кади. — Послезавтра возвращается Ибрагим, что я скажу ему, старуха? Как объясню то, что его жена — моя дочь пропала? Как смогу

смотреть ему в глаза, когда после всего того, что он для нас сделал, а я отплатил ему черной неблагодарностью? А ведь все, что было нужно сделать это всего лишь следить, что бы Айнур не покидала своих покоев!

— Господин кади, если вы позволите... — начала старуха-служанка.

— Что еще?

— Возможно, я сильно ошибаюсь, господин мой, но мне на ум пришла одна идея. И возможно, я знаю кое-кого, кто может нам помочь... — она пожевала губами и явно собиралась сказать, что-то малоприятное для кади. — но прошу вас, выслушайте свою старую слугу прежде, чем приказать отрубить мне голову.

— Говори же, старая ведьма, а не то я велю отрубить тебе голову прямо сейчас! — старик с завидной прытью поднялся с колен и навис над женщиной в угрожающей позе.

— Я не хотела говорить вам господин, боялась вас понапрасну беспокоить, но последние несколько дней вокруг нашего дома крутился один человек...

— Что?! Ты думаешь Айнур похитили?! — взвился старик.

Женщина подняла руки над головой, призывая своего господина дослушать ее до конца.

— Я так не думаю, господин мой. Я сказала человек, но была не совсем точна в выборе слова, это был даханавар.

— Даханавар! Зачем этому нечистому понадобилось кружить вокруг моего дома? О, Небеса, не уж то он хотел навести на мой дом порчу?

— Я так не думаю господин, мне кажется он хотел поговорить с кем ни будь из вашего дома. Это было рано утром два дня назад, я как раз возвращалась с рынка, несла для госпожи Айнур свежие фрукты и сливки. Хотела приготовить ее любимый десерт, и тут мне на встречу вышел он. Похоже, он поджидал меня, следил, когда я подойду к дому. Он что-то хотел мне сказать, но я так испугалась и ничего не разобрала. Бросив свои покупки, я из всех своих сил бросилась к дому и едва успела закрыть за собой дверь как услышала настойчивый стук и просьбу впустить его и выслушать. Но я, ревностная поклонница учения нашего Пророка! Я закрыла ладонями уши, зажмурила глаза и начала громко читать священную песнь, что бы его слова не осквернили мой слух. Видит небо, я усердно молилась и вскоре это нечистое создание ушло, оставив старую Фариху в покое.

— Ты правильно поступила Фариха, как и надлежит благочестивой женщине. Но позволь спросить, как это может нам помочь?

— Видите ли, господин мой, к старости голос мой потерял былую силу и как ни старалась я громко читать слова песни, кое-что мои уши все же уловили. Даханавар просил выслушать его, что у него к вам важное дело. Он говорил, что это очень важно, особенно для Айнур. Женщина понизила голос и, округлив глаза, выпалила:

— Он произнес имя — Самир!

— Самир?! Да как этот нечистый только позволил себе упоминать имя моей дочери, рядом с именем этого негодяя! — кади гневно потрясал кулаками, его глаза метали молнии.

Фариха прижалась к его ногам, цепко обхватив ладонями ступни своего хозяина. Она пыталась сухими губами поцеловать его ступню, безостановочно бормоча просьбы сменить гнев на милость.

— Господин вы совершенно правы, Самир не достойный человек и Всевышний это знает! Но вспомните, что когда-то он звал вас отцом и был вашим зятем. Возможно, именно сейчас, никто кроме даханавара не сможет справиться с нашей бедой?

Кади еще немного побушевал и успокоился. Он поднял свою верную служанку с колен,

погладил по седой голове и поцеловал в лоб:

— Фариха, пусть Небо будет милостиво к нам. Я не знаю, что могу предпринять, чтобы найти свою дочь и спасти нашу честь. Но если Небо хочет, чтобы мы приняли помощь от нечистого, мы ее примем. Иди же, Фариха, разыщи этого даханавара и приведи его ко мне. Я выслушаю то, что он хочет мне сказать. Боюсь, но моя последняя надежда — это самому просить его о помощи. Даханавары искусны в решении самых запутанных ситуаций, возможно он именно тот, кто вернет мне мою Айнур.

Рассвет только занимался и на пыльно-сером небе ярко светила Утренняя Заря. Ночная роса, холодная и обильная, покрыла дикие травы, буйно разросшиеся среди могил. Шамиль притаился около одной из могильных плит. Бесшумный и недвижимый в предрассветном сумраке он и сам походил на одно из каменных изваяний украшавших цвинтар — так в Мирцею называли кладбище. Этой ночью даханавар не сомкнул глаз. После того, как он передал в руки метра Цыбульки захмелевшего Илаю, Шамиль не стал подниматься в свою комнату, а сразу направился в торговый квартал. Путь его лежал к дому, где обитал заморский гость — очень богатый негодичант из королевства Пушт. Хозяин дома временно отсутствовал в городе, но дом его не пустовал. Как выяснил Шамиль, пуштуец недавно решил жениться и перевез свою молодую невесту и ее престарелого отца в Мирцею. Даханавар уже несколько дней наблюдал за этим домом, ему было крайне важно добиться встречи с отцом избранницы пуштуйца — престарелым судьей, кади Абу-т-Таййиб Мухаммад ибн Ахмад ибн Абд аль-Мумином. Но после первой и весьма неудачной попытки поговорить с престарелой служанкой аль- Мумина, даханавар так и не видел, что бы кто-либо покидал дом. Резная дверь так не разу и не открылась ни для мальчишек посыльных, ни для торговцев — корабейников, ни для странствующих менестрелей. Дом будто затаился, но этой ночью случилось кое-что необычное. Перед самым рассветом, открылась боковая дверь, которую обычно используют слуги, увидев это даханавар удивился. Кому это понадобилось выходить из дома в столь темный час, когда большинство людей еще крепко спят? Из дома вышло странное лохматое существо, оглядевшись по сторонам оно стало на четвереньки и направилось вверх по улице. "А вот это уже кое-что интересное!" — отметил для себя Шамиль. Даханавар ловко спрыгнул с крыши дома напротив, которая прежде служила ему наблюдательным постом. Сидя на ней даханавар, мог отлично видеть оба входа в дом негодичанта. Стараясь держаться самых темных теней и оставаться незаметным, он последовал за косматым четвероногим созданием. К огромному удивлению даханавара существо уверенно направлялось к городскому цвинтарю. Проходя мимо кладбищенских ворот, оно на краткий миг попало в круг тусклого желтого света от масляного фонаря над воротами. Тигон? Шамиль был предельно удивлен увидеть эту огромную кошку так далеко от Пушта. Не уже ли новые родственники пуштуйца привезли с собой этого зверя в Мирцею?! Теперь становится более понятно почему они с такой неохотой открывают двери незнакомцам. В таком городе, как Мирцея, держать в доме опасного хищника, да еще выпускать его на самостоятельные прогулки по ночам, было явным нарушением законов. Тигон подошел к маленькой боковой калитке в каменной стене цвинтара, вновь поднялся на задние лапы и, просунув переднюю сквозь железные прутья, отодвинул металлический засов. Калитка с тихим скрипом отворилась. Находчивый зверь проскользнул на территорию цвинтара и вновь запер калитку за собой. Шамиль от удивления потер глаза. В то что зверя можно обучить открывать запоры он вполне мог поверить, но что бы зверь замыкал за собою, это уже казалось совершенно невероятным! "Из чего следует, что этот зверь только с

виду тигон, а значит, проследить за ним будет намного интереснее, чем я полагал раньше" — подумал даханавар. — "Ну кади, ну мошенник, полон чудес дом твой!" Шамиль проскользнул сквозь калитку вслед за чудо-зверем. Предусмотрительно, даханавар придержал ее что бы та не заскрипела и не выдала его проникновения своим неуместным звуком. С тихим шелестом меч даханавара покинул ножны. Шамиль пригнулся и перемещаясь от одной могильной плиты к другой, стал следовать за ничего не подозревающим тигонем. Тот теперь не пытался строить из себя обычное животное и передвигался на задних лапах, как обычный человек. Переходя от одной могилы к другой, он вновь становился на все четыре конечности, рыл передними небольшое углубление в цвинтарской земле, разбрасывая комья грязи и вывернутую с корнем растительность. Потом зверь опускал в углубление свою клиновидную морду, принимался и недовольно фыркал, издавая тихий рык он шел разорять покой следующей могилы.

Перемещаясь вслед за зверем-гробокопателем по обширному цвинтарю, Шамиль отметил, что ему попадаются могилы, где кто-то покопался намного ранее сегодняшней ночи. Системы в выборе могилы у зверя явно не было, тут попадались как старые, так и свежие захоронения. Отсутствовали и предпочтения того, кто погребен в могиле. Шамиль вспомнил, как недавно в одном из портовых кабаков, который он посетил по чистой случайности, он стал свидетелем драки двух изрядно пьяных мужиков. Он бы и не обратил на них внимания, если бы их спор не перешёл в пьяную потасовку. Один из них кричал "Собаки, бродячие собаки, чтоб тебя!", а другой "Хер тебе, а не собаки, всех собак мы переловили да на мыло извели! Это воры, могильные воры, говорю тебе!" Когда задиристых выпивох разняли, один из докеров пояснил Шамилю, что сцепились в споре могильщик и подмастерье мыловара. "Кто-то шалит по ночам на цвинтаре в Верхнем городе, разоряет могилы, роет под камнями. Сначала грешили на собак, забредающих туда с рынка, но потом собак отловили, а безобразия все продолжают. В магистрате решили, что это балуют кладбищенские ворюги, поставили пару стражников на несколько ночей, но ни один вор так и не появился. Да и из разрытых захоронений ничего ценного не пропадало. Ну стражу и сняли, а чего им там делать, коли никто в своем уме ночью на цвинтар не ходит? А безобразия все продолжают. Вот вы мастер даханавар, вы бы в магистрат зашли, может они вам и контракт дадут на этих землероек?" Даханавар, вежливо поблагодарил участливого докера, допил одним глотком свое пиво и покинул кабак. С тех пор он почти забыл об этом разговоре, отложив поход в городской магистрат на потом. И вот сегодня на рассвете он самолично наблюдал за тем, кто чинит беспорядки в месте упокоения благочестивых мирцеянцев.

Зверь подошел к очередному холмику земли, который принадлежал по виду весьма свежему захоронению, пару раз копнул лапой, принялся и удовлетворенно заурчал. Потом он сделал что-то уж совершенно невероятное: поднявшись на задние лапы он начал вилять бедрами, подпрыгивать и трясти передними лапами, поднимая их высоко над головой, это было похоже на какой-то безумный и неуклюжий танец. Окончив эти дикие телодвижения, зверь начал быстро раскапывать могилу.

Даханавар, пользуясь тем, что существо занято своим делом, сумел максимально близко подобраться к нему. Шамиль выглянул из-за стелы серого камня, увенчанной бронзовым изваянием орла, зверь как раз добрался до цели — тела, завернутого в саван. Пахло мерзким запахом тления. Одним движением когтистой лапы, зверь вспорол саван и погребальные одежды, обнажив вздувшийся от гнилостных газов огромный живот мертвеца.

По темным от трупных пятен гниющим гениталиям, Шамиль определил, что тело принадлежит мужчине. Пользуясь когтем как хирургическим инструментом, тигон вспорол купол живота трупа. Над цвинтаром разлился удушающий запах гниющей плоти. Любой человек вдохнув этот смрад, моментально расстался бы с содержанием своего желудка, Шамиль порадовался тому, что не принадлежит к обычным людям и более устойчив к вони. Хотя даже желудок даханавара сжался пару раз, подталкивая сытный ужин к самому горлу. Для того, кто скрывался под маской тигона, мерзкое содержимое брюха мертвеца, похоже выглядело и пахло весьма аппетитно. Погрузив лапу в разверстое чрево, существо выгребло склизкое сизое содержимое и принялось с аппетитом его уплетать. К даханавару существо сидело спиной, но по звукам чавканья и довольного урчания, сомневаться не приходилось, трупоед наслаждался. Это была очень удобная позиция для даханавара, чтобы напасть и одним ударом обезглавить трупоеда.

Шамиль беззвучно поднялся из своего укрытия и решительно шагнул навстречу твари высоко занеся меч, для решающего удара. И тут под его ногой послышался тихий мелодичный хруст. Проклятие! Как он мог забыть?! В Мирцее существовала традиция оставлять на могиле усопшего маленькие разноцветные стеклянные лампадки с ароматным маслом. Такие лампадки должны были гореть, освещая дорогу умершим в загробном мире. Видно, в густой траве предательски затерялась одна из таких опустевших, после догорания масла, лампадок, а ничего не заподозривший даханавар по неосторожности раздавил ее ногой.

Звук услышал не только Шамиль, но и занятый трапезой трупоед. Одним рывком он вскочил на задние лапы и попытался нанести даханавару сокрушительный удар целясь в его незащищенное горло, но меч даханавара был быстрее. Клинок и когтистая лапа встретились. Разбрызгивая кровь, отсеченная конечность тигона полетела в траву. Взвыв от боли создание отступило. По-человечески прижав обрубок к груди оно бросилось в сторону ближайшего склепа, даханавар ринулся вслед за ним. Существо явно знало цвинтар лучше даханавара, резво перескакивая с могилы на могилу, оно стремглав несло к цели. Даханавар осыпая проклятиями, не к месту выросшие перед ним препятствия: покосившиеся могильные камни, предательские кочки, металлические ограды вокруг вросших в землю саркофагов из гранита и мрамора, старался не отставать от прыткой твари. Лохматое чудище влетело под украшавшую вход арку усыпальницы, кубарём скатилось по темной лестнице, скрылось во мраке. Было трудно что-либо разглядеть, но спускаясь по истертые ступеням вслед за трупоедом, даханавар заметил, как, то нырнуло в приоткрытый высокий саркофаг, а потом опустило тяжелую резную крышку, отрезая тем самым себя от преследователя. "Вот же черт!" — выругался Шамиль. Напрягая всю силу своих стальных мускулов, он попытался вернуть крышку в прежнее положение, чтобы открыть вход, но сколько бы он не пытался, ничего не получалось. Видимо тигон воспользовался каким-то трюком и запер саркофаг изнутри. Стукнув с досады резной бок саркофага, окованным железом тяжелым носком сапога, Шамиль высказал пустой усыпальнице все что он думает по поводу половых предпочтений хитрого трупоеда и глупого кади, привезшего в Мирцею столь опасное создание.

Выбравшись из усыпальницы, Шамиль наспех очистил одежду от налипшей на нее паутины. Спрятав уже бесполезный меч в ножны, даханавар отправился к месту недавнего побоища. Стоило отыскать отрубленную лапу тигона и внимательно ее осмотреть. Кроме того, эта лапа отныне могла стать отличным пропуском в дом неприветливого кади. А после

стоит наведаться в магистрат и предложить свои услуги в поимке Мирцейского гробокопателя. Шамиль полагал, что сможет запросить приличную цену за трупоеда.

Обрубок нашелся под кустом боярышника. Звериная лапа с длинными и острыми как бритва когтями, вот только лапа была из стали и мех тигона, который клочком свисал с нее, был прикреплен к ней стальным зажимом. Занятная вещь на поверку оказалась перчаткой. Множество мелких сочленений позволяли отрубленной кисти, находящейся в ее тисках так отлично функционировать. Повозившись с хитрым устройством, даханавар извлек отрубленную конечность из стального панциря. Это оказалась изящная женская ручка, холеная, белая, с ноготками, покрытыми карминовым лаком. Кожа на ладони была расписана узорами, нанесенными хной, а пальцы украшены дорогими перстнями с самоцветами. "А вот это уже интересно!" — хмыкнул себе под нос даханавар. Он достал чистый носовой платок и бережно завернул находку. Опустив сверток в недра поясной сумки, даханавар покинул цвинтар и под щебет ранних пташек, которых разбудили первые лучики солнца.

3

Фариха вышла из дома. Подслеповато шурясь на яркое утреннее солнце, она поправила шаль, скрывавшую ее седые косы. По законам ее страны, приличная женщина не должна ходить с непокрытой головой, так делают только распутницы. Весь этот чужой город, куда ее привез хозяин, просто сборище грешников и распутниц. Сокрушенно покачав головой, она тяжело вздохнула. Фариха тосковала по родине, по славному городу Басуре, где родилась и прожила всю свою жизнь. Там она знала, каждую улицу, знала множество хороших людей, знала как надлежит себя вести, что говорить и что делать. Там все было ей родным и знакомым. Но здесь! Фарихе не нравился этот город, ее пугали его люди и их обычаи, пугала их громкая трескучая речь, тут она была чужачкой. Фариха должна была найти даханавара, это она обещала кади. Но как найти его в таком огромном, совершенно незнакомом ей городе? Фариха бывала только на рынке Верхнего Города, куда ходила за продуктами. Невзирая на почтенный возраст, Фариха была умелой домоправительницей и очень хозяйственной женщиной. Так после переезда в дом жениха Айнур, Фариха сумела доказать, что одна может заменить почти всю домашнюю прислугу, чем сильно впечатлила пуштийца, заслужив его доверие и уважение. Пусть рынок этого города и отличался от роскошного базара в Басуре, но Фариха знала, что все слухи, все сплетни и все новости первым делом стоит искать именно там. Там они свежие и горячие, как и ее любимые жареные пирожки. Фариха поспешила на рынок.

Раскинув свои цветные шатры, и заняв все первые этажи окружающих площадь Согласия зданий, рынок гудел, как потревоженный улей. Мимо Фарихи пробегали юркие мальчишки, служившие в лавках, зазывали в свои шатры взглянуть на товары бойкие торговцы, важно шествовали, толкая перед собой тележки со снедью и напитками, продавцы уличной еды. Они предлагали как посетителям рынка, так и его обитателям, горячие завтраки и бодрящие напитки. Фариха особенно любила один из таких напитков, он назывался каваш. Густой, маслянистый напиток из обжаренных ярко-красных зерен, он был похож на густое темное вино, имел приятную горчинку и кислинку, а особенно вкусно было его пить, приправив корицей и медом. По мнению Фарихи в Мирцее готовить и пить каваш не умели. Тут его подавали слишком жидким и предпочитали пить с молоком. К тому же заваривали совершенно неправильно, просто заливая порошок кипятком. В Басуре же каваш варили не спеша, на раскаленном песке, позволяя каждой крупнице молотого зерна отдать

свой вкус и аромат. Ах, Басура! Увижу ли я еще хоть раз золото шпилей твоих башен, услышу ли священную песнь, разливающуюся над городом с их высоты?! Фарихе было грустно думать, что умереть ей предстоит на чужбине вдали от родных мест, но на все воля Небес.

На каждом рынке всегда найдутся люди готовые поделиться информацией за небольшую плату, увидев одного из таких людей женщина направилась к нему. Слепой на один глаз старик с взлохмаченной бородой и плешивой макушкой сидел, опершись на стену высокого дома с химерами. Перед стариком стояла глиняная щербатая миска, в которой уже было несколько медяков и даже один серебряный кругляш. Это был нищий. Подойдя к старику Фариха, поприветствовала его со всей учтивостью, пожелав ему здоровья, процветания и долгих лет. Старик осклабился щербатым ртом и задорно подмигнул женщине назвав ее "сиятельной красоткой". Фариха едва не фыркнула от наглой лести убогого ловеласа, но сдержалась. Попытавшись изобразить смущение и улыбку, она достала из-за пояса серебряную монетку и положила ее в заскорузлую от грязи руку попрошайки. Тот улыбнулся еще шире признаваясь, что "готов за столь щедрую плату услужить сиятельной госпоже, как она того пожелает". Фариха не стала медлить и задала интересующий ее вопрос. Нищий немного подумал, пожевал кончик своей неопрятной бороды, а потом сунув два пальца в рот залихватски свистнул и заорал "Виктор!" На зов откликнулся один из мальчишек оборванцев, крутившихся неподалеку. Конопатый шкет, до невозможности похожий на старика, хоть их и разделяла пропасть лет, шустро примчался на зов. "Мой младшенький!" пояснил женщине нищий и на изумление, отразившееся на лице женщины, добавил "Внук! Их у меня семеро!". "Было бы чем гордиться!" подумала Фариха и ласково улыбнулась шкету. Старик стал расспрашивать мальчика о высоком мужчине со странной татуировкой на лице и глазами "как у дохлой рыбы". Мальчик поскреб нечесаные патлы, явно кишмя-кишевшие паразитами и заявил, как видел этого мужика на постоялом дворе метра Цыбульки. Фариха поблагодарила "молодого человека" и протянула ему медную монетку, тот ловко подбросил ее в воздух и спрятал за чумазую щеку. "За еще один медячок и мой Виктор отведет вас туда, добрая госпожа." — предложил ей дед мальчишки. Фариха поблагодарила его и протянула мальчику еще один медный кругляш, который тут же отправился вслед за первым.

Пацаненок оказался весьма приятным и веселым попутчиком. Пока они добирались до постоянного двора "Три кружки эля", он рассказал пожилой женщине целый ворох свежих городских сплетен и даже спел куплет одной из популярных и не очень приличных кабацких песен. У ворот постоянного двора шкет был вознагражден за труды третьим медяком, чему более чем радостно удивился, и учтиво распрощавшись, с гиканьем понесся обратно в сторону рынка.

Постоялый двор "Три кружки эля" был довольно популярным и оживленным местом. Конечно, он проигрывал в пышности постоянным дворам Верхней Мирцеи, но и был значительно чище и уютнее тех крысиных нор Нижнего Города, которые предоставляли ночлег гостям в уже совершенно отчаянном положении. "Три кружки эля" привечал гостей среднего достатка. А потому, когда в его ворота вошла маленькая сухенькая старушка, с головы до ног замотанная в темный платок на нее, никто сначала не обратил внимания. Фариха растеряно огляделась по сторонам, выискивая глазами среди люда, наводнившего двор перед трактиром кого-нибудь способного ей помочь. Она увидела, как из-за угла появилась пара — явно слуги. Низенькая женщина — прачка, с красными и распухшими от постоянной возни со щелоком руками, несла, прижимая к пышному бедру, корзину с

выстиранным бельем. Высокий и тощий как жердь, ее спутник — конюший, который в этот момент рассказывал своей даме что-то забавное, он подкручивал пшеничный ус и сластолюбиво поглядывал на необъятный бюст своей дамы, рвущийся наружу из тугого корсажа. Мужчина строил забавные рожицы и тем очень смешил свою подругу. Фариха попыталась заговорить с дворовыми слугами, но у нее это не очень хорошо получалось, из-за явного акцента. Пытаясь объяснить, что ей нужно на ломаном языке, она отчаянно жестикулировала и часто сбивалась, повторяя "пожалуйста, пожалуйста". Слуги, смущенные таким странным поведением посетительницы, не только не пожелали ее выслушать, но даже попытались прогнать старуху прочь. Старую пушгийку приняли за надоедливую нищенку, одну из тех, которые околачивался вокруг приличных мест, где добросердечные люди могут пожертвовать медячок — другой. Конюший попытался схватить женщину и силой, выставить за ворота, но та завопила и начала отбиваться, визжа и царапаясь, как ополоумевшая кошка. Из окон гостевых комнат на втором этаже, высунулись любопытные головы слуг и постояльцев. Люди желали поглядеть на бесплатное представление. Несмотря на почтенный возраст, пушгийка активно сопротивлялась, громко ругая нерадивого слугу, посмеявшегося с ней так обойтись. На своем гортанном языке, она разносила его в пух и прах. Возмущенный конюший бранился в ответ, обзывая нахалку "ополоумевшей гусыней, холерой, и старой вертлявой задницей". В итоге зрелище выходило весьма занятное.

Ссора протекала более-менее мирно пока кто-то из толпы зевая, собравшейся во дворе, не бросил в сварливую парочку яблочный огрызок. Огрызок ударил конюшего в затылок, это было неожиданно, конюший, хлестко обозвал меткого шутника и на момент утратил бдительность, тем самым позволив старухе вырваться из его цепких рук. Та, не растерявшись, метнулась в сторону, подхватила какую-то сухую палку с земли, это оказался черенок от старой метлы. Фариха воинственно огрела палкой мужчину пониже спины. Взревев от такой наглости, тот вновь ринулся на вредную старуху. Тут в спину ему прилетела гнилая картофелина, чем опять вывела из равновесия воинственного слугу. Стали раздаваться смешки и подбадривания, обращенные к проворной старушке. Становилось понятно, что на постоялом дворе конюший явно не пользуется уважением и дворовая челядь его недолюбливает. Фариха, широко улыбнулась, открывая розовые почти пустые десны, и приняла в боевую позу. С детства пушгийцев, и мальчиков, и девочек, обучали владению таванаккой, гибким длинным шестом, которым можно было защититься от нападавшего. Этот шест-посох отлично подходил для того, чтобы не нанеся ран противнику, проучить его и предостеречь. Таванакка отлично подходила, чтобы охладить боевой пыл нападавшего: будь это разбойник, прокравшийся в дом ночью, или голодный тигон встретившийся на пустынной горной дороге. Взревев как разъяренный бык, мужик бросился на свою обидчицу. Выставив вперед широко разведенные руки, он попытался ее схватить, но руки поймали только пустоту. Фариха ловко сделала подсечку, и враг с грохотом полетел на землю. К несчастью для конюшего, его приземление закончилось позором. Красное от гнева лицо угодило прямо в свежую кучу теплых конских каштанов, которые не еще успели убрать. Весь двор, увидавший столь нелепое падение, взорвался. Люди заходились в диком хохоте. Фариха, увидев, что враг повержен, подняла свое оружие над головой и издала пронзительный победный клич.

Над двором пронесся властный окрик:

— А ну тихо тут! Кто-нибудь объяснить мне, что здесь происходит? — это сам метр Цыбулька вышел на крыльцо.

Он как раз спускался, в таверну, после того как навестил наверху Илаю, как был привлечен шумом, доносившимся снаружи. К нему резво подбежала давешняя прачка и жестом попросив пригнуться начала быстро и горячо объяснять метру на ухо, сложившуюся ситуацию. Метр внимательно слушал, хмурил брови, потом удивленно вскидывал, роняя короткие вопросы: "А он что?", "А она что?" Потом замахал на прачку пухлыми руками, приказав ей не нести чепухи, а поскорее вернуться к работе. Обернувшись к собравшейся во дворе толпе зевак, он крикнул:

— Эй люди, не на что тут смотреть, давайте-давайте, расходитесь!

Изобразив на лице смесь участия, вины и радушия он направился к неожиданной гостье, замершей в напряженной позе. Конюший тоже поспешил ретироваться, благо под шумок, на его потешный вид мало кто уже обращал внимания.

— Госпожа! — протянул метр виновато улыбаясь, — нижайше прошу, примите мои глубочайшие извинения! Эти люди, они просто сущие невежды и глупцы, как могли они принять достопочтенную последовательницу Пророка за вульгарную попрошайку?! Прошу вас проявить милосердие и простить им и мне этот досадный инцидент! А в качестве примирения позвольте пригласить вас в мое уютное заведение. Могу я вам предложить отобедать или угоститься сладостями и чашечкой восхитительного каваша, который я буду счастлив собственноручно вам приготовить!

Смерив метра гордым и непримиримым взглядом Фариха, изрекла:

— Боюсь, в этом городе вряд ли кто-либо умеет варить каваш правильно. Последний раз я пила настоящий каваш в благословенном городе Басура и с тех пор ни разу мне не подавали ничего настолько достойного! Единственный человек, который знает как это делается это я сама, юноша!

— О вы совершенно правы, достопочтенная! — метру явно понравилось, что его назвали юношей, коим он уже давно не являлся, однако вполне мог быть ровесником сына этой старухи.

— Но если вы сообразоволяете принять мое предложение, а также поделитесь, что вас привело к моему порогу, то я приложу все усилия что бы загладить эту малоприятную неловкость. К тому же, я готов сварить лучший каваш в этом городе четко следуя вашим указаниям, достопочтенная госпожа.

— Ну... возможно я могла бы простить вас и даже кое-чему научить, если бы у вас только нашлась печь с жаровней и белым песком из Пушта. — Фариха хитро взглянула на метра, явно чувствуя свое превосходство, перед этим варваром.

— Настоящий каваш получается только если его готовить на белом пуштийском песке. Иначе все, что у вас получится, будет по вкусу не лучше вскипевшей ослиной мочи.

— О, уверен, что не разочарую вас, у меня как раз есть мешок настоящего белого песка, собранного в Долине Царей в благословенном Пуште.

— Ну, тогда у меня появился шанс еще раз отведать этого достойного напитка. Что же мы стоим, ведите меня, юноша, да поскорее. Старость она, знаете ли, не в радость. Посмотрим, возможно каваш вы варите лучше, чем воспитываете свою челядь.

Где-то полчаса спустя, а может немного больше, на большой, но уютной кухне "Трех кружек эля", два человека вели увлекательную беседу. Перед ними стояли маленькие пузатые кружечки из расписанной цветами обливной керамики, в которых дымился ароматный напиток. Каваш, сваренный тандемом Фарихи и метра Цыбульки, удался на славу.

— Это просто какое-то колдовство! Никогда не пробовал ничего более вкусного и бодрящего. Мне кажется я помолодел лет на двадцать! — удивлялся метр. Сощурился от удовольствия он прихлебывал из кружки каваш и цокал языком после каждого обжигающего глотка.

— Нет, ну вы только скажите мне правду, госпожа Фариха, а вы точно не чародейка? — вопрошал он.

— Ну что вы! — старая женщина замахала на него руками. — Как можно?! Чародейство — это зло! В Пуште чародеев забивают камнями! Да я бы в жизни не посмела творить волшебство! Просто я уже очень стара, и за свою длинную жизнь я сумела кое-что повидать и кое-чему научиться, и это совсем никак не связано с магией, я всего лишь знаю, как и что вкусно приготовить.

Метр Цыбулька, недоверчиво качал головой, но не возражал, боясь вновь обидеть старую женщину.

— Касательно вашего интереса, госпожа Фариха, это сушая правда и среди моих постояльцев действительно есть тот, кого вы ищите. Этот мастер даханавар очень занятой человек, он почти не бывает в своих апартаментах. Но платит он мне весьма щедро. К тому же, я думаю, он не откажет вам в просьбе.

С заговорщицким видом метр придвинулся поближе к собеседнице и понизив голос до шепота, будто открывал ей великую тайну, произнес:

— Есть основания полагать, что не смотря на его весьма пугающую внешность и особую природу его занятий, человек он великодушный и благородный.

— Позвольте и мне сказать, метр Цыбулька, но я с трудом могу поверить вам. О нет! Я вас совершенно не обвиняю в неправдивости ваших слов, но там откуда я родом, к даханаварам не самое доброе отношение. Когда у нас в королевстве был избран новый Пророк, он сделал все что бы обличить несправедливость чародейства и всего, что с ним связано. Это привело к тому, что даханавары были объявлены нечистыми и отныне въезд для них, магов и чародеев на территорию Королевства Пушт строго карается законом.

Фариха тоже приблизилась к метру Цыбульке, смотря ему прямо в глаза, она твердо сказала:

— За это нарушившего закон полагается казнить на месте, как иностранного шпиона, врага правоверного пуштийского народа и Пророка лично!

— Надо же... Ваш Пророк — весьма суровый парень. — задумчиво покачал головой метр.

— Суровый. — согласилась Фариха. — Но справедливый!

Она начала загибать пальцы, приводя убедительные аргументы:

— За годы его правления наш народ не вступал ни в одну войну, у нас почти нет преступности и год от года пуштийцы богатеют. А все по милости Небес и благодаря неусыпному оку нашего Славного Пророка, который, день и ночь бдит о спокойствии и благе своей паствы! Да не будут сочтены его дни во веки!

— Да не будут... — вторя словам женщины повторил метр. — Однако, должен сказать, что Мирцея многим обязана Братству Черного Солнца. Эти ребята всегда готовы полезть хоть в пекло, хоть демону на рога, за плату, конечно. Но ведь, согласитесь, глупо рисковать жизнью, не получая взамен достойного вознаграждения?

— А почему это вы, метр, так защищаете этих даханаваров? — вдруг поинтересовалась старуха.

— Они не раз выручали нас, простых жителей Мирцеи. Спасали от разных напастей и монстров, когда городская стража и бургомистр только разводили руками или трусливо прятались за стенами магистрата, в надежде что все само собой обойдется. Знаете, вот и вчера этот даханавар, мой постоялец, привел сюда сильно израненного юношу, почти мальчика. Я видел таких, бедолаги, приехавшие из предместья в Мирцею в надежде на лучшую долю. Они почти никогда не имеют шансов на нормальную жизнь в этом городе, рано или поздно они попадают в лапы бандитов и выполняют для них всю грязную работу, а когда становятся им не нужны, о них узнают городские власти. И, привет! — для большей выразительности, безвыходного положения, он стукнул ладонью по столу, будто прихлопывая вредное насекомое.

— Так вот, о чем это я?! Этот даханавар, не только накормил и напоил бедолагу, но и снял для него комнату, оплатил одежду и лекаря!

— Что же, весьма благородно, для того, кого сложно упрекнуть в добросердечности. — согласилась удивленная женщина. — Но не стоит ли за этим личный интерес, метр?

— Да уж какая разница, госпожа, все лучше, чем сгнить в какой-нибудь сточной канаве. Знаете, от мальчишки так несло, будто именно оттуда его даханавар и вытащил. — метр Цыбулька позволил себе улыбнуться.

Из кухни было видно, как люди в основном зале пьют, едят, играют в кости. Было видно, как между столов шныряют шустрые подавальщицы, а еще был виден вход. В этот самый момент дверь таверны широко распахнулась и на порог ступил высокий мужчина, жгучей южной внешности. Лицо мужчины украшала замысловатая татуировка, а льдистые глаза внимательно обводили зал и его посетителей. Это был мастер даханавар Шамиль Тень.

Метр Цыбулька, который, несмотря на оживленный разговор, никогда не терял бдительности и по-хозяйски всегда присматривал за залом, поднялся из-за стола и обратился к посетительнице:

— Ну, госпожа Фариха, вот и явился наконец тот, кого вы так долго ждали. Пойдемте, я вас ему представлю.

Навстречу Шамилю спешил метр Цыбулька, с интересом выглядывая из-за его массивной фигуры за ним поспевала маленькая старушка, смутно знакомая даханавару.

— Мастер Шамиль, к вам гостя! Это мадам Фариха из дома кади аль-Мумина. Похоже у нее к вам важное дело.

— Очень приятно, госпожа Фариха! — Шамиль склонился в учтивом поклоне. — Мне кажется или мы, не так давно, уже имели счастье встречаться? Вот только тогда обстоятельства были не столь располагающие к разговорам, не так ли? — даханавар явно намекал Фарихе на ее спешный и неловкий побег из его компании в прошлый раз.

— Вы абсолютно правы, мастер Шамиль, в тот раз обстоятельства сыграли с нами весьма злую шутку. Однако, я надеюсь вы не откажитесь выслушать старую женщину? Увы, но в дом моего господина пришла беда и боюсь никто кроме вас не в силах нам помочь.

Метр Цыбулька, увидев, что его миссия выполнена, тактично ретировался на кухню. Близился час обеда и хозяину таверны пора было заняться делами.

Они присели за широкий дубовый стол, Шамиль заказал освежающие напитки для себя и для дамы. Фариха глубоко вздохнула и начала:

— Господин даханавар, кади прислал меня, чтобы попросить вас заглянуть к нему, у него к вам дело неотложной важности.

— Надо же, как интересно! Еще пару дней назад я сам искал встречи с distinguished

кади, но двери его дома были для меня закрыты. — даханавар прищурил глаза внимательно смотря на старуху. — А теперь кади желает видеть меня лично и даже прислал вас, чтобы просить о встрече?

— Тогда вы меня напугали! — возразила женщина. — Признаюсь честно, мне прежде не довелось встречать кого-либо подобного вам. Мир за пределами королевства сильно отличается от того, к которому я привыкла. — Фариха смущенно потупилась.

На ее лице залегла тень печали, она сокрушенно произнесла.

— Дом моего господина постигло несчастье — пропала его возлюбленная дочь. Сейчас мы все живем милостью будущего зятя кади, господина Ибрагима ибн Тахта. Мы не знаем кто бы мог нам помочь и отыскать госпожу Айнур.

— Вам стоило обратиться в магистрат, уверен городская стража, вполне способна отыскать юную пушгийку в Мирцее.

— О нет, нет! Дело не потерпит огласки, да и сроки поджимают, госпожу надо найти до послезавтра, пока ибн Тахт не вернулся в город. Кади заплатит, щедро заплатит, уж не сомневайтесь!

— Ладно, ладно, я не позволю вам меня упрашивать, госпожа. — успокоил пожилую женщину Шамиль. — Идите и передайте достопочтенному аль-Мумину, что я приду, как только стемнеет. Я знаю о традициях вашего народа и постараюсь не скомпрометировать ваш дом своим появлением. Особенно, если дело следует сделать в тайне.

— О, благодарю вас господин даханавар! — с жаром воскликнула женщина.

В порыве благодарности она протянула руки, чтобы сжать ладонь даханавара в своих, но лишь прикоснувшись к смуглой ладони, тут же отдернула руки. Прохладная сухая кожа, отрезвила ее, напомнив кто перед ней. Смутьившись, она молча поспешила покинуть собеседника.

Даханавар, после того как старуха ушла, только печально улыбнулся и покачал головой. Выпив кружку освежающего мятного эля, он расплатился с подавальщицей и поднялся в свою комнату. После последней весьма тревожной ночи и не менее хлопотного утра ему стоило немного отдохнуть.

Не успел он скинуть на кровать короткий плащ, снять перевязь с мечом и взяться за изрядно перепачканные высокие сапоги, как в дверь постучали.

— Какого черта?! Ну кто еще там? — Шамиль в два широких шага пересек комнату, отодвинул засов и распахнул дверь. На пороге, переминаясь с ноги на ногу, стоял Илая.

— А, это ты! Проходи. — из голоса даханавара исчезла скрытая угроза. — Как ты себя чувствуешь?

— Спасибо, уже намного лучше. Вы столько для меня сделали! Да чего уж там, буквально вытащили меня из дерьма! Вот я пришел вас поблагодарить и еще, еще я хотел сказать... Я, я принял решение.

— Вот как? И какое же оно будет, твое решение? — даханавар поднял бровь, он пристально смотрел на Илаю.

— Я хочу быть вашим помощником! — выпалил юноша, не отведя глаз от ледяных очей даханавара. — И это не просто благодарность за то, что вы спасли мою жизнь, мастер Шамиль, я действительно этого хочу!

— Что же, да будет так. — вернувшись к прерванному занятию даханавар снял сапоги и принялся за доспехи. Илая хотел предложить свою помощь, но Шамиль отказался.

— Тогда вот твое первое задание: спустись на кухню метра Цыбульки и закажи хороший

обед на двоих, и скажи, чтобы принеси его сюда. Вечером нас ждет небольшое путешествие в дом одного достопочтенного господина, и я не желаю идти туда на голодный желудок. Надеюсь, ты не откажешься со мной отобедать? Если ты теперь будешь моим помощником, нам стоит познакомиться получше.

— О, это я мигом! — оживился Илая и юркнул за дверь.

4.

В доме кади, царили сумерки. Высокие стрельчатые окна были занавешены плотной богатой узорчатой тканью, большинство ламп не горели, но по углам чадили ароматным дымом курильницы. Атмосфера была угнетающей, и она вполне соответствовала печали охватившей аль-Мумина. Даханавар и Илая сидели на невысоком топчане напротив кади, ожидая, когда хозяин дома заговорит.

— Моя дочь. — начал безжизненным голосом кади. Слова довались ему тяжело, будто застревают в горле. — Сегодня ночью она пропала. Я хочу, чтобы вы нашли ее. Мне тяжело говорить об этом, но моя дочь очень больна, с раннего детства она страдает расстройством сна. Моя дочь ходит во сне, особенно часто это случается, когда луна полная, как это было вчерашней ночью. Обычно, дверь ее спальни запирают на ключ, но моя служанка уже стара, и вчера она недоглядела за Айнур. Боюсь моя дочь покинула дом сама того не осознавая, мне страшно подумать, где она теперь и что с ней. Мой будущий зять пока не знает о недуге моей дочери, и я боюсь это знание может расстроить их свадьбу, а ведь она так важна для нашей семьи. Ради этого брака мы покинули Басуру, приехали сюда, в этот город, где нам не на кого полагаться кроме нашего соплеменника Ибрагима ибн Тахта. Мы здесь чужаки.

— Это все, что вы желаете мне сообщить? — даханавар выжидательно изогнул бровь.

— А что же, вам нужно еще? — раздраженно спросил кади. — Если вы спрашиваете о деньгах, то не беспокойтесь, я заплачу золотом. Вот, возьмите это, как задаток. — кади вынул из-за широкого, расшитого серебряной нитью, кушака небольшой мешочек и бросил его на чайный столик разделявший его и посетителей. — Тут пять золотых серебром, приведите Айнур и получите в два раза больше.

Даханавар покачал головой.

— Золото я не приму. Любой другой мог бы нанять меня за звонкую монету, но не вы, кади. Так уж случилось, что я прибыл в этот город, чтобы напомнить вам о долге. О долге чести перед другим человеком, вашим соотечественником. В оплату моих услуг, я обязую вас исполнить его. Я возьму с вас обещание!

— Долг? Обещание? Вам? С какой стати я должен вам что-либо обещать?! Да если бы не острая нужда, я бы никогда не обратился за помощью к такому, как вы! У нас в Пуште вы бы и десяти шагов не ступили по священной земле королевства, как были бы уже мертвы! Я сгораю от позора, что вынужден просить о помощи даханавара, я унижаюсь перед нечестивцем, плачу вам золотом! Я кади — судья, я доверенное лицо самого Пророка в вопросах нравственности! А ты смеешь мне, говорить о каком-то долге?! Ставить мне свои условия?! — кади вскочил, его лицо приобрело багровый оттенок, кулаки его сжались, он был само негодование.

Даханавар никак не отреагировал на эту вспышку, из-под плаща он достал небольшую деревянную шкатулку и поставил ее на стол, рядом с деньгами кади.

— Что это? — спросил возмущенно кади.

— Я бы и сам хотел знать. — отвечал даханавар — то, что в ней лежит принадлежит человеку, который вчера ночью вышел из дверей вашего дома. Возможно, вы знаете о нем

больше моего и это поможет нам понять, что случилось с вашей дочерью.

Кади успокоился, присел на кушетку и крикнул Фарихе, что бы та принесла лампу. Женщина будто только того и ждала, поспешила выполнить просьбу хозяина. Когда светильник был водружен на стол, кади открыл шкатулку. На его дне лежал небольшой предмет, завернутый в платок. Прежде ткань была белой, но теперь ее покрывали бурые пятна. Кади развернул загадочный сверток и тут же отшатнулся.

— Фу! Что за мерзость! Что ты принес в мой дом? — с брезгливостью он оттолкнул шкатулку по направлению к Шамилю.

Шамиль вынул предмет из шкатулки — это была бледная отрубленная женская кисть. Даханавар протянул ее кади.

— Боюсь вам придется рассмотреть ее получше. — сказал он. Самоцветы на перстнях, украшающих мертвые пальцы, заиграли бликами. Раздался протяжный стон и звук падения чего-то тяжелого на пол. Присутствующие в комнате мужчины обернулись на звук — на полу распростерлось тело Фарихи, женщина, увидев обрубок, лишилась чувств.

— Женщина! — с досадой воскликнул кади, он склонился над старой служанкой. Положив седую голову Фарихи себе на колени, он хлопал ее по морщинистым щекам, но безуспешно, женщина все еще не приходила в себя.

— Ну же, юноша! — обратился Шамиль к Илае. — Дайте мне вазу, что стоит на том столике у окна, мне нужна вода.

Илая бросился к столику, он вынул из вазы пышный букет и передал ее даханавару. Тот смочил водой край платка женщины, соскользнувшего во время падения хозяйки с ее головы, и начал отирать влажной тряпичей лицо служанки. Это помогло. Женщина начала приходить в себя. Увидев над собой склонившиеся и взволнованные лица мужчин, Фариха заплакала.

— Господин, какое горе! Я узнала ее! Эта рука, эти кольца, это Айнур, господин! Что с моей бедной девочкой, мастер Шамиль? — ее мокрые от слез глаза с мольбой воззрились на даханавара.

Не только Фариха, но и кади, и Илая выжидательно смотрели на даханавара. Тот помог подняться старикам и, после того как они уселись на кушетку, рассказал им все, чему стал свидетелем прошлой ночью.

Его рассказ ввел всех в полное замешательство. В комнате повисла глубокая тишина. Наконец, аль-Мумин нарушил ее. Казалось, выслушав даханавара он постарел лет на двадцать и теперь вместо крепкого мужчины преклонного возраста, перед гостями сидел глубокий старик, раздавленный бременем глубокого горя.

— Всю свою жизнь я думал, что живу правильно. Чту Всевышнего, покоряюсь воле Небес, исправно служу Пророку, защищаю свою страну от зла, борюсь с магиками и мракобесием, которое всегда угрожало моему народу. — начал он и вдруг спросил, обращаясь к Шамилю и его спутнику. — А знаете ли вы почему в Пуште так нетерпимы к магикам, почему колдовство вне закона? — Илая покачал головой, Шамиль не шелохнулся, пристально смотря в лицо кади. Кади продолжал.

— Еще сорок лет назад, когда я был совсем мальчишкой, я помню, как на весенний праздник Паса, мать водила меня на площадь посмотреть на выступления факиров и соревнования выпускников магических школ. Я помню, как магики на потеху людей, превращали цветы в бабочек, а воду в вино. Помню, как они заставляли своими заклинаниями маршировать огромных глиняных людей, одних одетых в форму королевских

гвардейцев, других в одежду пустынных дикарей-разбойников. Эти разбойники были вечной угрозой караванам, а иногда даже осаждали наши города. Волшебники, управляли глиняными людьми, как марионетками, они проводили их строем по городским улицам, а потом, выведя их за стены, устраивали потешные сражения заставляя великанов крушить друг друга. Эти сражения я и другие горожане наблюдали со стен окружавших Басуру. Клянусь, они были прекрасны. Смотря на них, я тоже хотел вырасти и стать королевским гвардейцем, чтобы носить эту красивую форму и сражаться за свой город и королевство. Я вырос сильным и крепким юношей, когда я поступил на службу в басурский полк королевской гвардии, в Пуште случилась попытка государственного переворота. Заговорщики, вооружившись поддержкой Владык магического анклава, свергли и убили предыдущего Пророка и нескольких глав священного синода. Они оспорили божественность Пророка, объявив его обычным человеком. Бунтовщики хотели свергнуть власть священного синода, избравшего Пророков. Они хотели создать народный парламент и возвести на престол своего представителя, наследника древнего королевского рода, правившего королевством до Пророков и синода. Несколько дней столица была раздираема противостоянием сторон, на улицах шло бесконечное сражение, реки крови сделали город багровым. Но в итоге, синод и его сторонники, заручившись помощью армии и победили мажиков. На священный престол взшел новый Пророк, а бунтовщики и отступники были публично осуждены и казнены. Как в последствии оказалось, к несчастью для мажиков, протеже заговорщиков и сам был не лишен магического дара. Новый Пророк воспользовался этим знанием и объявил, что именно маги совратили многих достойных граждан пойти против воли Всевышнего и синода. Он объявил казненных одержимыми, жертвами козней злобных магов. Магов, возжелавших власти над пушгийском народом. Казненные были помилованы посмертно. Это простое объяснение позволило объяснить народу случившееся и избежать зарождавшегося народного недовольства, которое грозило вылиться в гражданскую войну, уничтожившую бы Пушт. Так началась великая охота на ведьм, "священное очищение народа", как провозгласил Пророк. Я сам был частью этого. — кади вздохнул.

— Я участвовал в карательных рейдах. Нам было поручено находить и отлавливать скрывавшихся мажиков, а потом их отправляли на плаху. Однажды мы взяли старика, он просил пощадить его заявляя, что он вовсе не маг, а простой травник, но у него мы нашли книги и свитки, на неизвестном языке. Командир моего отряда спросил его "что это?", а старик ответил, что это рецепты и справочники с описанием трав и веществ, которые нужны ему для составления бальзамов, мазей, припарок и зелий. "Зелий?" Переспросил мой командир, — "Так значит ты признаёшься, что занимался запрещённым искусством. Только колдуны и лекари варят зелья, это известно всем! А ты не лекарь!" Старика увели.

— Я покидал его дом последним и когда дверь за моей спиной почти закрылась, я услышал, как в доме, кто-то начал рыдать. Вернувшись, я внимательно осмотрел комнаты, было тихо. Тогда я сказал, чтобы плачущий показал себя иначе я запру дверь и подожгу дом, вместе со всеми, кто в нем остался. Тогда тяжелый ковер на дальней стене вдруг откинулся и в комнату вошли две девушки: одна — постарше, лет двадцати, невысокая ростом с некрасивым лицом, но выразительными глазами; вторая — выше ее на голову, но явно младше. Такой прекрасной девушки я не видел никогда, казалось, сама Пери сошла на землю, покинув Небесные Сады. Взглянув в ее заплаканные, прекрасные глаза, а рыдала именно она, я утонул в их черном омуте. Я понял, что безнадежно влюбился. Это оказались дочери того колдуна, прятавшиеся от тех, кто пришел за их отцом. Я хотел подойти и

утешить бедную девушку, вытереть слезы на ее прекрасном лице. Старшая из сестер загородила мне путь. Эта маленькая отважная девушка сказала, что не позволит мне коснуться ее сестры, она достала кинжал из складок платья и наставила на меня, недвусмысленно показывая, что готова защищать честь сестры до конца. Я просил ее успокоиться, сказал, что я их не трону и сейчас уйду. Я просил ее лишь об одном, что бы они с сестрой не покидали своего укрытия, пока все не уляжется. Я сказал, что поздно ночью вернусь за ними и отведу в дом моей матери, где их радушно примут и где ничего не будет угрожать ни их жизни, ни чести. Немного подумав, старшая согласилась со мной, ведь, кроме меня теперь у них не было больше защиты. Отец их был арестован, а имущество конфисковано в казну королевства, и лучшее, что могло ожидать этих молодых девушек, это торговля собой на улицах Басуры.

— В тот же вечер я пришел к моему командиру и сказал, что хочу уйти из отряда, чтобы поступить в обучение к своему дяде, известному факиху в Басуре. Я сказал, что желаю защищать наше дело не только мечом, но и словом священного закона. Мой командир немного посокрушался, что теряет такого хорошего воина, но все же отпустил меня. Так я начал свой путь правозащитника, а в итоге стал кади. Девушки, которых я привел той ночью в дом моей матери, были спасены. Мать моя дала им кров и стол, а взамен они стали ее помощницами по хозяйству. Она уже была не молода и с каждым годом, управлять большим домом ей было все сложнее. Особенно хорошо себя показала старшая — Фариха. — кади погладил по плечу женщину, сидящую рядом.

— Ты всегда была хорошей помощницей, Фариха, сначала моей матери, потом своей сестре и мне, а потом мне и Айнур. — ласково сказал кади. Фариха смущенная словами кади, опустила глаза. Аль-Мумин продолжил:

— Прошло два года, и я получил свою первую должность при дворе Пророка. Тогда я пришел в дом моей матери и сказал, что теперь, когда занял положение в обществе, хочу взять себе в жены хорошую девушку. Мать спросила, кто эта девушка и знает ли она ее? И я ответил " Ты ее знаешь очень хорошо, она живет в твоём доме — это Зейнаб, младшая сестра Фарихи." "Это хороший выбор" согласилась моя мать. Она позвала сестер в комнату и объявила им, что я желаю взять Зейнаб себе в жены. Девушки обрадовались и Зейнаб, смущаясь, сказала, что она согласна. Мы не стали долго ждать и на следующий день мы с Зейнаб отправились в храм, где стали мужем и женой. Жили мы счастливо, но меня огорчало то, что моя жена не могла родить мне ребенка. Мы много молились, держали пост, вели праведную жизнь в надежде что Небеса пошлют нам ребенка. Я приглашал именитых дорогих лекарей, но они только разводили руками, сообщая что мы оба совершенно здоровы и нет ничего, что могло бы помешать нам зачать здоровых детей. Видя, как я опечален этим один мой друг посоветовал нам с женой отправиться в паломничество в Сад Священных Камней, лежащий на самом краю Великой Пустыни Яс. Говорят, именно там есть место, где сам Всевышний спускался на землю и именно там он объявил имя первого Пророка. Посоветовавшись с женой, мы решили отправиться в паломничество. С собой мы взяли лишь пару слуг, да верную Фариху. Это путешествие было не легким, но вернувшись домой моя жена объявила мне, что оно было не напрасным. Она ждала ребенка. Я был очень счастлив, когда девять месяцев спустя, она подарила мне девочку, такую же прекрасную, как и она сама. Пять лет, пять счастливых лет подарила нам судьба, а потом в дом пришла беда. Моя дочь заболела. Приглашенные лекари старались, как могли, но их старания были напрасны. Мы с женой были безутешны, с каждым днем мы видели, как наша девочка угасала. Моя

жена не отходила от ее кровати. Я не мог на них смотреть без слез. Горе мое было велико и более я не мог оставаться в своем доме. Дни и ночи я проводил в храме, вознося молитвы за выздоровление моей дочери, а потом шел и напивался в кабаке, что бы притупить боль и только под утро возвращался домой. Каждый шаг давался мне с трудом, ведь он приближал меня к возможному известию, что моей дочери больше нет в живых. Когда последний из приглашенных врачей, отказался от попыток излечить мою дочь, и сказал мне готовится к худшему, в ту ночь я не пошел в храм, а сразу направился в кабак и пил до середины следующего дня. Немного протрезвев под вечер, я вернулся домой. Дом мой и слуги были в трауре. "Она умерла?" — спросил я встретившую меня, заплаканную Фариху. Она ответила мне "Нет, господин." "Тогда почему в моем доме траур?" "Ваша жена господин, вчера ночью, она покончила с собой" — печально отвечала мне Фариха. "А моя дочь, что с ней?" — вскричал я. "Милостью небес, ваша дочь победила болезнь. Сейчас она спит." Тогда я думал, что это был самый печальный день в моей жизни и самый радостный, в то же время. Но несчастья мои только начинались. Моя дочь поправилась, однако потеря матери далась ей нелегко. Девочка стала беспокойной, плохо засыпала, звала мать во сне, а однажды утром мы обнаружили что ее нигде нет. Я поднял все свои связи, мои высокопоставленные друзья помогли мне. В итоге, на поиски бросили силы городской стражи, что бы они перевернули город вверх дном, но они не нашли мою дочь. Я и сам, как безумный дервиш, ходил по улицам города выкрикивая "Айнур, Айнур, это я — твой отец. Отзовись, дочь моя!" Двое суток весь город искал мою дочь, но безуспешно. А на утро третьего дня, старик отшельник, живущий на горе за городом, привел мою дочь за руку, прямо к порогу нашего дома. Когда я спросил, где он нашел мою дочь, тот ответил, что нашел Айнур на старом кладбище, там, где была похоронена ее мать. Девочка сидела на могиле и разговаривала с кем-то, но кроме нее вокруг никого не было. Тогда я спросил дочь, как она туда попала и что делала. Айнур ответила, что ночью к ней пришла ее мать, она разбудила малышку и сказала, что хочет ей показать свой новый дом, где теперь живет. Следуя за матерью Айнур незамеченная никем, выскользнула из дома и пошла следом. Дочь моя сказала, что у мамы ей было очень хорошо и спросила можем ли мы пойти туда опять. Я сказал Айнур, что это был лишь сон и ее мать умерла, что поэтому мы не можем быть вместе как раньше. Но Айнур мне не поверила, утверждая, что мать ее жива. Она плакала и причитала, обвиняя меня в том, что я ее обманываю, потому что больше не люблю ее мать и выгнал ее из дома. Девочка устроила настоящую истерику и нам пришлось приложить немало усилий, чтобы ее успокоить. Приглашенный врач сказал, что моей дочери нужен покой, что возможно тело и победило болезнь, но смерть матери повредила ее душу. Я сильно испугался, что о моей дочери пойдет слава как о душевнобольной. В Пуште это считается ничем не лучше, чем одержимость демонами, а это сильно повредит мне и моей семье. А потому я заплатил кому надо, чтобы замять это дело и выдать все случившееся за неудачное похищение моей дочери пустынными разбойниками. Я приказал Фарихе отныне хорошо следить за моей дочерью. На окна ее комнаты поставили решетки, а на дверь повесили замок, чтобы замыкать ее снаружи. Теперь, моя дочь проводила каждую ночь под замком, и я лично замыкал ее там. Так длилось до тех пор, пока ей не исполнилось четырнадцать. В день ее рождения мы устроили пышное празднество, возможно вина в тот вечер было выпито чуть более чем следовало. Далеко за полночь, я вспомнил, что моей дочери давно пора лечь спать. Я спросил слуг не видели ли они мою дочь, и слуги сказали, что дочь вернулась в свои покои, я направился туда убедиться, что моя Айнур сладко спит, но не застал ее в постели. Нигде в доме ее не

было, и никто не видел куда она исчезла. Я понял, что кошмар вновь повторился и моя дочь опять сбежала. На утро она появилась, и она опять была не одна. На этот раз ее привел молодой человек. Он представился как Самир, сказал, что приехал в Басуру из другого города, в поисках лучшей доли и славы. Он желал поступить на службу в военный гарнизон Басуры. Прошлым вечером он решил не входить в город, а заночевать на старом кладбище в одной из гробниц. Ночью ему приснилось, что с небес спустилась прекрасная Пери, она вошла в усыпальницу, совершенно обнаженная, забралась к нему под плащ, которым юноша укрылся от холода и отдалась ему. Проснувшись по утрам, Самир был очень удивлен увидев, что это был не сон и под его плащом действительно спит красавица. Когда девушка проснулась, то не узнала его, она начала кричать и плакать, говоря, что жизнь ее кончена и отец убьет ее за побег и распутность. Я предложил ему денег за молчание, едва сдерживаясь от желания убить обоих на месте. Юноша отказался. Самир сказал, что не может оставить мою дочь после того, как был с ней близок и попросил руки моей дочери. Я счел это решение весьма разумным, ведь таким образом слухи о болезни и позоре моей дочери не выйдет наружу. Айнур и Самир стали мужем и женой, я подарил им дом на свадьбу и просил Самира приглядывать за Айнур. Но, как оказалось, этот подлый человек обманул меня. Не прошло и полгода, как моя дочь прибежала в мой дом, ее платье было в пятнах крови. Она бросилась мне в ноги с просьбой спасти ее от мужа, который считает ее исчадием ада, демоном и только что пытался ее убить. Я успокоил дочь и направил отряд гвардейцев в ее новый дом, а они схватили этого проходимца и бросили в тюрьму. Позже я пришел взглянуть на него и сказать, что он горько пожалеет о том горе, которое принес моей семье. Негодяй все отрицал, говорил, что это Айнур пыталась зарезать его, когда он обнаружил, чем по ночам промышляет моя дочь. Он говорил, что, когда на небе появлялась полная луна Айнур тайком покидала свой новый дом и, обернувшись собакой, шла на кладбище. Там она раскапывала могилы и делала ужасные вещи. Он показывал мне глубокие шрамы на своих руках и спине, утверждая, что Айнур нанесла ему ужасные раны вдруг выросшими огромными когтями. Самир пытался угрожать мне, говорил, что теперь, когда знает ее тайну, сможет доложить совету священного синода о том, что отец ее преступник, годами скрывавший демоницу в своем доме. Я сказал ему, что его слова ничего не стоят, тогда он хитро улыбнулся мне и сказал, чтобы я проверил, что Айнур скрывает под полом в своей спальне. Тем же вечером я направился в дом своей дочери. Дом был пуст. При свете лишь одной луны я прокрался в покои дочери. Я с ужасом думал о том, что же настолько ужасного и не опровержимого скрывает моя Айнур в своем тайнике. Тайник действительно находился под половицей в спальне. Когда я открыл его на меня дохнуло могильным смрадом. Пытаясь не задохнуться от вони, я зажег свечу и волосы мои стали дыбом от увиденного. Там лежали человеческие пальцы их были десятки, мужские и женские и все они были украшены кольцами с драгоценными камнями. Еще там были браслеты, ожерелья, диадемы и кубки — целый клад. Я начал лихорадочно думать, что же это может значить, откуда у моей дочери такое богатство. И тут меня посетила мысль, проклятый Самир специально положил здесь все это, чтобы очернить мою дочь и мою семью. Зная, что дочь моя не в себе, он прикрывает свои темные дела ее болезнью. Ведь легче повесить преступление на душевнобольного, чем признаться, что ты сам расхититель гробниц. Я приложил все усилия, что бы этого негодяя как можно быстрее казнили. И первым обвинил его не только в мошенничестве, насилии и осквернении трупов, но и в воровстве. Самира казнили. Но я тоже сильно пострадал, я потерял должность, которую занимал, потерял свое положение в городе. Слухи разнеслись

по городу, как пожар, и из-за этой ужасной истории люди стали сторониться нашего дома. Потому, когда я получил известие, что в Мирцее живет богатый соотечественник, который ищет себе молодую жену, я написал письмо этому человеку. В своем письме к нему я рассказал, что у меня есть дочь, достаточно молодая и красивая, чтобы стать ему женой и украсить его дом. Вместе с письмом я выслал портрет Айнур и вскоре этот человек прислал ответ, что ему моя дочь очень понравилась и он приглашает нашу семью приехать в Мирцею, чтобы познакомиться лично. Теперь вы все знаете господин даханавар, но я все еще не понимаю о каком долге вы говорите.

— Жаль, кади, что вы так и не поняли, как не справедливо отнеслись к моему младшему брату. — из темноты внутренних покоев вышел высокий смуглый брюнет. Это был Ибрагим ибн Тахт, собственной персоной.

— Как? Вы брат Самира? Но позвольте, если вы все это время знали, если были в городе и никуда не уезжали... — кади был предельно изумлен, а Фариха казалось готова была опять упасть в обморок. — Объясните же наконец, что все это значит! — потребовал кади.

— Все просто. — отвечал ибн-Тахт, — Я всегда знал, что брат мой человек чести и он никогда бы не совершил, того, в чем его обвинили.

Грозной тучей Ибрагим надвигался на пораженного правдой кади. Его справедливые обвинения сыпались на старика градом, заставляя того все глубже вжиматься в пухлые подушки, на которых кади так гордо восседал прежде.

— Я обеспокоился его судьбой, когда после известия о свадьбе с прекраснейшей из девушек, я начал получать письма о том, что поведение молодой жены его сильно беспокоит. Мой брат просто хотел выяснить, что не так с его женой. Я ждал новое письмо от брата, но вестей от него так и не поступало, это встревожило меня еще больше, и я послал в Басуру своего человека, что бы тот все разузнал. Вернувшись, мой человек рассказал мне ужасную историю о том, как мой брат был обвинен в страшном преступлении отцом своей жены и вскоре был казнен. Тогда я задействовал все связи, чтобы вы, кади, были смещены с занимаемой вами должности. Мои люди так же поспособствовали, что бы вас заинтересовала идея о новом муже из далекой страны для Айнур. Я расставил сети, и вы попались в нее, кади. Однако приехав в Мирцею и остановившись в моем доме вы продолжали играть со мной в кошки-мышки. — гневно сверкая глазами ибн Тахт завис над аль-Мумином, как удав над кроликом.

— Признаю, вы были очень осторожны, утаивая страшный недуг вашей прекрасной дочери. Тогда я решил оставить вас и претворился будто уезжаю из города по делам. Я нанял даханавара, зная, что лучше него никто не проследит за вами и вашими темными делишками. Я так же попросил мастера Шамиля смущать вашу прислугу упоминанием о человеке, который разрушил вашу жизнь в Басуре. Я всячески провоцировал вас, ожидая, когда вы откроете свое истинное лицо. И наконец, я заплатил вашей служанке Фарихе за то, что бы она оставляла дверь в спальню вашей дочери не запертой. Что бы ваша больная дочь могла выбираться по ночам из дома, потворствуя своим мерзким наклонностям.

— Вы, вы!! — кади то краснел, то бледнел от гнева, потом его взгляд обратился на женщину, сидевшую подле него. — Это правда, Фариха, ты сделала это нарочно?

Женщина медленно и с достоинством поднялась, она окинула своего, теперь уже бывшего хозяина, ненавидящим взглядом и произнесла:

— Я всегда ненавидела тебя, аль-Мумин! Ты разрушил нашу с Зейнаб жизнь. Твоя жестокая мать била нас за малейший проступок и попрекала каждой крошкой хлеба, я была

счастлива, когда она наконец сдохла! И потом, не уже ли ты не помнишь, как обходился с моей сестрой? Как еще до замужества с ней, изводил бедняжку своим благочестивыми сожалениями, что она не невинна? А ведь ты сам лишил ее девственности, как только почувствовал, что она никуда не сбежит из дома твоей матери! Помнишь, как ставил ей в вину, что она испорченная дочь колдуна и возможно от того не может родить тебе ребенка? Зато я помню! Я помню слезы своей сестры и ее позор, который ты называешь "счастьем"!

— Но я любил ее! — вскричал кади.

— Ты всегда любил только себя аль-Мумин! Ты даже к своей дочери, которую родила тебе Зейнаб относился, как к прокаженной!

— Неправда, я всегда защищал Айнур, все что я делал было ради нее!

— Ей нужна была помощь, а ты упек за решетку единственного человека рискнувшего сказать тебе правду! — Фариха, смачно плюнула на пол перед кади. — Я всегда была верна тебе, но, когда этот человек, — она указала на ибн Тахта. — рассказал мне, что это ты донес на нашего отца... Да-да, в материалах дела сохранилось имя доносчика, и этот благородный человек выяснил его для старой Фарихи. А ведь наш отец был всего лишь обычный врачеватель, травник, который готовил припарки для больных суставов твое матери! Он никогда не был колдуном, и ты знал это! Ответь же мне правду, почему ты сделал это с нашим отцом?

— Ты знаешь почему! Это все твоя сестра, Небеса сделали ее слишком красивой! Она должна была быть моей, а ваш болван отец, хотел выдать ее за сына простого горшечника! Я спас ее, написав этот донос, от той убогой жизни к которой он ее готовил. Будучи моей женой, она жила как королева, я положил к ее ногам все, что имел!

Фариха протестуя покачала головой.

— Хватит! — громко объявил Ибрагим ибн Тахт. — Свои счета сведете позже! Теперь, когда все выяснилось, и ты признался в своих злодеяниях аль-Мумин, я желаю, чтобы ты выполнил свой долг. И если в тебе осталось хоть немного чести, ты вернёшься со мной в Басуру и признаешь себя виновным в смерти моего брата. Ты сделаешь это перед священным синодом, ты признаешься во всех своих преступлениях. Я желаю, чтобы имя и честь моего брата были восстановлены. И не думай, что тебе удастся меня провести! Они, — он указал на остальных присутствующих в комнате, — они — мои свидетели!

Кади ненавидящим взглядом уставился на присутствующих, он покачал головой:

— Ты забыл Ибрагим, у нас тут состоялся уговор! Сначала пусть даханавар, найдет мою дочь, а уж после... после, возможно, я поеду с тобой в Басуру.

Шамиль поднялся.

— Я всегда исполняю свои обещания. — холодно произнес он, — Дайте мне сутки, и я приведу вашу дочь, или принесу вам ее голову. Теперь она слишком опасна, чтобы оставлять ее в живых.

Мужчины — пушгийцы переглянулись и кивнули.

— Да будет так. — сказал ибн Тахт. — у тебя есть сутки, живая или мертвая она должна быть здесь.

— Идем. — бросил даханавар Илае.

Юноша, прежде сидевший тише воды ниже травы, подскочил как ужаленный, ему явно не терпелось поскорей покинуть дом кади.

5

Они вышли из дома пушгийца, когда солнце уже окрашивало стены домов в рыжеватые

оттенки заката. Близился вечер. Илая поежился, ощущение было такое, будто он только что покинул сырое подвальное помещение, а не роскошный и удобный дом купца.

— Ну что, не передумал? — шутливым тоном спросил его даханавар, бросив на юношу лукавый взгляд через плечо.

— О чем? — удивился Илая.

— Поохотится на чудовище! — даханавар состроил страшную и одновременно смешную рожицу, а потом посерьезнел и добавил. — Я серьезно, это будет опаснее, чем я предполагал. Ты еще можешь отказаться.

— Нет, пожалуй, это будет интересно.

Илая чувствовал то самое, похожее на зуд беспокойство, которое предшествовало каждой аванюре в его жизни.

— Я рад что не ошибся в тебе, друг мой. — совершенно искренне произнес даханавар.

— Я был в магистрате, и кое-что разузнал о том, куда может вести скрытый ход из гробницы. У меня появились соображения по поводу того, куда сбежала от меня Айнур. На старых планах города, которые мне удалось посмотреть в архивах магистрата, видно, что под цвинтарем проходит одна из полу обрушенных веток подземных туннелей. Да, ты правильно понял, нам придется снова, спустится под землю. В силу моей особой природы, я не смогу обойти защитное заклинание, наложенное на крышку саркофага, но вот ты, обычный человек и тебе это вполне под силу.

— Но я не маг, как же я смогу это сделать?

— Нет никакой необходимости, владеть магическим даром, чтобы открыть механизм, достаточно просто быть человеком, живым человеком, друг мой. Надеюсь, ты достаточно живой?

— С утра еще был.

Илая вдруг осознал с кем имеет дело, кожу предплечий покрыли предательские мурашки.

Об этом предпочитали не упоминать, но всякий знал с малых лет, даханавары — не люди. Точнее когда-то они были людьми, но после того, как вступали в Братство Черного Солнца, и проходили обряд посвящения, становились немертвыми. Пограничниками, не принадлежащими ни к миру живых, ни к миру мертвых. Так они получали ту силу и способность, которая позволяла им успешно справляться с разными монстрами, призраками и проклятыми. Те, в свою очередь, возникали, как следствие воздействия магических возмущений на живую природу. Даханавары, которые и сами давным-давно были созданы благодаря магии, до сих пор оставались надежными защитниками людей от досаждавших им отвратительных бестий.

— Сейчас мы повернем на эту улицу, — продолжал Шамиль. — Там не далеко от дома текстильщика, в тупике, находится старый колодец. Он, конечно, давно пересох и его заколотили, что бы кто-нибудь ненароком не свалился туда по пьяному делу или по банальной глупости. Важно не это, важно то, что через этот колодец ты сможешь попасть в туннель ведущий параллельно нужной нам ветке. Ты пройдешь по туннелю до старых железных ворот. Вот держи, это ключ, которым ты их откроешь. — даханавар передал Илае небольшой железный предмет, похожий на большую монету с восьмигранным отверстием посередине и толстыми краями. — Потом тебе придется идти по туннелю до второго поворота на лево, там будет тупик. Туннель обрушился десять лет назад, но правая стена совсем тонкая и, если немного на нее нажать она осыплется, и ты попадешь во внутрь

старого склепа. Вот он то тебе и нужен. В этом склепе спрятан вход в туннели под цвинтарем. Я буду ждать тебя наверху, в гробнице, возле саркофага. Из склепа ты поднимешься по ступеням к плите задействуешь механизм и откроешь мне вход. Запомнил? Повтори?

— Колодец, дверь, туннель, второй поворот на лево, тупик, правая стена, открыть вход в склеп.

— Отлично. — прокомментировал Шамиль. — А теперь помоги мне с этими досками.

Они стояли в тупичке перед старым колодцем. Заросший травой и диким виноградом, вход в недра города, совершенно не казался чем-то опасным. Даханавар достал из ножен широкий кинжал и просунул под доски, приколотенные к жестяному бортику колодца. Раздался неприятный скрежет, это заржавевшие гвозди с неохотой покидали свои гнезда. Несколько досок, были настолько сухими и трухлявыми, что переломились по середине и с тихим шорохом соскользнули вниз, в затянутую паутиной тьму. Даханавар очистил вход для Илая. Крепко закрепив веревку на поясе юноши, он закрепил второй ее конец к железному кольцу, глубоко утопленному в каменном боку колодца. Видно, тут раньше крепился конец цепи, на которой подвешивали ведро для воды. Проверив надежность крепления, он удовлетворенно кивнул.

— Возьми это на всякий случай, кто знает, что может ждать тебя там, внизу. Не хочу, чтобы это застало тебя врасплох. — Шамиль протянул Илае рукоять кинжала. Илая благодарно кивнул и прикрепил кинжал к поясу.

— Не беспокойтесь, Шамиль, я сделаю все как полагается. — Илая ободряюще улыбнулся мастеру и скрылся за бортиком колодца.

К лицу и одежде липла паутина, воздух в жерле колодца был сухой и прохладный, его дно устилал толстый ковер палых листьев. Приземлившись на него, Илая вспугнул целое семейство сороконожек, которые прыгнули из-под его ног во все стороны. Он показал даханавару, что спуск прошел удачно, подняв руку со сжатыми в кулак четырьмя пальцами и оттопыренным большим. Даханавар повторил жест, сигнализируя, что понял напарника и его голова скрылась из виду. Оставшись наедине с пауками и сороконожками Илая, еще раз вздохнул, приводя мысли и чувства в порядок. Юноша взглянул вверх, со дна колодца был виден только сизый круг начавшего темнеть неба. Отбросив сомнения, Илая шагнул в пролом в стене, ведущий в пресловутые туннели. Здесь было на удивление сухо, воздух был немного затхлым, но не мутных луж стоячей воды, ни плесени на стенах не было. Это порадовало Илая, так как всем известно жаболюды любят сырость, а значит столкнуться с давешним врагом ему скорее всего не доведется. Однако, Илая все же извлек кинжал, отданный ему даханаваром из ножен. Сжимая оплетенную мягкой кожей рукоять клинка, он чувствовал себя более уверенно.

Не понятно откуда, но в туннель проникал слабый сумеречный свет. Илая направился вперед по коридору. Под его ногами тихо шуршали принесенные снаружи сухие листья, встречались деревянные щепки, которые моментально рассыпались в пыль стоило ноге на них наступить. Возможно, когда-то давно этот туннель использовали контрабандисты. По пути часто встречались обломки старых бочек и ящиков, сваленные трухлявой кучей, под стенами туннеля. Решётка ворот, перекрывшая Илая путь дальше, была покрыта толстым слоем пыли и ржавчины. Подобно длинным зубам дракона, она выходила из каменного неба потолка, чтобы впиться в стальные пазы на полу. На первый взгляд, открыть подобную дверь было бы сложно, но Илая быстро смекнул, что восьмигранный железный штырь,

выступающий справа из стены, чуть выше его плеча, это часть поворотного механизма. Он вытащил из-за пазухи диковинный круглый ключ, приладил его к штырю и повернул. На удивление повернуть получилось легко, после стольких лет запорный механизм продолжал служить безотказно. В стене, с каждым поворотом ключа, что-то скрежетало, но вот железные зубья начали выходить из пазов, открывая вход в недра подземелья.

За воротами туннель терялся во мраке, но, как будто в помощь внезапным гостям, прямо за воротами стояла разохшаяся бочка, в которой покоились три палки с истлевшей от времени просмоленной паклей — факелы. Кто-то за много столетий до Илаи побывал здесь и не поленился позаботиться о том, чтобы следующий посетитель подземелья не блуждал ослепленный темнотой, царившей в прохладном подземелье.

Илая помнил, что надо пройти два поворота слева, прежде чем он найдёт нужный тупик. Воспользовавшись огнём и трутом, он поджог один из факелов, тот потрескивая осветил желтым светом пространство. Тут было не настолько сухо и на полу кроме истлевших досок и щепок встречались пожелтевшие от времени кости. Илая присмотрелся — человеческие кости. Успокаивало лишь то, что они были до невозможности старые и, к счастью, на них отсутствовали следы зубов и когтей. Илая смекнул, что это кости из старых могильников, которые просто вынесли в подземные коридоры, чтобы очистить усыпальницы для новых покойников. Мирцея была древним городом, она буквально стояла на костях своих почивших жителей, а цвинтар в городе был всего один. Как бы не было обширно городское кладбище, а мест для новоприбывших усопших всегда не хватало. Вот так подземелья и стали свалкой для старых безымянных костей.

Илая наступил на ветхий череп, раскрошившийся под его сапогом с неприятным хрустом, выругался, но настойчиво проследовал дальше. Звуки из-под его сапог раздавались слишком громко под пустынными сводами. На пути ему часто попадались крысиные гнезда, свитые в костяных кучах. Крысам не нравилось, что кто-то настолько большой и шумный нарушает их покой. Они возмущенно попискивали, спешно удирая от круга света, в котором шествовал Илая. Шаг, треск, шорох, писк. Что же еще?! Илая остановился и прислушался тишина нарушалась только его дыханием. Было как-то зябко. Илая сделал еще несколько шагов, поведя факелом из стороны в сторону, он осмотрел кучи костей по бокам от себя. Юноша обернулся, направляя золотистый свет во тьму, откуда только что пришел — ничего. Илая вытер вспотевшую ладонь о штанину переложив рукоять кинжала из левой руки в правую. Черт! В таком месте еще и не то покажется! Послушав тишину, он решил не накручивать себя понапрасну и двинулся дальше. Шаг, трек, шорох. А что еще?! Нет ему явно не показалось. Что-то едва уловимое, как будто на самом краю слышимости. Будто, что-то тихонько скребется, намного тише мышей в подвале. Что-то, что подстраивается под ритм движения Илаи. Проклятые подземелья, что же вы скрываете?! Илая вновь остановился, а вот его преследователь, несколько запоздал. Илая судорожно улыбнулся. Попался, гад! Юноше было страшно до одури, но он понимал, что попытайся он бежать, тварь нападет. Медленно Илая обернулся, медленно осветил коридор вокруг себя — пусто. Илая сделал, пару шагов спиной вперед, слух уловил движение преследователя. Не справа, не слева, не позади, не впереди — Илая похолодел, тварь двигалась точно над ним! Юноша сглотнул, вязкая слюна была горькой. Пытаясь не выдать себя лишними движениями, и не поднимая головы, Илая сместился к сырой стене, буквально на пару шагов, и резко выбросил руку, сжимавшую факел вверх, и в сторону, туда, где стоял прежде. Потолки здесь были низкими и длинны вытянутой руки с зажатой в ней горячей палкой вполне хватало, чтобы, как

минимум задеть преследователя. И это сработало. На то место, где только что стоял юноша, свалилась огромная многоножка. Зашипев и рассерженно защелкав жвалами, тварь поднялась в половину своего роста и почти достигла пояса Илаи. Не думая ни секунды Илая, пнул носком сапога угрожающую бросится на него членистоногую гадину. Затем резко ткнул в ее, незащищённое хитиновыми пластинами, брюхо факелом. Многоножка зашипела, заверещала от пронзившей ее боли и свернулась в бронированное кольцо, пытаясь защитить нежное брюхо от огня. Илая продолжал охаживать чудовище своим импровизированным огненным мечом. Огонь наносил гадкой твари ужасные раны, лоснящаяся поверхность хитиновых пластин чудовища шипела и пузырилась под языками немилосердного пламени. Искры от факела упали на сухой настил из праха и пыли под чудовищем и воспламенили его. Отскочив от корчащейся в охватившем ее огне твари, судорожно бившей вокруг себя хвостом, Илая замер на мгновение, наслаждаясь видом поверженного врага. Потом, будто ясная молния, его сознание озарила мысль, что возможно этот монстр не единственный обитатель мрачного подземелья. Освещаемый отблесками догорающей твари, Илая бросился вперед по коридору. Он быстро миновал два поворота и на всей скорости влетел в тупиковую ветку. Пройдя до завала, Илая рукоятью кинжала простучал каменную кладку справа от себя. Есть! Звук выдал пустоту за стеной. Илая уперся плечом на стену, стена поддалась под его весом, тогда юноша с ноги выбил шаткий кирпич и в облаке пыли вывалился в склеп. К счастью, здесь его не поджидали таинственные монстры, готовые полакомиться незадачливым сталкером. На ощупь Илая нашел стертые каменные ступени, ведущие наверх, к запиравшей выход каменной плите. На самой крышке саркофага тусклым светом поблескивало изображение ладони с изображенной посередине витиеватой руной. Прижав к ней вымазанную в столетней пыли ладонь, Илая приложил усилие и оттолкнул крышку, открывая себе путь в усыпальницу. Шамиль уже был здесь и ждал его. Он помог юноше выбраться из саркофага, отметив то, что Илая действовал довольно быстро.

— Как все прошло? — поинтересовался даханавар.

— Ну не считая огромной многоножки, пожелавшей мной поужинать, скучно. Слишком много паутины и костей, в этих туннелях явно не мешало бы прибраться. — с нервным смехом отшутился Илая.

Даханавар расхохотался и потрепал Илаю по плечу.

— Мне нравится твое чувство юмора, парень! — он достал из-под плаща небольшую жестяную флягу, украшенную замысловатой гравировкой, откупорил ее и отхлебнув. Смачно крякнув, даханавар протянул фляжку Илае.

— С первым боевым крещением, друг мой! Выпей немного, тебе это не помешает.

— Что это? — спросил Илая, принимая из рук даханавара флягу.

— Это? Концентрированная смелость. — отшутился Шамиль.

Илая глотнул, напиток был настолько крепок, что почти выбил из юноши дух, однако потом, провалившись в желудок, он расцвел согревающим кровь огненным цветком. Закашлявшись, Илая передал флягу ее Шамилю.

— Что, крепкая штука, верно?

Илая кивнул. Он почувствовал, как вызванное встречей с монстром напряжение покидает его тело, как чувства успокаиваются, а разум проясняется.

Спрятав флягу обратно под плащ, даханавар пояснил.

— Этот напиток называется тэкла, его делают из стеблей голубой лилии, которая растет в пустыне. Пустынные жители считают этот напиток священным. Но как по мне, это просто

хорошая выпивка. Но хватит отдыхать, мы должны двигаться дальше, друг мой.

И даханавар, жестом приглашая Илаю следовать за ним, обнажил свой меч и стал спускаться по ступеням ведущим во мрак склепа. Разогнать этот мрак им вновь помог волшебный шар, извлеченный Шамилем из поясной сумки. Илае было чертовски приятно, что даханавар называет его своим другом.

В отблесках магического света, Шамиль указал Илае на цепочку кровавых капель, устилавших ступени и пол.

— Это ее кровь, по этому следу мы отыщем девушку. Постарайся не отставать, Илая.

В одной из стен склепа обнаружилась небольшая ниша, скрывавшая деревянную дверь, за которой тянулся узкий каменный коридор. На его полу отчетливо были видны кровавые следы.

— Это крипта. — негромко произнес Шамиль, обращаясь к Илае. — В магистрате мне рассказали, что она ведет в самое старое захоронение в городе. Возможно, здесь хранится прах даже тех, кто жил в Мирцее более тысячи лет назад.

Мягкий призрачный свет, излучаемый магической сферой, выхватывал из темноты погребальные урны. Глиняные, металлические, стеклянные, они были разных цветов и размеров, но все они были невероятно старыми и их покрывала белесая каменная пыль. Некоторые из них были повреждены и прах, просыпавшийся из щелей и трещин, смешивался с этой пылью, тонким слоем покрывавшей здесь абсолютно все. От нее Илае жутко хотелось чихнуть, но он сдерживал себя, боясь нарушить покой этого места.

— Смотри! — Даханавар привлек внимание Илаи.

В узком коридоре они шли друг за другом, но даханавар шел первым. Он указывал на что-то темное, комом лежавшее на полу коридора. Подойдя ближе, даханавар подцепил находку концом меча. Несмотря на то, что предмет был испачкан пылью и чем-то темным и липким, в свете шара Илае удалось различить блеск звериного меха. Прежде эта шкура была золотисто-бежевая, и принадлежала крупному и очень красивому зверю.

— А вот и наш тигон. — промурлыкал даханавар.

— Тигон? — переспросил Илая.

— Ну да, тигон — крупная кошка, которая водится в горах и пустыне Пушта. У нее очень скверный характер, и очень дорогая шкура. Тот, кто сделал этот подарок нашей Айнур, был либо очень богат, либо очень сильно влюблен, но он определенно не поспешил. Шкура тигона только в Пуште стоит столько, что за эту цену можно купить трех отличных лошадей, а уж за пределами страны... — даханавар сделал жест, означающий очень много. — Похоже, эта девушка действительно ни в чем не знала отказа.

Шамиль откинул шкуру в сторону, как ненужное тряпье, и продолжил свой путь по коридору.

Вскоре кровавые следы стали попадаться все чаще. Это уже не были не только капли, но и лужицы. На стенах крипты, то там, то здесь, стали появляться красные смазанные отпечатки ладони, а на полу отпечатки ступней. Айнур, углубляясь все дальше в подземелье, теряла много крови и сил. Пытаясь беречь поврежденную руку, она спотыкалась в темноте, падала, но поднималась. Опираясь на стены узкого коридора, девушка шла дальше, а ее кровавые отпечатки красноречиво рассказывали даханавару насколько не легким был этот путь.

— Так, так, так. — протянул даханавар. — Похоже, что тут она упала и дальше, уже не в силах подняться, ползла. Илая, взгляни на этот след, видишь? Это пятно говорит о том, что

здесь она окончательно выбилась из сил. Дальше я не вижу следов. Осторожно! Здесь целая лужа крови, не наступи.

— Но тогда, где же она? — поинтересовался Илая, присаживаясь на корточки рядом с даханаваром, рассматривающим кровавую лужу.

— Хотел бы я знать друг мой, хотел бы я знать... — даханавар внимательно осматривал последний след Айнур.

Он потрогал кончиками пальцев кровь, пригляделся к смазанным контурам пятна, даже понюхал окровавленные пальцы, потом поднял голову и стал разглядывать ближайшую к пятну стену, на которой бурели подсохшие кровавые полосы. Дотронувшись до стены, даханавар будто ухватил что-то невидимое, поднес находку ближе к глазам. Это был длинный светлый волос.

— Судя по тому, что я вижу, она была здесь несколько часов назад. Обессилев, она опустилась у этой стены, прислонилась к камню и на какое-то время отключилась. Об этом говорит волос и кровь, которая уже начала подсыхать и впитываться в камень. Дальше этого места она не могла уйти, ты и сам видишь, тут след девушки обрывается. Тогда куда могло подеваться тело?! — даханавар явно задал этот вопрос сам себе. — Думаю, друг мой ответ мы найдем прямо за этой стеной!

— Шамиль, но здесь нет двери или решётки, да и стена выглядит сплошной. — Илая постучал по камню, звук вышел такой же глухой, как и у противоположной стены.

— Верно, именно так она и выглядит! Но я бы не советовал тебе доверять своим глазам, юноша, эти подземелья стары и полны загадок. Думаю, тут обязательно должен быть механизм, отпирающий скрытую в стене дверь. Нам стоит просто более тщательно его поискать. Или спросить у обитателей этого места. — даханавар поднялся на ноги, явно чем-то заинтересованный, он перешагнул через пятно и направился к следующей нише с прахом.

— Но здесь только мертвые, у кого здесь еще спрашивать? — недоумевающе буркнул себе под нос Илая.

— У них, друг мой, у них мы и спросим. — даханавар просунул руку в нишу, за металлическую урну, украшенную изображением скалящегося черепа с выпученными круглыми глазами и длинным языком, торчащем из щербатой пасти. Несколько мгновений он пытался там что-то нащупать, а потом с силой нажал на скрытый за урной каменный блок. Раздался щелчок и, казавшаяся прежде монолитной, каменная стена пошла вниз, открывая проход в соседнее помещение. Галантно поклонившись веселому черепу, даханавар подмигнул Илае и шагнул в открывшуюся дверь.

Помещение разительно отличалось от каменной кишки коридора. Илае показалось, что он попал прекрасную залу роскошного замка. Вокруг были стены с яркими фресками, на которых лихие всадники в серебряных латах на вороных конях сражались с огромными двухголовыми змеями, грифонами и единорогами. В бронзовых чашах, подвешенных к сводчатому мозаичному потолку, горели огни, освещая помещение золотистым светом. Прямо напротив скрытой двери, через которую они вошли, посреди этого огромного круглого зала, начиналась широкая винтовая лестница, уходящая вниз. Пол залы, как и ступени лестницы были сложены из крупных мраморных плит. Плиты образовывали рисунок похожий на звезду, а лестница находилась прямо в ее центре. И через весь зал прямо к ступеням вел четкий кровавый след.

— Думаешь она там? — шепотом спросил даханавара юноша.

— След ведет вниз по лестнице, советую тебе приготовиться, друг мой, и вынуть

кинжал из ножен. Думаю, тому кто ее туда уволок не понравится наше появление.

6

То, что он увидел, спустившись по мраморной лестнице вниз, сильно озадачило Шамиля. Просторное помещение с длинными столами, одни из которых были завалены старыми книгами и свитками, а на других возвышались сложные конструкции из стеклянных колб и реторт. Горели тигельки, булькали и перетекали по стеклянным и металлическим трубкам жидкости.

Это была лаборатория. Были здесь и закрытые заполненные спиртом колбы, большие и малые, в которых хранились органы, части тел, а иногда и эмбрионы животных и магических существ. Сухие травы, связанные в пучки, были развешены под потолком, куски различных минералов горками и по одиночке, лежали на полках открытых шкафов. В одном из углов лаборатории стояла большая печь, в которой на огне, в медном котелке булькало странное варево. В другом углу стоял старый, обтянутый потрескавшейся кожей диван, укрытый вязанным пледом веселой расцветки, что несколько выбивалось из общей картины.

В третьем углу висела огромная цилиндрическая клетка, сейчас накрытая плотной темной тканью. Клетка была подвешена на массивной железной цепи, которая проходила через поворотное кольцо в потолке, а поднималась и опускалась при помощи катушки и рычага. Даханавар направился к рычагу, желая ослабить цепь и опустить клетку пониже, его сильно интересовало, что же скрыто под тканью.

Не успел он положить ладонь на рычаг, как за его спиной раздалось возмущенное покашливание и скрипучий голос произнес:

— Я бы очень не советовал вам этого делать, молодой человек! — тощий старик со включенной седой шевелюрой и пышными белоснежными усами, гордо восседал на протертом диване, откинув в сторону веселенький цветастый плед. Было видно, что он только что проснулся и был крайне удивлен появлением в его лаборатории незваных гостей, да еще и позволяющих себе творить самоуправство.

— Да-да, это я вам говорю! — обращался он к удивленному, столь неожиданным появлением нового лица, даханавару.

Илая благоразумно притих, решив для себя не вмешиваться в происходящие, да и хозяин лаборатории казался совершенно безобидным. В эту минуту старик как раз пытался справиться с мягкими путами пушистого пледа, сковавшими его ноги, получалось плохо. Старик в очередной раз рванул плед от себя, пытаясь высвободиться, но вместо эффектного освобождения, неуклюже свалился с дивана вместе со своим уютным коконом. Чертыхаясь и барахтаясь, он наконец-то победил вязаного врага и поднялся на свои тощие мосластые и к тому же босые ноги. На нем была очень просторная исподняя рубаха, едва прикрывавшая колени, а на тощей цыплячьей шее висела длинная золотая цепь с круглым медальоном. Более на старике ничего не было. Пытаясь выглядеть достойно, хозяин лаборатории набросил на плечи плед и завернулся в него, как щеголь-аристократ в плащ. Вид его был угрожающим и забавным одновременно.

— Если вы воры и пришли что бы меня ограбить, то спешу вас предупредить, что я весьма искусный чародей! Одно ваше неверное движение, молодые люди, и Клаус Бальтазари обратит вас в пару серых мышей! — грозно заявил старик и тут же более спокойно добавил. — А может и в белых, белые мне нравятся больше.

— Видите? — узловатым пальцем он указал на клетку на одном из столов, где, попискивая и шурша копошились около полудюжины белых мышек. — Вот что стало с теми,

кто прежде вас посмел посягнуть на мою жизнь и имущество! Советую вам немедленно убираться отсюда господа, а иначе! — он гневно погрозил Шамилю с Илаей крепко сжатым сухим кулачком.

Шамиль глубоко склонился в поклоне перед гневным чародеем и произнес:

— Прошу нас извинить за столь грубое вторжение, достопочтенный Клаус Бальтазари! Мы никоим образом не желали потревожить столь могущественного и уважаемого чародея. Нас бы здесь не было если бы не долг даханавара, который, ваш покорный слуга, обязан исполнить. Позвольте представиться, мое имя Шамиль Тень.

— Даханавар? Так вы даханавар юноша? — старик вернулся к дивану и склонился в поисках затерявшегося среди горы мягких подушек предмета. Именно из-за этих подушек, коих здесь было великое множество, спустившиеся в лабораторию Илая и Шамиль не заподозрили, что на диване, укрывшись с головой пледом спит чародей. С победным возгласом, чародей вытащил из-под одной из подушек искомое и водрузил его себе на нос. Это было огромное пенсне в роговой оправе. Оно чудом держалось на длинном крючковатом носу чародея и делало его глаза похожими на блюдца.

— О да, конечно, теперь я вас вижу, мастер даханавар! Проклятый возраст, знаете ли! А кто, позвольте узнать, этот молодой человек, который пришел с вами? — подошедший старик больно ткнул сухим пальцем в грудь Илаи. — Он тоже, даханавар? Что-то больно молод, да и мало похож на вашего брата!

— О нет, почтенный Клаус Бальтазари. Это Илая, мой помощник. — ответил Шамиль и тут же обратился к Илае. — Друг мой, прояви учтивость и поклонись, любезному Клаусу Бальтазари. Не стоит гневить столь могущественного мага.

Илая поклонился хозяину подземной лаборатории, настолько учтиво, насколько умел.

— Рад, что ваш помощник достаточно сообразительный и вежливый малый. А то, ведь знаете, еще одна маленькая белая мышка совсем бы не помешала мне для продления опытов. — удовлетворенно заявил маг даханавару.

Даханавар польщено улыбнулся чародею. А тот продолжил:

— Вы, мастер даханавар, кажется что-то говорили о долге приведшем вас сюда. Могу я узнать об этом побольше?

— Безусловно, господин Бальтазари. Мы с моим помощником, совершенно случайно оказались в ваших владениях в поисках одной беглянки. Девушки, чья болезнь серьезно исказила ее природу, сделав её крайне опасным монстром. Я ранил ее прежде и вот теперь мы шли по кровавому следу этой несчастной, в надежде вернуть ее отцу и будущему мужу, если только болезнь не окончательно овладела ею. В противном случае мне поручено избавить бедняжку от страданий. Господин чародей, эта девушка, она ведь у вас? Вы можете мне сказать, где она?

— Да, да, да, я вас отлично понимаю! — старик, соглашаясь с Шамилем покачал седой головой. — Конечно, конечно, я покажу вам ее, вот только, отпустить ее с вами нет никакой возможности. Вы уж простите!

— Что вы хотите этим сказать? Она мертва?

— О нет, конечно же нет! — Бальтазари замахал на даханавара руками. — Она жива, и сейчас, полагаю, ее состояние намного лучше того, в котором я ее обнаружил. Вы, кажется, интересовались, что скрывает моя клетка, господин Шамиль? Теперь, полагаю вы можете ее опустить, только осторожно, прошу вас ради вашей же безопасности!

Когда клетку опустили, а полог был снят, все увидели Айнур. Точнее то чем она стала.

Это существо внешне похожее на человека имело ярко синюю кожу, прежде прекрасные золотистые волосы девушки спутались и перепачкались в крови и пыли и теперь походили на грязный войлок. Искалеченная рука была перебинтована, чародей побеспокоился о том, чтобы его пленница не истекла кровью, обработав и перевязав культю. Бинты уже были покрыты темной коркой спекшейся крови. Такая же корка покрывала пышную грудь и живот Айнур. Тяжело дыша, существо, прежде бывшее прелестной молодой красавицей, спало.

— Я нашел ее, когда собирался выйти из моей лаборатории в подземелья. — пояснил Бальтазари. — Мои теперешние исследования требуют некроматериалы из разных временных периодов и крипта, с ее обширным выбором праха, подошла как нельзя лучше. Я сейчас работаю над переводом одного забавнейшего манускрипта посвященного неромантическим опытам и мне невероятно повезло наткнуться на это помещение. — Старик обвел вокруг себя рукой намекая на лабораторию, в которой они находились. — Мало кто знает, но это подвальное помещение единственное, что сохранилось от древней сторожевой башни Корг.

— Вы говорите о тех развалинах, которые находятся к западу от городских стен? — изумленно спросил Илая. — Но ведь, там ничего нет! Я бывал там, это просто груда камней на холме, покрытая зарослями ядовитого плюща!

— Так и есть, молодой человек, снаружи это только груда бесполезных замшелых камней. Давным-давно башня была разрушена в одной из магических войн, время тоже приложило немало усилий и вход на нижние уровни башни засыпан обломками и многими тоннами земли. Сохранилась только эта небольшая подземная часть. Сюда можно попасть лишь двумя путями: один из них ведет в крипту, так, собственно, я и обнаружил эти залы. Другой выходит к морю. Это небольшой грот, который во время прилива наполняется водой, что очень было удобно для того, чтобы доставить сюда все это оборудование и мою великолепную коллекцию. Некоторые экземпляры моей коллекции магической живности я нашел прямо здесь в городских подземельях. — старик с гордостью указал на колбы с заспиртованной мерзостью.

— Ну а, что с ней? — Шамиль указал на спящую Айнур. — Ее вы тоже собираетесь засунуть в колбу и залить спиртом?

— О нет, конечно же, нет! Прежде, открою вам секрет, мне редко доводилось получить столь ценный экземпляр магического существа живым. Так что никаких колб прежде, чем я как следует не изучу эту ракшаси.

— Ракшаси? — в оба голоса воскликнули Шамиль и Илая.

Звук явно получился громким и создание внутри клетки, начало просыпаться.

— Ну вот! Вы ее разбудили! — с досадой констатировал старый волшебник. — Теперь опять придется ее кормить, она такая ненасытная, а если не покормлю, то начинает плакать. Сущий ребенок!

Создание действительно заворочалось, потянулось, издало плаксивый звук. Из-под спутанных косм, упавших на лицо ракшаси, вспыхнули алые глаза. Схватившись за прутья клетки единственной действующей рукой, на которой все еще была надета, угрожающе поблескивающая стальная перчатка, ракшаси внимательно осмотрела каждого из присутствующих в лаборатории мужчин. Увидев даханавара, она оскалила желтые зубы и зарычала, а потом, когда, переведя взгляд на старого чародея, скорчила плаксивую рожицу, протянула лапу наружу и затянула:

— Ыыыыыыы!

— Сейчас, сейчас голубушка! — старик нежно заворковал с бестией. — Сейчас, Клаус тебя покормит!

Старик поспешил к печи. Вооружившись прихваткой и половником, он ловко зачерпнул густое варево из котелка и налил в одну из глиняных мисок, стоявших на печи. Потом, ничуть не опасаясь ракшасы с ее смертоносной когтистой лапой, поднес дымящуюся миску клетке и поставил на пол между прутьями. Существо громко втянуло аромат, поднимающийся от варева своими широкими ноздрями, и довольно заурчало. Пыхтя, кряхтя и отдуваясь ракшасы принялась за еду.

— Медный козлий суп! — с гордостью произнес Клаус Бальтазари.

— Что? Медный суп? — Шамиль удивился. Илая тоже удивился, но промолчал.

— Суп, сваренный из мяса козы, чечевицы и корня любистка и обязательно в медном казане, верный способ снизить агрессию у таких магических созданий как пали, ракшасы и дзикининки. В корнях этого волшебного растения содержится летучее масло, которое способно снимать нервное напряжение, ускорять заживление ран и очищать кровь и кишечник, и при правильной дозировке оно поможет мне улучшить состояние этой бедняжки.

— Ну успокоить нервишки и опорожниться ей точно не помешает, особенно после того, чем эта девица вчера ужинала. — с юмором прокомментировал Илая, с интересом слушавший пояснения Бальтазари.

Даханавар и чародей неодобрительно покачали головой, укоризненно посмотрев на набравшегося смелости пошутить юношу. Однако Илая заметил, как в глазах Шамиля вспыхнул огонек. Даханавар все же оценил неуклюжую попытку подопечного разрядить ситуацию, хоть для вида и поддержал старого мага.

— Но все же, господин чародей, эта девушка никак не может остаться здесь, даже в ее нынешнем состоянии относительного спокойствия, она чрезвычайно опасна. И я просто обязан... — возражал даханавар.

— В нынешнем состоянии этой ракшасы, попрошу вас правильно называть это существо, вы можете только лишить ее жизни, мастер даханавар. Но как я понимаю, у нее есть родственники и им бы хотелось получить ее назад живой и здоровой? — старик прищурился, глядя на Шамиля.

— Если это только возможно. — согласился тот.

— Тогда слушайте меня очень внимательно, а окончательное решение примите после услышанного. — старик подошел к печи, заложил за спину руки и начал ходить взад-вперед по лаборатории, будто лектор пытающийся пояснить студентам трудный материал.

— Ракшасы — это существа женского пола, их название происходит от древне пушгийского слова "бранить", "ругать" или даже "проклинать". В народе считается что это злые духи-людоеды, вселяющиеся в скверных людей, в наказание за их проступки. Однако эта девушка мало похожа на злодейку, ни так ли?! — и кивнув соглашаясь с самим собой, маг продолжил. — Полагаясь на изученные древние тексты о природе магических существ и проклятых, я пришел к выводу, что она не могла стать ракшасы если бы не имела части крови магического существа. Скажите господин Шамиль, известно ли вам о том, что, по сути дела, один из ее предков никто иной как якши?

Даханавар покачал головой, таких сведений о родословной Айнур он не имел.

— Якши — одна из разновидностей природных духов, их истинная природа связана с деревьями или источниками. Они хранители особых священных мест. Женская форма —

якши или якшини. С одной стороны, якша, конечно, может быть совершенно безобидным существом, оберегающим место своего обитания. Бывали случаи, когда они помогали благочестивым людям в осуществлении их желаний, если он или она понравилась якше. А с другой — разгневанный якша может стать ракшасой — монстром-людоедом, злым духом или демоном, жаждущим человеческой плоти.

— Я внимательно наблюдал за этой девушкой и могу согласиться с вами, что отчасти ее состояние сродни болезни, отчасти, увы, это врожденная особенность ее крови. Думаю, ваша Айнур одержима мстительным якши. Но процесс вполне можно повернуть обратно, если изгнать злого духа, захватившего ее тело. Этот дух очень разгневан и требует отпущения за нанесенные ему обиды и единственный путь излечить девушку это, скормить ей сырое сердце человека этого духа прогневавшего.

— Ну знаете, час от часу не легче! — выдохнул даханавар. — Не уже ли иного способа расколдовать ее не существует?

— Увы, но обращение зашло слишком далеко и только раскаявшееся сердце может ее спасти. Причем буквально.

Даханавар долго молчал, мрачно созерцая создание, глядящее на него из клетки.

— А что с ней будет потом, после того как она сожрет сердце своего обидчика.

— Точно не знаю, — старик сокрушенно покачал головой и развел руками. — об этом тексты мною изученные умалчивают.

— Тогда боюсь этого недостаточно. — мрачно произнес Шамиль. Он направился к клетке крепко сжимая меч в руке.

— Нет, пожалуйста! Мастер даханавар, Шамиль! — Илая бросился на перерез даханавару. Он сам смутно понимал зачем это делает, но что-то внутри его сердца говорило, что это неправильно. Какая-то мысль еще не совсем оформившаяся, не позволяла ему согласиться с принятым Шамилем решением.

Он схватил Шамиля за руку, тот сердито крикнул, грубо оттолкнув юношу.

— Прочь, глупый мальчишка, если не хочешь сам познакомиться с моим мечем прежде нее.

— Шамиль! — выкрикнул Илая. — Она не нападала на тебя! Стой, прежде чем решить ее судьбу, ты знаешь с кого надо спросить, знаешь на кого мог прогневаться дух!

Даханавар остановился и его блеклые глаза, такие же холодные как лед, сверкнули. Почти шепотом они вместе с Илаей выдохнули.

— Аль- Мумин.

Шамиль повернулся к Клаусу и спросил:

— Могу я попросить вас об одной услуге, господин маг?

— Извольте.

— Вы говорили отсюда есть два выхода, один мне уже известен, но боюсь он недостаточно безопасен и удобен для того человека, которого мне придется сюда привести. Я бы хотел знать о втором пути.

— Тогда следуйте за мной, я покажу вам его. — старик направился к лестнице ведущей в верхнюю залу.

По пути он схватил со стола длиннополый халат и накинул его на свои тощие плечи. Халат был скроен на восточный манер и украшен серебряной вышивкой, однако, так же его украшали разноцветные пятна и пропалены, появившиеся в результате активных магических опытов Клауса Бальтазари.

— Этот зал поражает воображение, правда? — Бальтазари в пол оборота посмотрел на следующих за ним мужчин. Оба его спутника кивнули.

— Когда-то давно в этой башне жили сильные и мужественные воины, они ограждали древнее королевство Партронию, от орд магических тварей, созданных злобными и завистливыми колдунами Восточной Империи.

— Легенда об Империи некромантов мне известна, но Партрония, никогда о такой стране не слышал! — удивился даханавар, Илая кивнул подтверждая, что и ему об этом ничего не известно.

— Ну это и не удивительно, почти полторы тысячи лет прошло. Партрония была маленьким, но славным королевством, поддержавшем восстание Свободных, об этом знают те, кто может прочитать магические свитки народа корг. Кстати, именно поэтому развалины и носят это имя, имя народа, о котором теперь почти никто не помнит.

— Так может быть и туннели под городом — это тоже их рук дело? — спросил Илая.

Волшебник поскреб щетинистый подбородок, задумался и ответил.

— Думаю только отчасти. Скорее всего туннели намного более древние, чем мы можем даже подумать. Почти каждый новый народ, живший и живущий на этой земле, добавляет к их веткам свои коридоры, а потому туннели ширятся и ширятся из века в век, как корни гигантского дерева. А вы весьма сообразительны молодой человек, это похвально.

Илае была приятна похвала из уст чародея. Бальтазари направился к стене с фреской, на которой два всадника воткнули копья в извивающегося двуглавого змея, он ощупал резную деревянную панель, украшающую стену под фреской, нашел два симметричных ромба в сложном узоре и одновременно надавил на них. Послышался шипящий звук, и деревянная панель сместилась в сторону открывая взору скрытый прежде каменный коридор.

— Прошу. — Бальтазари сделал приглашающий жест. — Этот коридор выведет вас к морю. Очень скоро начнется отлив, и вы сможете абсолютно свободно выйти к порту Мирцеи.

Даханавар направился к выходу первым, возле старика он остановился и спросил.

— Господин Бальтазари, не окажите ли вы мне еще одну услугу и не присмотрите ли за моим спутником, Илаей?

— Но... — Илая попытался возразить, удивленный, что его оставляют здесь, наедине со странным чародеем и девушкой под властью демонических сил, но вовремя умолк, увидев, что Шамиля совершенно не волнуют его возражения.

— Ну, я думаю, что это не составит для меня большого труда. Однако, прошу вас, господин даханавар не задерживаться, ведь меня ждет мое исследование, которое я предпочел бы проводить без присутствия посторонних. Опасно, видите ли.

— Конечно, я вернусь еще до полудня с аль-Мумином или без. — уверенно сказал Шамиль, направляясь к выходу.

Не успел даханавар скрыться в проеме, как до него донеслось.

— Нет, пожалуйста, остановитесь! — голос был слабый, но знакомый.

С удивлением развернувшись Шамиль увидел, что в залу задыхаясь и охая вошла женщина. Это была Фариха. Она выглядела так, будто спасалась бегством от всех мыслимых и немыслимых монстров, обитающих в этих подземельях. То бледнея, то краснея, старуха привалилась к стене, из которой только что вышла и отдышавшись обратилась к мужчинам.

— Вам нет никакого смысла идти туда мастер даханавар, этот презренный человек, кади аль-Мумин, подло нарушил свое обещание и сбежал сразу после того, как вы с вашим

помощником покинули наш дом. Более того, мерзавец прихватил с собой деньги, которые господин Ибрагим хранил в своем доме. — старуха попыталась поправить свою одежду, но руки, дрожавшие от волнения, ее не слушались.

Даханавар подошел к женщине, достал из-под плаща заветную флягу с тэклой и предложил Фарихе сделать глоток. Напиток помог женщине прийти в себя и поблагодарив даханавара она вернула ему флягу.

— Госпожа Фариха, ваше появление здесь, совершенно неожиданно. Расскажите же мне, что вас заставило проделать весь этот путь?

— Случилось чудо, я видела Зейнаб, и это она подсказала мне как найти вас. После того, как произошел этот ужасный разговор в доме ибн Тахта, у меня жутко разболелось сердце. Я женщина преклонных лет и такие ужасные вести, как я получила вчера, для меня тяжелы вдвойне. Поэтому я поспешила в свою комнату, чтобы принять лекарство и прилечь. Но не успела моя голова коснуться подушки, как я провалилась будто во тьму. Эта тьма окружала меня и я, лежа в одиночестве на своей кровати не могла ни пошевелиться, ни слова сказать, я подумала, что должно быть умираю. И тут кто-то в этой темноте позвал меня по имени. Я увидела, как ко мне приближается фигура облаченная во все белое, будто в погребальный саван. Когда она приблизилась, я узнала в ней свою давно почившую сестру Зейнаб. Она присела рядом со мной и положила свою невесомую руку мне на грудь и сказала. "Сестра у тебя доброе сердце, и оно поможет моей дочери. Только ты можешь спасти нашу Айнур. Иди же туда, где Айнур себя потеряла и помоги ей." Потом дух Зейнаб исчез, а я очнулась. Я сразу отправилась к господину Ибрагиму, чтобы рассказать о своем видении и просить его разрешения покинуть дом. Я нашла нашего благодетеля в ярости, он сказал мне, что кади остался верен своей черной душе и его раскаянье было фальшивым. Он пожелал мне удачи в моих поисках, а сам стал собирать своих верных людей, чтобы отправить их в погоню за кади. И вот я здесь, и теперь я хочу знать нашли ли вы Айнур? Я хочу ее видеть!

Шамиль молча кивнул.

7

Фариха стояла перед клеткой, закрыв лицо ладонями и плакала. В клетке сытая и успокоившаяся ракшаси-Айнур прихорашивалась. Она пыталась металлической лапой причесать свои спутанные грязные волосы, тихо мурлыкала себе под нос что-то нечленораздельное и не проявляла никакого интереса к тому, что происходит за пределами клетки.

Растроганный видом плачущей старой женщины Клаус Бальгазари, попытался ободряюще приобнять Фариху, но та скинула его руку со своего плеча. Теперь после повторного рассказа мага о природе проклятия овладевшего Айнур, с исчезновением аль-Мумина всякая надежда на исцеление девушки пропала. Шамиль мрачно наблюдал за этой сценой прощания. Никто из присутствующих не знал, что сказать, да и слова уже, казалось, потеряли всякий смысл. Но и оттягивать неизбежное было невыносимо.

— Пора. — мрачно произнес даханавар, вновь освобождая меч из узких ножен.

Фариха, отняла руки от лица, посмотрела на даханавара взглядом полным боли и смирения и произнесла:

— Перед тем как вы, как вы сделаете это я хочу обнять свою девочку, в последний раз.

— Это совершенно исключено! Я не могу этого допустить, это очень опасно для вашей жизни! — возразил Шамиль.

— Бросьте мастер даханавар, о какой жизни вы говорите? Я старуха, вся моя жизнь была посвящена заботе о близких мне людях, она никогда не принадлежала только мне. Сейчас последнее существо, которое мне было дорого на этом свете, покинет меня. Моя жизнь без Айнур потеряет свой смысл, он закончится вместе с ее жизнью. Позвольте мне хотя бы выбрать свою смерть, о большем я не прошу вас. — эти слова, были сказаны так спокойно и так искренне, что Шамиль понял — отказать этой старой женщине он не сможет.

Он посмотрел на Илаю, перевел взгляд на Клауса и сказал:

— Думаю, вам стоит выйти из лаборатории господина, если вы не уверены, что сможете быть этому свидетелями.

Оба покачали головой, отказываясь от предложения. И юноша, и старик не хотели трусливо бежать, когда эта маленькая старая женщина собирается проявить всю силу своей любви и всю крепость духа, по отношению к той, кто ей по-настоящему дорог. Фариха поблагодарила их за смелый поступок и направилась к клетке с ракшаси.

Клетка была опущена на пол лаборатории, ключ от замка, отпирившего ее дверь, висел на стене возле ворота с цепью. Фариха сняла этот ключ с крючка, немного подержала его на ладони и решительно направилась к клетке. Ракшаси все так же занималась лишь собой и не обращала внимания на приближающуюся женщину.

Взявшись руками за прутья клетки Фариха позвала:

— Девочка моя, Айнур! Это я, твоя верная Фариха. Молю, посмотри на меня! — ракшаси не подняла глаз, но на какой-то краткий момент замолкла и прекратила чесать волос.

— Прости меня, девочка, я не смогла уберечь тебя, не смогла защитить, как обещала твоей матери. — с нежностью говорила Фариха. — Прошу, позволь мне войти. Позволь последний раз обнять тебя. — Фариха вставила ключ в замочную скважину, легко повернула его и замок с тихим щелчком открылся.

Ракшаси остановилась, замолкла, она смотрела на женщину своими красными без белков и зрачков глазами, будто изучала. Потом склонила голову на одну сторону, потом на другую, губы разъехались в жуткой гримасе, лиловый язык свесился из черной пасти. Жуткое подобие улыбки. Ракшаси отодвинулась подальше в угол клетки, будто приглашая женщину войти. Фариха улыбнулась монстру в ответ и легко ступила внутрь ее заточения. Все в лаборатории замерли, замороженные смелостью и спокойствием старой служанки. Шамиль был готов рвануться к клетке, чтобы вытащить оттуда бесстрашную женщину, стоит лишь ракшаси сделать, угрожающее жизни Фарихи движение, но ракшаси- Айнур не проявляла агрессии. Казалось, монстр сам удивлен и заинтересован своей гостьей. Фариха закрыла за собой дверь и оперлась на прутья спиной, сердце бешено колотилось, пытаясь разорвать сухую грудную клетку. Ракшаси издала мяукающий звук и постучала железной кистью о пол клетки рядом с собой, приглашая женщину приблизиться и расположиться по удобнее. Очень медленно Фариха приблизилась к одержимой, присела на колени рядом с той и протянула руку, к лицу ракшаси. Бестия замерла, но позволила отвести падающую на глаза грязную прядь волос. Из глаз Фарихи скатилась слеза.

— У тебя такие же красивые волосы, как и у твоей матери, Айнур. Ты помнишь, как часто я их расчесывала тебе перед сном на ночь? Помнишь, как ты это любила? Ты не могла заснуть, пока твоя няня Фариха не причешет тебя ровно сто раз. — ракшаси мурлыкнула, будто понимала, о чем говорит женщина.

Фариха посмотрела на забинтованную искалеченную руку девушки.

— Тебе, наверное, очень больно? — Фариха потянулась что бы погладить обезображенную конечность, но ракшаси на нее зашипела и дернулась. Прижимая культю к своей перепачканной кровью груди, она захныкала.

— Нет, нет Айнур, я не причиню тебе боли, поверь! — женщина раскрыла объятия, протянула к ракшаси руки.

Ракшаси склонила голову, а потом мягко скользнула в руки своей тетушки. Она издала горестный стон, Фариха крепко обняла Айнур целуя ее в макушку. Она гладила и шептала слова любви и успокоения своей бедной девочке, пока та не перестала дрожать и поскуливать. Для всех, кто был по ту сторону клетки это было потрясающим зрелищем. Но страх и волнение не покидали мужчин.

Будто баюкая Фариха укачивала девушку, она тихо начала свой рассказ. Свою исповедь перед Айнур.

— До того пока Зейнаб не родила тебя, Айнур, я не знала, что такое счастье. Когда мы были ненамного старше тебя сейчас, мы лишились отца и дома. Не зная, как поступить правильно, мы с сестрой приняли предложение о помощи человека, которого ты всю жизнь называла своим отцом. Тогда это казалось лучшим решением для нас обеих. Ах, я так боялась, что жизнь на улице убьёт твою мать, что ее сломают, лишат чести и достоинства! Но оказалось, что, приняв его предложение, я сделала куда хуже. Я лишила нас с Зейнаб свободы воли. Я знаю, что должна была храбро напасть на него и лишит жизни, когда он со стражей пришел забрать твоего деда, нашего отца, а потом, покончить с сестрой и собой. Но я испугалась, проявила малодушие, ведь я была молода и глупа. О, нет, я не оправдываю себя, я знаю и принимаю свою вину! Потом, живя в доме матери этого человека, я не смогла защитить свою сестру уже во второй раз, и она стала его женой. В третий раз я не уберегла Зейнаб, когда, поддавшись на его просьбы о ребенке, она отправилась в путешествие в пустыню. Знай девочка, что однажды ночью, на одном из привалов в пустыне, когда лагерь паломников спал, твоя мать разбудила меня и сказала, что ей приснился странный сон. Она сказала, что должна пойти к источнику на холме, рядом с которым мы разбили лагерь, искупаться в нем обнаженной пока луна еще полная и тогда она сможет зачать. Но твоей матери было страшно идти одной, и она попросила меня тайком проследовать за ней и предупредить если вдруг возникнет опасность. Я согласилась. Это была прекрасная ночь, Айнур, луна сияла, как начищенное серебряное блюдо, она была просто огромная. Твоя мать поднялась к источнику, скинула свои одежды и стала купаться, а я спряталась за камнем ожидая её. В ту ночь Зейнаб встретила свою любовь, это был дух того источника. Он вышел из-за дерева, растущего на берегу, и сказал твоей матери, что это он наслал на нее вещий сон и он поможет ей зачать прелестную девочку. Сначала Зейнаб очень засмущалась, но этот якши был так красив и говорил с ней так ласково. Сердце Зейнаб дрогнуло, и она отдалась ему прямо там, на камнях у воды. Прежде она не знала других мужчин, кроме мужа, который был отнюдь не так красив и добр с ней. Этот человек никогда не мог понять какое сокровище была твоя мать. Перед тем как взошло солнце любовники расстались. Якши дал твоей матери кольцо с рубином и сказал, что камень — это капля его крови и теперь, когда она понесла от него, они муж жена, пред Небесами. Якши просил твою мать обещать, что она уйдет с ним покинув дом и семью, когда он вернётся за ней через пять лет. Он обещал Зейнаб вечную жизнь и прекрасный дворец, где она станет его королевой, а он ее королем. Якши просил мою сестру хранить этот перстень, как залог любви и символ обещания. Твоя

мать отдала перстень на сохранение мне, чтобы у ее мужа, кади аль-Мумина, не возникло ненужных подозрений. Прошло девять месяцев и родилась ты, Айнур. У нас было пять лет счастливой жизни, и мы с твоей матерью позабыли о якши и обещании твоей матери уйти с ним. А потом ты заболела, да так сильно, что все мы боялись, что потеряем тебя. Как-то ночью, когда мы сидели около твоей кровати, а ты была очень плоха, твоя мать стала горько плакать. Я в ответ стала заверять, что ты обязательно поправишься, но она покачала головой и сказала, что плачет не поэтому. Она рассказала мне, что за неделю до твоей болезни к ней стал приходить тот якши из пустыни и требовать выполнить его обещание, но она отказала ему. Зейнаб сказала пустынному духу источника, что не может бросить свою дочь, и никаких богатств или вечной жизни ей не надо. Он сначала умолял ее и просил исполнить обещанное, но каждый раз получал от Зейнаб твердый отказ. Тогда дух разозлившись сказал, что если она не желает с ним идти, тогда он заберет то, что он дал ей. Твоя мать тоже разгневалась на бывшего любовника и, бросив к его ногам кольцо, сказала, что он может забирать, что хочет. Якши улыбнулся и исчез. "Ну, отчего же ты плачешь, если все и так разрешилось?" — спросила я сестру и тогда она разжала ладонь и показала мне это кольцо. Она сказала, что сегодня утром проснулась, а оно было у нее на пальце. Целый день она пыталась от него избавиться, но вновь находила его то в своей комнате, то в карманах своей одежды. Она сказала, что очень боится, что якши имел в виду вовсе не кольцо и она посмотрела на тебя. В этот момент ты застонала, хрип вырвался из твоей маленькой грудки, Айнур, и ты перестала дышать. Твоя бедная мать, страшно закричала, стала звать тебя, но ты не открывала глаза, она взвыла и упала навзничь, потеряв сознание. Я бросилась в ее покои, чтобы принести нюхательную соль, но когда вернулась, то ее в комнате уже не было. Я склонилась над тобой и вдруг услышала, как ты тихонько дышишь, твой лоб стал более прохладным и жар начал спадать. Поблагодарив Небо, я кинулась на поиски твоей матери, чтобы сообщить ей радостную весть, что ты жива. Но, увы, было слишком поздно. Твоя бедная мать, ополоумев от горя, покончила с собой. Она повесилась в саду на своем длинном шелковом шарфе, а на пальце ее руки было проклятое кольцо якши. Мы так и похоронили ее с этим кольцом. Я думала, что дух успокоился и принял ее жертву, но потом ты принесла это кольцо обратно. Я нашла его в твоей одежде. Это было тогда, когда ты первый раз сбежала из дома на могилу своей матери. Я снова забрала у тебя это кольцо и тайком подбросила его в гроб одного имама, которого хоронили на следующий день, но оно вновь вернулось через десять лет. Я увидела его на твоей руке, когда ты прибежала в дом своего отца кади аль-Мумина, чтобы скрыться от гнева своего мужа Самира. Перед тем, как мы покинули Пушт, я вновь выкрала его у тебя и опять от него избавилась. Я думала, что чем дальше ты будешь от проклятого кольца тем меньше его жуткая магия будет влиять на тебя. Я поняла, что ничего не могу изменить, когда этот даханавар, принес твою отрубленную кисть и я увидела это кольцо на одном из твоих пальцев.

Фариха пошарила в складках своей одежды, она достала оттуда небольшой предмет — перстень с крупным рубином, ограненным в форме сердца. Она протянула кольцо ракшаси:

— Вот, девочка моя, держи это принадлежало твоим истинным родителям, теперь принадлежит тебе. Это наследие твоей крови, а кровь не выбирают. Прости мне, что я старалась изменить это.

Ракшаси-Айнур подняла голову, казалось в ее алых глазах появилось выражение понимания. Она стала подниматься с колен, нависая над старой женщиной, протягивающей ей перстень. В какой-то момент все ее тело приняло странную угрожающую позу. Она стала

поднимать здоровую руку растопырив пальцы, от чего стальные когти перчатки хищно блеснули в отблесках пламени. Шамиль поднял меч, он был в таком напряжении, что было понятно, стоит ракшаси лишь замахнуться для смертоносного удара когтистой лапой, как в тот же момент даханавар сорвется с места со скоростью мысли и пронзит чудовище еще до того, как оно нанесет удар. Глаза Фарихи и глаза ракшаси-Айнур встретились. Это был момент, который длился одновременно миг и вечность, а потом рука девушки расслабилась. Айнур, погладила по седым волосам свою тетку и встала перед ней на колени протягивая вперед руку в перчатке, как бы умоляя освободить кисть из стального плена. Фариха осторожно помогла ракшаси снять перчатку. Рука под ней оказалась покрыта кожей обычного для человека цвета — молочно-розового. Это сильно контрастировало с остальным цветом кожи одержимой. Ласково погладив эту мягкую, совершенно человеческую ладонь, Фариха ее поцеловала и надела перстень на указательный палец девушки.

По телу Айнур пробежала крупная дрожь, она тихо вскрикнула и начала заваливаться на бок. Когда ее тело упало на пол клетки, на месте, где она секунду назад стояла, взметнулся к потолку столб лилового дыма. Этот дым приобрел форму человеческой фигуры. Из него донесся голос. Голос был ни женский и ни мужской, а какой-то запредельный и от того пугающий.

— Женщина! — обратился этот голос к старухе. — ты открыла нам свое сердце и восстановила связь, исполнив обещание, данное не тобой! Теперь равновесие соблюдено и муж с женой, связанные Небом и кровью, могут быть наконец-то вместе. Я снимаю свое проклятие, дитя снова свободно! — и лиловый дым растворился в воздухе, оставив после себя лишь эхо. Кольцо якши тоже бесследно исчезло.

Обессиленная Фариха облегченно вздохнула и прислонившись спиной к решетке прикрыла глаза. На ее лицо легла маска вечного покоя.

Два дня спустя, по дороге ведущей прочь от города, ехали два всадника. Один из них был высок и темноволос, его блекло голубые глаза сильно контрастировали с темным цветом кожи, и особенно с почти черной татуировкой на его лице. Второй — невысокий юноша, чьи огненного цвета вьющиеся волосы скрывала островерхая шапочка бутылочно-зеленого цвета. Лошади у них были свежи и готовы проделать долгий путь, а седельные сумки до верху забиты всем необходимым в дороге.

Всадники добрались до развилки. Тут одна дорога уходила в долину, другая вела по поросшему ковылем взморью прямо к соседнему с Мирцеей городу.

— Шамиль, как думаешь, что будет с этой девушкой, Айнур? — спросил Илая даханавара.

— Я думаю после того, как она окончательно поправится, Ибрагим возьмет ее в жены. Чародей Бальтазари сказал, что для восстановления ее физического и душевного здоровья понадобится не менее года. Я верю Ибрагиму, он достойный человек и не бросит, ее после того, что ей пришлось пережить. К тому же он единственный действительно родной ей человек, а по пуштийским законам старший брат должен позаботиться о вдове младшего.

— Ну теперь-то, когда проклятие снято, ему, наверное, не о чем беспокоится. — сказал Илая. — Только если она не сделает ему свадебный подарок в виде пирога с потрохами мертвеца.

— Похоже кто-то полюбил черный юмор?! — подначивая спросил у спутника даханавар.

— У меня был отличный учитель! — подмигнул Илая.

И оба расхохотались. Дорога перед ними была пуста и манила возможными приключениями. Позади них кто-то уже спешил по делам и даханавар с Илаей направили своих коней к обочине, чтобы не наглотаться пыли.

— Перед тем как разъедемся, не желаешь ли, друг мой, напоследок промочить горло? — улыбаясь даханавар достал из-под плаща неиссякаемую фляжку тэклы.

— Конечно, друг! — поддержал Илая. — Давай, только спешимся возле того вяза. Кто знает, может я в последний раз вижу своего спасителя?!

— А давай! — согласился Шамиль. — К тому же, я хотел спросить, не желает мой лучший и надо признаться первый в моей долгой жизни помощник.... — Шамиль запнулся, его плечо как-то странно дернулось. В следующий момент фляга с тэклой взорвалась, пробитая арбалетным болтом. Третий болт снес Илаю из седла угодив в незащищенную грудь. Рот стремительно наполнялся кровью, его широко раскрытые глаза видели, как Шамя окружило четверо рослых всадников в серых стальных кольчугах со странными красно-черными медальонами на груди. Даханавар попытался вытащить меч из ножен, чтобы обороняться, но дело было осложнено арбалетным болтом, пробившим его короткий темный плащ и вонзившимся под лопатку. Всадники не теряли ни мгновения, они вытащили длинные кинжалы и стали наносить Шамя страшные удары один за другим. Шамиль все же освободил меч и даже парировал несколько выпадов противников. Он рассек одному из нападавших бровь, а второму вспорол живот. Лошадь неудачливого бойца испугалась и понесла его, роняющего в пыль кишки и кровь, дальше по дороге. Но их было слишком много, они просто сбросили Шамя с лошади и тут к ним присоединился еще один всадник. Этот тоже был с арбалетом. Выпустив болт прямо в упор, он пробил доспех даханавара и ранил Шамя в живот. Этот всадник медленно опустил платок, скрывавший добрую половину его лица, Шамиль увидел перед собой аль-Мумина. Бывший кади презрительно плюнул на поверженного даханавара, и произнес:

— Ты не захотел взять мое золото, пес, что же я сполна заплатил тебе, за твои, так сказать, услуги. Можешь гордиться, эти болты стоят больше пятидесяти золотых, а знаешь почему?! — он издевательски засмеялся. — Я скажу тебе! Да, да я вижу, как тебе больно, нечистый, как они жгут твою мерзкую плоть! Все дело в том, что наконечники у этих болтов сделаны из рога черного единорога, это очень редкий и дорогой рог, но для тебя я не пожалел этих денег. Я буду счастлив зная, что уничтожил тебя, мерзкое отродье, как ты уничтожил мою жизнь! — и плюнув еще раз аль-Мумин, приказал воинам следовать за ним.

Пыль, поднятая копытами всадников, медленно кружилась над дорогой, оседая на стекленеющие глаза Илаи. Шамиль, истекая кровью, преодолевая невыносимую боль от ран полз к почти мертвому другу. Он чувствовал, как движутся, прокладывая дорогу к его сердцу, разрывавшие плоть осколки рога. Крича и рыча, даханавар подполз к другу, его лицо мало напоминало лицо человека, такое напряжение требовало высвободить его особую силу. Шамиль не мог воспользоваться своей кровью, чтобы исцелить Илаю, рог единорога отравил ее и из волшебной субстанции она превращалась в яд, попутно отравляя собственного носителя. Действительно особая плата подумал Шамиль. На его груди под рубашкой на стальной цепочке, висел сосуд из орихалка, а в нем самая великая ценность для даханаваров — Ихор Первородного. Сейчас, это был единственный способ спасти Илаю от смерти. Сорвав зубами орихалковую крышку с сосуда, Шамиль ощутил резкий запах содержимого, едва не теряя сознание от волн накатывающей боли, он из последних сил просунул узкое

горлышко сосуда между посиневшими губами Илаи.

— Пей, черт тебя дери, пей, брат! — отчаянно прохрипел даханавар.

Когда он увидел, как горло Илаи сжалось, проталкивая живительный глоток, услышал, как грудь юноши сотряс первый удар сердца, Шамиль потерял сознание.

Даханавар не видел, как в их сторону по пустынной дороге несется маленький отряд, состоящий из воинов и городской стражи. Впереди всех, на гнедом жеребце летел, Ибрагим ибн Тахт.

Даханавар. Кости справедливости

Даханавар. Кости Справедливости.

Даханавар. Часть вторая.

Правильный путь таков: усвой то, что сделали твои предшественники, и иди дальше.

(Лев Николаевич Толстой)

1

Утро выдалось пасмурным, за окном шел дождь. Крупные капли монотонно барабанили по листьям клена, росшего под окном комнаты, в которой Илая встретил это утро. Он проснулся легко ни чувствуя ни боли, ни ломоты в теле. Единственное, что беспокоило юношу было чувство жажды, будто накануне он выпил целый бочонок крепкого вина. Юноша потянулся к кувшину с водой, стоявшему у изголовья его кровати и за несколько глотков, его ополовинил. Наверно они опять остановились в какой-то гостинице, и Шамиль его снова напоил. Больше юноше на ум ничего не приходило, чтобы объяснить, как и почему он здесь очутился.

Это место было явно подороже, чем постоялый двор "Три кружки эля". Стены из отштукатуренного камня, на полу керамическая плитка, цвета охры, крепкая деревянная постель с балдахинном, окна высокие и стрельчатые, на окнах тяжелые дорогие шторы, мебель в комнате простая, но добротная сделанная. Может они в Верхнем Городе? Может даханавар решил напоследок вернуться в город и немного покутить, перед дальней дорогой?

Илая испытывал легкость во всем теле и даже какое-то новое чувство силы. Как будто даже мускулы на его руках и ногах и торсе стали крепче и рельефнее. Он резво поднялся с кровати, поднял руки над головой, потянулся и не неожиданно, даже для самого себя, сделал сальто вперед, грациозно приземлившись у стола, стоявшего на другом конце комнаты.

Странно, ничего подобного он раньше не пробовал, однако у него отлично получилось. Илая решил повторить трюк, и успешно совершил прыжок назад. Это сильно раззадорило юношу и ловко оттолкнувшись ногами от пола, Илая сделал стойку на руках. В тот момент, когда юноша совершал свою прогулку по комнате вверх тормашками, наслаждаясь новообретенной ловкостью, дверь тихо отворилась и в комнату вошел высокий темнокожий мужчина. Вошедший был одет в белую холщовую рубаху до колен и узкие серые штаны длиной по щиколотку. Он ни проронил ни слова, а только выжидательно замер у двери. Это был один из людей, служивших господину Ибрагиму ибн-Тахту.

Илая был несколько смущен увидев перед собой пару босых смуглых ног, явно принадлежащих не ему самому. Акробатическое баловство пришлось прекратить и, испытывая некоторую неловкость, юноша опустился на пол. Высокий темнокожий слуга смотрел на него абсолютно бесстрастно, будто ежедневно видел, как гости его господина выкидывают подобные номера, а может и кое-что похлеще.

— Господин Ибрагим ибн-Тахт, любезно предоставивший вам свой гостеприимный кров, просит вас, молодой господин, если, конечно, вы уже проснулись, спустится в гостиную. Это большая зала этажом ниже. Вы легко ее найдете. Стоить только выйти из этой комнаты и проследовать направо к лестнице. Мой господин и ваши друзья, вас там уже ожидают. — чопорно проинформировал Илая слуга и тотчас удалился.

Илая был совершенно уверен в том, что уже окончательно проснулся. Он поспешил привести свой внешний вид в порядок, накинул на плечи странного вида широкополый

халат, лежавший на стуле возле его кровати, и спустился вниз к ожидающим его людям.

Гостиная оказалась ему знакома, именно тут он побывал вместе с Шамилем всего неделю назад, именно тут услышал историю невесты ибн-Тахта из уст ее отца. Теперь тут было намного светлее, и юноша смог рассмотреть комнату получше. Причудливые лампы из золотистого стекла на длинных тонких металлических треногах, чуть более полудюжины, были расставлены по периметру комнаты, бронзовые декоративные вазы покрытые узорчатой эмалью, стеклянные и круглобокие вазы со свежими цветами, кушетки затянутые алым бархатом и пуфы затянутые зеленым, золотые и кобальтовые мягкие подушки, дорогие ковры на полу и стенах, потолок украшенный росписью и лепниной, чайный столик вырезанный из красного дерева и украшенный мозаикой из перламутра. Все в интерьере этой гостиной говорило о том, что ее хозяин привык к роскоши и комфорту.

В гостиной Илаю уже ожидали. Клаус Бальтазари удобно устроился на одной из алых кушеток на его коленях примостилась пушистая кошка. Волшебник, явно нравился животному. Кошка громко мурчала в ответ на неспешные поглаживания ее серебристо-белой шерстки. У окна, неспешно наслаждаясь напитком из крошечной серебряной чашечки, стоял высокий плотный мужчина с горделивой осанкой и орлиным профилем — это был сам хозяин дома Ибрагим ибн-Тахт. Третьим Илая увидел даханавара. Увидел и не поверил своим глазам. Шамиль сильно изменился. Он будто бы стал в разы меньше, одежда, которая прежде туго облегла его идеальное мускулистое тело, теперь обвисла, будто была ему не по размеру. Его чудесные, смоляного цвета волосы, обильно посеребрила седина, лицо избороздили морщины, кожа поблекла и стала сухой как пергамент, нос, скулы, подбородок заострились. Казалось, будто само время на него ополчилось, заменив каждый час годом. Видя в какое замешательство даханавар, ввел своего друга, он широко улыбнулся, поднялся из единственного стоявшего в гостиной кресла, и приветственно раскинув руки направился к Илае. Заключив юношу в свои жаркие дружеские объятия, он радостно засмеялся.

— Как я рад видеть тебя друг мой в добром здравии! Как я рад, что наконец-то ты с нами, брат мой! — его приятный голос, все еще крепкие руки и неугасимый лукавый огонь в глазах, окончательно убедил Илаю, что перед ним тот самый Шамиль Тень. Даханавар с которым они вместе сражались в подземельях Мирцеи.

— Шамиль? — выдавил из себя потрясенный увиденным Илая. — Но что произошло, что с тобой..., что с нами случилось? И как мы оказались здесь? Это, что происки очередного демона? Черт меня задери, если я понимаю. Что здесь происходит! И почему ты назвал меня братом?

— Ну-ну, не спеши Илая! Присядь и я расскажу тебе все по порядку.

Шамиль проводил удивленного юношу к столику, куда расторопные и бесшумные слуги уже успели принести напитки и угощения, усадил на кушетку возле Клауса Бальтазари. Сам даханавар занял прежнее место в кресле. К ним присоединился и хозяин дома, усевшись по другую сторону столика он подлил себе в кружечку ароматного напитка, а это был каваш, и молча улыбнулся Илае.

Шамиль начал свой рассказ:

— Скажи мне, Илая, что ты помнишь из того, что случилось после того, как мы покинули Мирцею?

Илая наморщил лоб, пытая вспомнить недавние события, все было как в тумане.

— Кажется мы собирались остановиться у обочины дороги, ты предложил выпить напоследок, а потом я услышал странный звук и упал с лошади. — по лицу Илаи было видно,

как мучительно он старается вспомнить события того дня, но память ускользала от него.

— Прости, Шамиль, но это все, что мне удалось вспомнить, дальше, как будто ничего не было, моя память обрывается, в голове одна пустота. — юноша сокрушенно покачал головой.

— Ничего удивительного Илая, что ты более ничего не помнишь, ведь ты умер. — с легкостью пояснил даханавар разводя руками.

Илая, услышав эти слова, подскочил как ужаленный.

— Умер?! Что ты хочешь этим сказать?! Как я могу быть мертвым, если могу дышать и говорить с тобой сейчас? А делать сальто и ходить на руках, разве мертвецы могут делать подобное?! — и выйдя на середину комнаты юноша продемонстрировал свое акробатическое мастерство.

Вновь встав на ноги, Илая перевел дух, упер руки в бока и оглядев всех присутствующих, прищурившись произнес, обращаясь к даханавару:

— Шамиль, просто признай, ты решил разыграть меня. Сначала напоил, а потом решил сделать из меня дурака? Зачем-то нанес на себя этот нелепый грим и одел парик, чтобы окончательно сбить с толку. Вот только я не пойму, даже если у даханаваров такое отвратительное чувство юмора, то зачем ты подговорил этих благородных господ подыграть тебе. Или у вас в Верхнем Городе так принято развлекаться? — негодующим взглядом юноша обвел всех присутствующих в комнате. Гордо подняв подбородок, он заявил.

— Не выйдет господ! Даже если я человек не вашего круга, а всего лишь безродный отщепенец с самых низов, у меня есть гордость, и я не собираюсь участвовать в этом фарсе! Прощайте, господа! — и повернувшись на пятках юноша собирался покинуть комнату.

— Сядь! — прогремел голос даханавара за его спиной. — Сядь, и выслушай меня. — сказал он тоном чуть мягче. — И, пожалуйста, давай без истерик. Я совершенно серьезно говорю тебе — ты умер!

— Но... как такое могло случиться? — плечи Илаи поникли и понуриив голову он вернулся на свое место. Старый волшебник Бальтазари, ободряюще похлопал юношу по плечу, призывая успокоиться и выслушать, что хочет сказать даханавар.

— Позволь, Шамиль, я расскажу мальчику кое-что о том дне. Илая, тебе не следует сердиться на своего друга, он достойный человек, хоть и даханавар. В том что случилось виноват, этот проклятый шакал, аль-Мумин. — Ибрагим ибн-Тахт вступил в беседу.

Этот мужчина всем своим видом излучал силу уверенность и внушал доверие. Илая почему-то подумал, что Ибрагим похож на горного медведя.

— В то утро мои люди, сообщили, что им наконец-то стало известно, где скрывается этот подлец. Клянусь Пророком, мы перевернули весь город, чтобы найти его логово. Я взял с собой самых надежных из своих людей, и мы отправились в Нижний Город. Как оказалось аль-Мумин, хотел подкупить нескольких ублюдков-головорезов. Это были совершенно пропащие люди, готовые за лишнюю монету выпотрошить кого угодно и собственного отца в придачу. Но когда они слышали, что им предстоит напасть на даханавара даже эти отчаянные ублюдки отказались. Тут бы его план и провалился, но кто-то помог ему связаться с рыцарями из ордена Воинов Пепла. Этот орден очень могущественен у меня на родине, они известные "охотники на ведьм" и "поборники веры", но как по мне просто банда убийц и воров, прикрывающая свои истинные намерения благими целями. Дай им власть они бы вырезали половину народа в моей стране, а другую заставили бы на это все смотреть и хлопать в ладоши. Но я сейчас не об этом. — мужчина тяжело вздохнул и продолжил.

— аль-Мумин заплатил немалые деньги ордену и достал оружие, способное убить

даханавара — арбалетные болты с разрывными наконечниками. Наконечниками из рога черного единорога. То, что ты видишь, Илая, увы не грим и не костюм для нелепого розыгрыша, это последствия того, что рог делает с телом даханавара.

— Позвольте господу, — вклинился в разговор Клаус Бальтазари, — мне будет легче объяснить природу этого явления, нашему другу.

Никто из присутствующих не возражал. Бальтазари поднялся со своего места, прогнав с колен недовольную, тем, что ее потревожили, кошку, и стал расхаживать по гостиной, сопровождая свой рассказ красноречивыми жестами.

— Черный единорог — животное уникальное, встречается в природе крайне редко, имеет полу демоническую природу, самцы окрас имеют черный, самки бурый. Обитает он на высокогорье Кат-Рахт, это на самой границе Королевства Пушт и Выжженных Земель. Имеет нрав зловредный, крайне быстр и почти неуловим, опасен смертельно. Мясо и кровь его ядовиты, а особенно ядовит рог, который растет у него на голове. По сути, этот ядовитый рог единственное, что может навредить организму даханавара. При попадании яда в кровь он изменяет ее, делая ядом для своего хозяина. Я сделал все возможное, чтобы извлечь осколки из тела, нашего друга, но увы не все. Самые мелкие осколки унесла кровь и теперь, боюсь у господина даханавара слишком мало времени. Я приготовил особое зелье, очищающее его кровь от яда, но стоит осколкам достигнуть его сердца..... - старик развел руками, всем своим видом показывая, что тут он бессилён, что-либо исправить.

Даханавар все еще молчал, свой рассказ продолжил ибн-Тахт.

— После того, как у него было смертельное для даханавара оружие, аль-Мумин смог убедить своих головорезов подельников подстеречь и напасть на вас с Шамилем, когда вы менее всего будете этого ожидать. Увы, я не успел перехватить его в Нижнем Городе. Мы разминулись всего в паре кварталов, но этого было достаточно, чтобы он осуществил свой черный замысел. Когда я и мои люди нашли вас с даханаваром ты, Илая, был уже мертв. Арбалетный болт пробил твое сердце. К счастью для тебя, это был обычный арбалетный болт. Шамилю повезло меньше он принял на себя основной удар: два разрывных болта с ядовитыми осколками и бесчисленные раны от мечей и кинжалов напавших на вас ублюдков. Он герой! Клянусь, этот даханавар дрался как безумный лев и даже успел убить парочку головорезов, защищая ваши жизни! Я нашел его, когда он был почти мертв, но успел услышать, как он просит меня помочь вам обоим. Я говорил ему, что тебе, Илая, уже не помочь, что ты мертвее мертвого, но он не позволил мне оставить тебя. Мои люди догнали аль-Мумина, и его подельников и эти мерзавцы поплатились жизнями за свое вероломство. А потом я привез вас с Шамилем сюда, к себе домой, и почтенный Клаус Бальтазари смог вернуть к вас к жизни.

— Выходит я...., мы обязаны вам жизнью, господу? — Илая был невероятно смущен услышанным. — Прошу простить меня за эту вспышку эмоций, но, знаете ли, не каждый день мне сообщают, что я умер.

— Все что ты услышал, Илая, абсолютная правда. — Шамиль прямо смотрел юноше в глаза. — Ты был мертв, но был оживлен Ихором Первородного. Это особая магическая субстанция, которой мне удалось тебя напоить прежде, чем твоя душа навсегда покинула тело.

— Ихор Первородного? — Бальтазари, Илая и ибн-Тахт задали этот вопрос одновременно.

Илая с удивлением человека в жизни, не слышавшего о подобном, ибн-Тахт с

недоверием, Клаус Бальтазари с неподдельным восторженным удивлением человека услышавшего, что сказка является былью. В комнате поднялся невероятный шум, присутствующие наперебой задавали даханавару вопросы, требовали объяснений, выражали недоверие. Заверив каждого из присутствующих в гостиной, что ответит своим рассказом на большинство их вопросов, Шамиль предложил говорить.

— Я знаю для большинства из живущих на свете Ихор Первородного это не более чем древний миф, но он действительно существует. Все это время небольшое количество этого чудеснейшего средства я носил с собой. — Шамиль отодвинул ворот рубахи и извлек небольшой плоский флакончик из орихалка на длинной стальной цепи.

— Не может быть! Вы позволите? — Клаус Бальтазари протянул руку к флакону, он был похож на голодного кота, увидевшего миску свежих сливок.

— Боюсь он совершенно пуст. — с сожалением ответил даханавар и отдал волшебнику флакон.

Старик волшебник открыл флакон, принялся, перевернул его над открытой ладонью потряс и даже заглянул в темное отверстие узкого горлышка, в надежде, что хотя бы капля Ихора там обнаружится. Но увы, как и сказал даханавар, флакон был совершенно пуст. Раздосадовано, покачав головой Бальтазари передал флакон другим желающим его осмотреть.

— В детстве мне бабушка рассказывала легенду о великой битве богов и пролитой божественной крови. В этой легенде говорилось, что эта кровь стала частью волшебного зелья, выпив которого человек получал такую силу и власть и мог стать повелителем мира. Она называла это Ихором Первородного. — задумчиво сжимая в своих огромных ладонях флакон проговорил Ибрагим ибн-Тахт.

— Это всего лишь легенда, но в ней есть зерно правды. — согласился Шамиль.

— Ихор Первородного — магическая субстанция способная вернуть к жизни человека, стоящего на краю абсолютной смерти. Вернуть к жизни навсегда изменив эту самую жизнь. Эта субстанция меняет саму природу вещей оборачивая смерть жизнью, а человека — даханаваром. — после этих слов в комнате повисла гнетущая тишина.

— Так, так значит я теперь даханавар? — растерянно прошептал Илая.

— Не все так просто, друг мой, принятие Ихора — это только первая часть ритуала. Ты теперь тот, кого даханавары называют воспитанник — младший брат. Ихор действительно содержит часть божественной крови и выпив его ты стал мне братом. Братом по крови, Илая. Но тебе необходимо закончить ритуал обращения, и я сейчас расскажу почему с этим нельзя затягивать. Все дело было в природе Ихора Первородного. Когда человек, желающий стать даханаваром проходит испытание и выпивает Ихор, то есть всего три варианта развития событий. — Шамиль поднял ладонь, сжатую в кулак, и начал перечислять возможности отгибая по одному из пальцев на каждую из них.

— Первый и наиболее распространенный — испытываемый тотчас умирает от отравления Ихором, потому что его тело не способно принять эту субстанцию. Второй — примерно около одной четвертой части претендентов все же выживает после испытания. Однако некоторые из них умирают в первые дни, не перенеся начавшейся горячки. Если жар спадает, и испытываемый приходит в себя, считается, что его организм принял Ихор и вступил в симбиотическую связь с ним. Так на свет и появляются новые даханавары-воспитанники. Однако этого мало и что бы закончить мутацию необходимо время. Старшие братья даханавары помогают новичку освоиться в новом теле, научиться им управлять, а также

обучают владеть оружием, читать следы, разбираться в природе существ, на которых предстоит охотиться новоиспеченному даханавару в будущем. Но самое главное новичку необходимо пройти последнюю ступень посвящения, таинство, позволявшее даханавару оставаться человеком. Этот ритуал называется Овладение Ихором. Его обязательно пройти каждому воспитаннику не позднее месяца после обращения, иначе природа Ихора возьмет верх и сотрет в даханаваре все человеческие черты. Ихор превратит воспитанника в ужасного кровавого монстра. Я и сам был свидетелем того, как моим братьям приходилось убивать тех, кто не прошел последний ритуал. Это было больно, ведь за этот месяц мы успевали привязаться к воспитаннику, в надежде обрести нового брата по крови, а приходилось лишать его жизни. Но такова цена этого дара. — Шамиль перевел дух и продолжил.

— И есть третий путь — путь Магистра. После прохождения ритуала Овладения Ихором, только считанные единицы подчиняют себе субстанцию настолько, что получают божественный дар магии, заложенный в ее природе. За всю историю братства такое случалось только двенадцать раз. Сейчас на всем белом свете нет ни одного Магистра даханавара.

— И что теперь, как мне закончить это, как пройти ритуал? — Илае было страшно и волнительно от услышанного. Вряд ли он представлял, что его знакомство с даханаваром может обернуться чем-либо подобным и уж тем более он совершенно не желал превратиться в монстра.

— Единственный способ — это отправится в Атласские горы, пересечь ущелье Ревущих Ветров и попасть в башню братства. Именно там братья помогут тебе пройти последнюю часть посвящения. Так что тебе придется поспешить, путь туда не близкий. — ответил Шамиль.

— Я не понимаю тебя Шамиль, разве мы не поедem туда вместе? Я думал, что ты немного окрепнешь и мы сможем отправиться в путь.

— Нет брат мой, прости. Я не могу поехать с тобой, мои дни сочтены. — снисходительно и по-доброму даханавар пытался успокоить юношу.

— Мне более трех сотен лет, даже по меркам даханаваров я прожил слишком долго. Ты, Илая, — подарок судьбы, спасение и надежда нашего братства на будущее. Свет жизни, который я увидел в тебе еще тогда, когда мы столкнулись в каналах под городом, порастил меня своей яркостью. Этот свет подсказал мне, что я должен попытаться предложить тебе стать даханаваром, это дар, который встречается очень редко. Даханаваром может стать только человек с особым огнем жизни, только чистая пламенная и бесстрашная душа. Вот почему я не мог позволить тебе погибнуть ни тогда, не после, ни сейчас. — увидев, что Илая вновь готов спорить с ним, даханавар сделал жест, призывающий юношу к молчанию.

— Многие считают, что необходимость в самом существовании даханаваров медленно исчезает. Прошло то время, когда леса, болота, горы и ночные дороги кишели разными опасными магическими тварями. Когда люди в страхе на закате запирали двери и окна, и тихо дрожали под одеялами до самого расцвета, вслушиваясь в вой и крики монстров, таящихся в ночи. Прошло время жутких магов некромантов, магических моровых поветрий и мертвых армий. Уходит время и для нашего славного братства. Да! Нынешние монстры надо признать порядком измельчали, часто случается, что в деревнях хватает четверых дюжих мужиков и пары осиновых кольев, чтобы успокоить загулявшего упыря раз и навеки. Вот еще и святоши из храмов Благодатной Девы с похвальбой берутся за изгнание рыдающих баньши

из опустевших после смерти их хозяев домом. Правда, я подозреваю, что баньши с их безупречным музыкальным слухом скорее сбегают от ужасных певческих талантов святош, а вовсе не от их мастерства экзорцистов. Но зачастую, друзья мои, если в городе появлялся даханавар, люди, привыкшие действовать по старинке, предпочитают заплатить ему и навсегда избавиться от донимающей их твари. Так что я все еще верю в то, что мы нужны людям. Нужны, пока не упокоится последний упырь, пока не развоплотится последний буйный дух, пока наш меч не проткнет последнего трупоеда! — пламенная речь совсем истощила силы Шамиля, и он зашелся в тяжелом, разрывающем грудную клетку кашле. Старик волшебник поспешил подать даханавару чашу с укрепляющим его силы зельем, но тот отвел ее, не желая принимать.

Никаких более возражений и вопросов, господин волшебник, я знаю, что многим обязан нашему гостеприимному хозяину и вам. Я знаю, что только благодаря вашему искусству врачевания мне было суждено увидеть этот день, но я, зная, я чувствую, как этот осколок уже совсем близко. Сейчас он разрывает мои легкие стремясь к сердцу, и я вряд ли увижу рассвет нового дня. — даханавар перевел дух, говорить ему было тяжело. — Завтра, завтра, когда Илая придет в себя окончательно, он должен отправиться в путь. И я прошу вас господин ибн-Тахт, выполните мою последнюю волю, отрядите одного из своих верных людей, что бы он мог сопровождать моего брата в пути. Увы, я уже не успею его обучить, как защитить себя на беспокойных дорогах страны.

Ибрагим ибн-Тахт молча кивнул, в его глазах стояли горечь и понимание. Шамиль Тень прощался. Поднявшись на встречу Илае, даханавар заключил юношу в объятия.

— Илая, брат мой, будь достоин того дара, что я сделал тебе. Прости меня за все те невзгоды и лишения, на которые я обрек тебя этим, но пусть то, что произошло будет не напрасно. Прощай, брат мой!

Повернувшись ко всем присутствующим в гостиной, Шамиль отвесил изысканный глубокий поклон и произнес.

— Прощайте господа, для меня было честью быть вашим другом!

И ослепительно улыбнувшись Шамиль вышел из комнаты. Славный даханавар навсегда покинул своих друзей.

2.

Сборы Илаи в дорогу не заняли много времени. Ибрагим ибн-Тахт не поскупился ни на хорошую лошадь, ни на полные припасов седельные сумки. К тому же, скоро должен был приехать человек, которому Ибрагим доверил сопровождать Илаю. Юноша, собираясь в дорогу, поднялся в комнату Шамиля. Там он обнаружил вещи даханавара, его меч и два письма. Одно из них было адресовано Илае, другое неизвестному по имени Амбросиус Левша. В письме к Илае Шамиль оставил подробные указания, как тому быстрее всего добраться до Атласских гор, и как найти дорогу к самому замку братства. К письму прилагалась подробная карта. Даханавар, в своем письме, советовал по приезду в замок обратиться к даханавару по имени Амбросиус Левша. Илае следовало передать тому письмо с рекомендациями, которое Шамиль предупредительно написал заранее. В своем письме он просил Илаю доверять Амбросиусу, как своему новому наставнику во всем, как мог бы доверять юноша самому Шамилю. Из вещей в наследство юноше досталось не так уж и много. Почти все это богатство, за исключением отличного меча, которым Илая пока еще не умел пользоваться, помещалось в ту самую поясную сумку, с которой Шамиль никогда прежде не расставался.

Куда пропал даханавар после прощальной речи в гостиной не знал никто. Слуги якобы видели, как он поднялся в свою комнату, запер дверь на ключ изнутри, и больше ее в тот вечер не покидал. Поутру на стук в дверь и призывы открыть из покоев даханавара не донеслось ни звука. Дверь, по настоянию ибн-Тахта, открыли запасным ключом, ожидая встретить печальную картину, но в комнате не обнаружилось ни самого даханавара, ни его тела. Даже застеленная стеганным покрывалом кровать не была примята. Шамиль будто бы испарился из запертой комнаты. Глядя на это, Клаус Бальтазари, глубокомысленно почесав свой пышный седой затылок, сделал предположение, что видимо, даханавары как кошки, предпочитают умирать в одиночестве и подальше от тех, кто им дорог. В доме пушгийца поселилась печаль.

Ибрагим было грустно от того, что Шамиля столь скоропостижно не стало, Илая уезжает далеко и еще не известно, как закончится его путешествие, а волшебник Бальтазари вновь собирался вернуться в свою подземную лабораторию. Ибн-Тахт признался себе в том, что успел привязаться к каждому из их странной разношерстой компании. Теперь же он оставался наедине со своей, еще не совсем окрепшей после всего случившегося, невестой Айнур. Девушка медленно приходила в себя и была похожа на малого ребенка, нуждавшегося в тепле, опеке и заботе. Ее память несколько пострадала, и бедняжка не помнила всех тех ужасных вещей, которые творила во власти злых чар. Старый волшебник сделал все возможное, чтобы телесные и душевные раны Айнур поскорее затянулись и теперь девушке нужен был только покой.

Айнур была в саду со слугами, следившими за ее самочувствием, она любила гулять вдоль цветущих розовых клумб. Эти прогулки благотворно влияли на ее состояние, о событиях, происходивших в доме пушгийца в последнее время, она конечно же ничего не знала. Ибрагим ибн-Тахт сидел на скамейке под раскидистой вишней и наблюдал за Айнур издалека. Вскоре к нему присоединились Илая и волшебник Бальтазари, с давешней кошкой на руках. Животное было куплено, чтобы развлекать Айнур, но сама кошка явно предпочитала компанию старого чародея.

Бальтазари, что-то с жаром говорил Илае о том, что желал бы получать от него письма с подробными рассказами о прохождении симбиотической мутации в организме юноши. Он убеждал его, что эти знания невероятной, для магической науки, ценности, могли бы послужить огромным подспорьем для понимания фундаментальной сути вещей и прочее, и прочее в том же духе. Илая будто не слышал своего спутника, безучастно кивая головой, на любой вопрос мага.

— Господин Клаус, помилосердствуйте, оставьте мальчика в покое, вы же сами понимаете — ему сейчас не легко. — прервал бесконечный поток наставлений чародея Ибрагим ибн-Тахт. — Присаживайтесь рядом со мной и давайте в тишине насладимся ароматом роз. После вчерашней грозы они посвежели и теперь пахнут просто восхитительно.

Чародей присел рядом с ибн-Тахтом. Илая остался стоять. Он прислонился спиной к стволу вишневого дерева и сосредоточенно стал изучать носки своих ботинок. Ненадолго в саду повисло молчание. Давешний темнокожий слуга прервал его своим появлением, вслед за ним кто-то шел по каменной тропинке.

— Прибыла Сибрис Черный Вереск, господин! — с поклоном объявил темнокожий слуга и получив разрешение удалиться, бесшумно исчез.

— Они у вас тут такие тихие, я никогда не слышу, как один из этих черных слуг

подходит ко мне! — громко прокомментировал Клаус Бальтазари. — Иногда это может сильно напугать. Вы не думали, пришить к их одежде колокольчики, что бы знать, когда они приближаются?

— Нет. — рассмеялся Ибрагим. — Это люди из племени гаута, и они не совсем слуги, в обычном понимании этого слова. Скорее это мои помощники и охрана. Они служат мне и моей семье по доброй воле уже не одно поколение. В каком-то смысле они тоже моя семья. И вы еще не видели, насколько они могут быть незаметны если действительно того захотят, господин чародей.

Волшебник был немного смущен этим ответом, но предпочел промолчать.

К скамейке приблизилась невысокая, атлетически сложенная женщина, затянутая с ног до головы в кожаную одежду цвета марун. Одежда ее была такого глубокого оттенка, что казалось черноты в ней было гораздо больше, чем красного. Двигалась незнакомка с грацией хищника, в любой момент готового к прыжку. Коротко стриженные до высоких скул пышные русые волосы, пронзительные серые глаза, россыпь веснушек по молочно-белой коже. Нижнюю половину лица Сибрис скрывала черная тканевая маска. Женщина поклонилась всем присутствующим по очереди и остановив взгляд своих пронизательных серых глаз на пушгйце произнесла:

— Господин ибн-Тахт, рада новой встрече с вами! Я получила ваше письмо с просьбой прибыть и вот я здесь. Какое дело чрезвычайной важности меня ожидает на этот раз? — голос у нее был приятный, грудной с небольшой, отнюдь не портящей его звучание, хрипотцой.

Что-то подсказало Илае, что именно эта дамочка может стать его спутницей в путешествии к Атласским горам. Такая возможность его несколько смущала, все же находиться под охраной у женщины ему, как взрослому мужчине, было сродни насмешке. Но что он мог сделать?! Отказать ибн-Тахту было бы крайне невежливо, особенно, когда тот полностью взял на себя заботу по подготовке этого путешествия. К идее о том, что девушка может оказаться достойным соратником, Илая относился скептически. Что же придется ехать с этой горе-охранницей в эксцентрично-брутальном костюме цвета спекшейся крови. Возможно, она и сама пожелает отказаться от этого рискованного предприятия, как только узнает, что им предстоит.

В отличие от Илаи, Клаус Бальтазари явно заинтересовался девушкой. Сузив свои подслеповатые глаза, он внимательно ее рассматривал поверх огромных стекол своего пенсне. Девушка старалась игнорировать этот явный интерес старика и сохраняла невозмутимый вид. Пока Ибрагим ибн-Тахт рассказывал ей о сути дела, ради которого он позвал ее сюда, старый маг поднялся, подошел к девушке вплотную и потребовал у нее немедленно показать ему свое лицо. Сибрис явно смутилась и даже немного растеряв самообладание попятилась прочь от наседавшего старика.

— Пусть она откроет свое лицо! — потребовал Бальтазари.

— Разве это так необходимо? — удивился Ибрагим. Но увидев полный решимости взгляд старика, кивнул Сибрис, что бы та сняла маску.

Девушка замешкалась, ее взгляд заметался, но буквально несколько мгновений спустя, она вновь обрела ледяное спокойствие и медленно сняла с лица ткань. Под тканью ничего уродливого или ужасного не оказалось. Милый подбородок с ямочкой и красиво-изогнутые розовые губы.

— Солибриса! Солибриса Бальтазари, что ты здесь делаешь негодная девчонка? Где

твоя роскошная коса? И, ради всех богов, почему ты в таком виде? Разве ты сейчас не должна учиться в Борусской магической академии?! Что ты, черт побери твою глупую мать, тут делаешь, внучка?

Такой взрывоопасной смеси негодования, возмущения и праведного гнева, которыми был охвачен старый волшебник, от него маленького, сухенького и в общем безобидного старика, никто из присутствующих не ожидал. Маг будто стал выше ростом, его глаза стали темными от гнева, а с кончиков седых усов и волос сыпались голубые искры. Даже абсолютно невозмутимая кошка, прежде сидевшая у ног старика, предпочла спешно исчезнуть в ближайшем розовом кусте. Кошка явно понимала, что злить волшебников, себе дороже!

— Ну дед, прошу тебя не драматизируй! — устало произнесла девушка. — Ты же отлично знаешь, что вся эта магическая наука — это совершенно не мое. Это же просто скука смертная!

— Смертная скука! Смертная скука! — негодовал старик. — Вы только посмотрите на нее! У этой негодницы дар, да если бы она его развивала, то могла бы прославить имя нашего рода. Бальгазари! А так что? Вот скажите мне, господа хорошие, что плохого что бы стать магией?! Что плохого что бы достойно следовать по стопам деда и прадеда?!

— Дед, ну прошу тебя, не шуми! Ты меня позоришь! — Сибрис попыталась обнять своего расстроенного родственника. Но куда там!

— Ну и кто ты теперь? Что это вообще за имя такое Сибрис Черный Вереск? Тебя как мать назвала? Солибриса! А это что, тьфу!

— Господин Бальгазари, Сибрис, то есть ваша внучка Солибриса, лучшая фехтовальщица и лучница этой страны, она отличный боец! Эта храбрая девушка не один раз доказывала, что лучшего воина-наемника среди женщин, а также некоторых мужчин, просто не найти! Это именно она с командой моих воинов расправилась с аль-Мумином. Я горжусь тем, что однажды она согласилась принять мое предложение о службе. Её прозвище Черный Вереск связано с подвигом. Ваша внучка самоотверженно, в одиночку, расправилась с полудюжиной отпетых грабителей-головорезов, защищая мою и свою жизни на вересковых пустошах. Их крови было так много, что, свернувшись, она окрасила землю в цвет ночи, а эта невероятная победа принесла Сибрис её боевое имя.

— Что?! Так ты что же теперь — девочка-головорез? О горе мне, горе! — причитал Бальгазари, будто не слыша слов Ибрагима. — Во всем виновата твоя мать! Вот если бы она не влюбилась, как последняя дура и не сбежала с тем рыцарем...

— Тогда бы не родилась я дед. — примирительно сказала Сибрис. — Я горжусь тем, что я дочь рыцаря Анхельмо Сервеза, лучшего мечника юга и лучшего отца на свете. И я горжусь моей матерью, женщиной с самым нежным и любящим сердцем на свете. И я горжусь тобой дед, самым великим и мудрым волшебником, которого я только встречала — Клаусом Непревзойденным Бальгазари! — с жаром она заключила деда в объятия и поцеловала старика в седую макушку.

— А вот мне не чем гордится. — буркнул, утихомириваясь волшебник. — Ну и почему ты не в Академии, а?

— Прости дед, но мне больше нечего там делать. — девушка помрачнела. — Я выгорела, потеряла свой дар. — сказала она едва слышно.

— Как? Но как это случилось? И почему я узнаю об этом только сейчас? Ты должна была сразу приехать ко мне, я бы что-то придумал, мы бы вместе вернули тебе дар. Я бы

помог!

— Нет, прошу тебя не задавай мне более вопросов. Просто знай я должна была использовать заклинание, к которому была еще не готова. Не для себя, это был вопрос жизни и смерти для других, дорогих мне людей, и я сделала свой выбор. Так было надо. Я совсем не жалею об этом. Без дара мне стало даже легче. Просто сложно совмещать в себе мага и авантюриста, ты уж, пойми, дед!

— Глупая девчонка, всегда ты влипаешь в неприятности! Ну, слава богам, ты жива! Ты же знаешь, что дело могло не ограничиться выгоранием дара, заклинание, превышающее твой уровень способностей, могло сжечь твой мозг или размазать по стенам, как паштет по хлебу. Однако же, как жаль, что ты потеряла дар! Это просто непростительно!

Илая и Ибрагим ибн-Тахт ставшие свидетелями этой семейной сцены и предпочли не вмешиваться в диалог деда и внучки.

— Простите мне, что я вспылал, господин ибн-Тахт, но это все же моя внучка. — гнев Бальтазари уже несколько поостыл.

— Если вы только попросите, уважаемый господин чародей, я могу заменить Сибрис на кого-нибудь другого, кто мог бы сопровождать Илаю.

Илая замер в надежде, что маг согласится. Сибрис же наоборот нахмурилась и сердито уставилась на деда, протестуя всем своим видом против подобного решения. Но старый волшебник немного подумал, поправил на длинном носу пенсне и сказал:

— О нет, нет, нет! Я думаю, не стоит, что-либо менять, только из-за моего мнения. Если Сибрис, — он сделал упор на укороченном имени внучки, — согласна принять ваше предложение, то я не намерен ей мешать. Пусть это путешествие послужит ей испытанием, если она его провалит, то вернется в Академию в Боруссе, а если справится, что же... Стало быть она уже довольно взрослая молодая леди, чтобы самой распоряжаться своей жизнью.

Пуштиец согласился с волшебником. Он представил Сибрис Илае и откланялся, сославшись на то, что ему необходимо вернуться к делам. Ибн-Тахт поспешил увести в дом, вдоволь нагулявшуюся среди клумб, Айнур. Бальтазари утащил вглубь сада на душевный разговор свою внучку-авантюристку. Илая оставшийся в одиночестве присел на опустевшую лавочку и предался невеселым думам о своей новой судьбе. Ему было страшно. Мысленно он даже ругал себя за свой несносный характер, который постоянно заставляет его влипать в разные переделки. Потом он вспомнил Шамиля. Гнев и грусть нахлынули на него, выдавливая из глаз скупые горячие слезы. Зло смахнув их с лица Илая пнул круглый камешек, выскочивший из своего паза в кладке садовой дорожки. Он резко подскочил со скамьи и направился в дом, чтобы поскорее вернуться в отведенную для него комнату.

Когда все стихло из зарослей розового куста осторожно выскользнула кошка, она запрыгнула на скамейку и принялась активно вылизывать свой бок, приводя шерстку в порядок. Кошке было абсолютно наплевать на те страсти, которые бушевали в людских сердцах. Кошка любила только себя и свой уютный покой.

3

Шел третий день с тех пор, как Илая со своей спутницей покинули Мирцею. Выехав за границу предместья с его невысокими деревянными домишками и фруктовыми садами, они успешно спустились в долину. Справа и слева от дороги, куда не кинь взгляд, простирались поля. Набирали золото колосья пшеницы, вызревали рожь и ячмень, пламенела яркими маками полевая межа. Люцерна кивала в такт ветру желтыми и лиловыми головками, сочно зеленел клевер, полевые ромашки ослепительно сияли своей белизной, наивными голубыми

глазками в чистое небо взирал лён. Дорогу окружали поля и луга, они тянулись до самого горизонта и казалось этому буйному великолепию не будет ни конца ни края.

Мир дышал послеполуденным зноем. Жаркий воздух поднимался от прогретой солнцем земли, он смешивался с одуряющим ароматом полевых трав и цветов, гудел от крыльев сотен тысяч пчел, собиравших сладкий нектар и пыльцу, звенел пронизанный яркими солнечными лучами. Солнце припекало, становилось душно.

Илая достал из седельной сумки флягу, воды в ней было совсем немного, всего на пару глотков, плескавшихся на самом дне. Вода была теплая, имела неприятный затхлый привкус и совершенно не помогала утолить накотившую на юношу жажду. С досадой Илая сплюнул ее на дорогу.

— Что, ты уже все выхлебал? — подначивала его Сибрис, протягивая юноше свою флягу, полную более чем на половину.

— Не понимаю Сибрис, не уже ли тебе не жарко? Солнце палит будто сумасшедшее, а ты похоже даже не вспотела. — высказал свое удивление Илая, и сделал несколько мощных глотков.

— Ах, хорошо-то как! — удовлетворенно выдохнул он, возвращая воду девушке.

— Илая, тебе стоит научиться, более экономно расходовать воду. Открою тебе один секрет, если пить совсем по чуть-чуть, то организм быстрее приспособится к жаре. Когда ты пьешь много воды, то много потеешь, а от этого тебя опять начинает мучить жажда. Выходит, замкнутый круг. — выразила свое мнение Сибрис.

Илая недовольно хмыкнул себе под нос. Сибрис, конечно, была права, но ему было не удобно выглядеть глупым юнцом перед этой девчонкой. А ведь она выглядит ненамного старше его. Илаю бесило то, что во многих вещах Сибрис превосходит его: она лучше держалась в седле, лучше переносила тяготы пути, у нее было почти железное самообладание. Иногда Илае казалось, что отношение Сибрис к нему покровительственное и даже какое-то снисходительное. Юноша пообещал самому себе во что бы-то не стало заслужить уважение своей спутницы. Пока это получалось плохо.

Повисло неловкое молчание. Илая не знал, как продолжить разговор и от этого начал ерзать в седле. Маленькая кусачая мушка, одна из тех, что постоянно вьются вокруг лошадей, уселась юноше на шею сзади. Ее привлекла его вспотевшая под солнцем кожа. Почувствовав, что его больно укусили, Илая прихлопнул насекомое и смачно выругался. На ладони остался кровавый след.

— Слушай, Илая, если ты хочешь, то мы можем остановиться на привал и переждать этот зной где-нибудь в тенишке? — участливо поинтересовалась Сибрис. Она уже поняла, что в отличие от нее самой путешественник из юноши неважный. Хотя чему удивляться, подобное путешествие было для него первым в жизни, да и держался он вполне не плохо для новичка.

— Нет, зачем это? Со мной все в порядке, я не устал, совершенно не устал! — бодрым голосом попытался ответить ей Илая.

— О, я совсем не это имело в виду! Просто лошадям, мне кажется, стоит отдохнуть. — Сибрис склонилась вперед и потрепала свою лошадку по морде. — Моя вот совсем не против немного побыть без седла! — с улыбкой произнесла девушка.

— Ну, возможно, ты права. — согласился Илая. — Давай найдем тень и дадим нашим лошадкам передохнуть.

Сибрис привстала на стременах оглядывая открывшееся перед ними пространство.

Вокруг расстилались одни поля да луга и ни одного деревца.

— Вон там. — она указала вперед. — Видишь, там, на горизонте, темнеет полоска, наверное, это лес или роща. Если поторопимся, сможем добраться туда менее чем за час.

— Отличная идея Сибрис. — поддержал ее Илая. — Тогда давай поспешим.

Илая подстегнул свою неспешно идущую лошадку и направил ее к видневшимся не горизонте деревьям.

Это действительно была густая роща. Освежающая прохлада под кронами ее деревьев остудила разгоряченных быстрой ездой путников.

— Пожалуй, нам стоит остановиться, вон на той поляне. Что скажешь, Сибрис? — Илая указал на прогалину, виднеющуюся среди деревьев. Он уже спешил и теперь вел свою лошадь по тропинке к поляне.

— Отлично. Здесь и остановимся. — Сибрис тоже спрыгнула со своей лошади взяла ее под уздцы и провела вслед. Когда они вышли на поляну, она передала поводья своей лошади Илае. Взяв из поклажи фляги для воды Сибрис сказала:

— Давай, ты пока позаботишься о наших лошадках, а я тут немного осмотрюсь, попробую отыскать какой-нибудь источник и пополню наши запасы воды.

Илая не возражал. Он расседлал лошадей, сняв поклажу и седла, отер пот с их боков и оставил пастись на сочной траве лужайки. Пока Сибрис отсутствовала, Илая не терял времени понапрасну, он занялся сбором хвороста и дров, чтобы распалить костер, благо сухих веток вокруг этой поляны было предостаточно. Когда пламя костра разгорелось Илая присел на землю возле огня и стал дожидаться девушку. Под деревьями было тихо, жара сморила всю мелкую живность, обитавшую в роще. Давящий зной проникал даже сюда, под пушистые зеленые ветви. Илая посмотрел на небо, оно стало блекло-серым от набежавших невесть откуда облаков. Похоже будет гроза, подумал юноша. Тут будто в подтверждение его мыслей прозвучал отдаленный раскат грома. Из-за деревьев появилась девичья фигурка, одетая в кожу. Сибрис.

— Похоже мы вовремя сюда добрались. Эти облака предвещают дождь. — Илая поднялся навстречу девушке. — Ну как твои поиски, удачно?

Сибрис утвердительно кивнула.

— О, да ты уже и костер разжег? — девушка одобрительно кивнула, взглянув на веселые язычки пламени, и продолжила — Там внизу есть овраг, по его дну течет неглубокий ручей. Я немного прошла вниз по течению, похоже, что ручей питает небольшое озеро. Ну как озеро, скорее это уже болото. Там я собрала немного этих ягод.

Сибрис протянула Илае платок, в котором была горсть упругих и сочных темно-синих и ярко-красных ягод.

— Ух ты, водяника и морошка! — радостно воскликнул Илая. Он взял немного ягод из платка и попытался вернуть его Сибрис, но та покачала головой в знак отказа.

— Я уже достаточно полакомилась пока их собирала. — пояснила она.

В этот момент прямо над их головами прогремел оглушительный раскат грома. Молния ударила в одно из соседних с поляной деревьев расколов его почти пополам. Ломая ветки, отколовшаяся от ствола часть упала на поляну, прямо в костер. Из взорвавшегося костра во все стороны полетели горящие ветки и угли. Одна из пламенеющих веток едва не задела Сибрис, стоявшую слишком близко к месту ее падения. Лошади, привязанные к дереву на противоположной стороне поляну, испуганно заржали и поднялись на дыбы. Илая среагировал мгновенно. Он как пружина подскочил со своего места, и, в прыжке, оттолкнул

Сибрис, подалее от грозившей ей опасности. Они приземлились в двух метрах от того места, где находились прежде. Густая сочная трава и сложенные прежде на ней Илаей вещи смягчили их падение. Оказавшись в объятьях Илаи, Сибрис удивленно и не понимающе смотрела то на лицо юноши, то на огромную горящую ветку, которая чуть не зашибла ее. Придя в себя, она тяжело сглотнула и тихо произнесла.

— Спасибо.

Илая разжал объятия, выпустив Сибрис не волю, и взволновано спросил девушку.

— Ты не ушиблась? — Сибрис уже поднималась на ноги.

— Похоже нет. А у тебя все кости на месте? — она подала Илае руку, что бы тот тоже мог подняться. Илая утвердительно кивнул.

— Нам нужно отвязать и успокоить лошадей. «Не хочу, чтобы они себя покалечили», — деловито произнесла Сибрис. Видимо она уже совершенно оправилась от пережитого шока.

— Я это сделаю. А ты собери пока наши вещи. — ответил Илая и направился к бьющим копытами испуганным животным. Сибрис не стала возражать и принялась собирать разбросанные их внезапным приземлением сумки. В одной из них что-то треснуло — темное пятно медленно проступало на грубой, холщовой ткани. Сибрис заглянула внутрь — это была глиняная бутылка вина, заботливо уложенная туда её дедом. Девушка тихо выругалась, выбрасывая бесполезные теперь черепки.

Начался дождь. Это был настоящий ливень. Мощные струи воды сбили большую часть пламени, полыхавшего в центре поляны и теперь то тут, то там начали образовываться широкие лужи. Сибрис перенесла вещи к успокоенным Илаей лошадям.

— Нам нужно уходить отсюда, куда-нибудь, где будет более сухо. — сказал Илая.

— Я видела небольшую пещеру или каменный навес у холма над болотцем. Мы могли бы добраться туда, спустившись вдоль ручья. — она посмотрела на потоки воды, хлещущие с неба. — Предлагаю переждать этот ливень внутри, возможно нам даже придется там заночевать.

Навьючив лошадей и осторожно спустившись с ними к ручью, путешественники проследовали к болотистому озеру. Здесь деревья росли намного гуще и дождь почти не проникал сквозь их кроны.

Это действительно оказалась пещера. Она была не большая, как раз что бы приютить двух уставших путников. Пол, стены и потолок — камни и сухая глинистая земля, да вьющиеся по стенам корни деревьев и трав, проросших внутрь. В дальней ее части, под сухой травой и прошлогодними палыми листьями, нашлись раздробленные, старые кости мелких животных. Прежде это было логово какого-то хищника, теперь оно пустовало.

Привязав лошадей не далеко от входа под густыми кронами лиственниц, росших у подножья холма, Илая и Сибрис вновь собрали хворост, и разожгли костер. Что бы дым не шел внутрь, костер они расположили у входа. Сибрис достала промокшие о вина сухари из сумки и разделила их с Илаей. Монотонно стучал по листьям деревьев дождь, было сыро, но костер согревал их, не позволяя окончательно продрогнуть. Сибрис греясь вытянула ладони к огню и произнесла.

— Знаешь, а у тебя хорошая реакция. Это могло бы тебе очень пригодиться в бою. — она кивнула подбородком в сторону, покоящегося на сложенном плаще, меча. — Умеешь? — коротко спросила девушка.

— Нет. — Илая смутился, признавать, что он таскает оружие, которым не умеет пользоваться, было неудобно. Это заставило юношу покраснеть.

— Это не мой меч, — попытался объяснить Илая, — он достался мне по наследству, от даханавара по имени Шамиль Тень. Тот как-то раз спас мне жизнь и стал моим другом.

— Да, дед немного рассказал мне о нем и о тебе.

— Правда?

— Ага. Я правда мало что поняла, из его рассказа, но похоже теперь даханавар — это ты?

— Я бы так не сказал. — угрюмо ответил Илая. — Какой из меня даханавар, ведь я почти ничего о них не знаю. У меня нет ни навыков, ни специальных знаний, да я всяких монстров-то боюсь до одури!

— Ну я тоже их не сильно люблю. — со смехом ответила Сибрис. — А на счет меча, я думаю, что могла бы тебя немного научить. Пока мы доберемся до гор пройдет немало времени, можно провести его с пользой. Согласен?

— Конечно! Думаю, это хорошая идея. — согласился Илая, его взгляд скользнул по мечу в ножнах. Теперь это оружие не будет бесполезной железякой, которую юноше отныне приходилось везде за собой таскать. Илая улыбнулся.

— Но у меня есть условие! — хитро улыбнувшись сказала Сибрис.

— Какое еще условие? — удивился юноша.

— Когда мы в походе — еду готовишь ты! — выпалила девушка. — Терпеть не могу кухарить. — заговорщицки призналась она. — К тому же, у тебя выходит намного вкуснее.

Илая согласился. Ему было приятно узнать, что Сибрис хоть в чем-то ему проигрывает. Пускай это будет обычная похлебка, но она сама признала его мастерство. Готовила Сибрис действительно посредственно.

Стемнело. Дождь так и не прекращался, но все же начал понемногу стихать. Лошади тихо фыркали в темноте, теперь их уже ничего не пугало. Илая вызвался первым караулить их сон, Сибрис не возражала, попросив разбудить ее после полуночи. Она подкинула дров в костер и отправилась спать. Девушка завернулась в тонкое шерстяное одеяло, которое извлекла из поклажи, и вскоре уже тихонько сопела.

Илая все еще сидел у костра. Он размышлял о своем будущем. Меч даханавара, а теперь уже его меч, лежал у него на коленях. Илая извлек его из кожаных тесненных ножен и стал рассматривать как оранжевые блики от костра струятся по серебристой стали клинка. Черенок меча был оплетен мягкой кожаной лентой темно коричневого цвета. Навершие, гарда и рикассо покрыты серебром. В центре навершия с обеих сторон и на рикассо было единственное украшение меча — в серебристом металле был выгравирован знак черного солнца. Круг с тринадцатью черными языками пламени и руной внутри, похожей на серп с крестовиной. Отличительный знак братства даханаваров, теперь и его — Илаи, тоже.

Монотонный звук капель снаружи, потрескивание веток в огне, завораживающий блеск стали в руках юноши, все это так расслабляло. В мыслях у юноши было еще немного посидеть у костра и посторожить сон Сибрис, но сам того, не замечая Илая начал клевать носом. Возможно, свою роль сыграло крепкое вино, пропитавшее сухари? Возможно, измотавшая его дневная жара? Как бы то ни было, Илая задремал.

Над заболоченным озером стал подниматься белесый туман. Когда он сгустился почти до молочно-белого цвета, его сырые щупальца медленно извиваясь потянулись к холму. Будто живой, туман все ближе и ближе подползал к пещере, где заночевали одинокие путники.

Илая проснулся от ощущения дикого холода, пробравшего его до костей. Костер прогорел и только маленькие красные вспышки в остывающих углях мерцали в ночной мгле. Илая обернулся, чтобы разбудить Сибрис. Что за черт?! Неужели пока он спал одно из поленьев выстрелило и теперь там, где спала девушка, тоже тлели два маленьких красных уголька? Пытаясь, избавиться от сонной одури, Илая встряхнул головой. Поднявшись, насколько позволяла высота пещеры, Илая двинулся вглубь. Красные точки у изголовья импровизированного ложа Сибрис недобро мигнули. Нет, это не угольки, это глаза. Илая напрягся и замер, рукоять меча больно врезалась в крепко сжатую ладонь юноши. К счастью, он не выпустил оружие из рук, пока спал. Что же это такое? Может быть какой-нибудь зверь, пробравшийся в пещеру пока, они с девушкой спали? Опасен ли он? Что с Сибрис? Должен ли Илая разбудить девушку, или же это спровоцирует нападение на нее ночного гостя? Тысяча и одна мысль лихорадочно бились в его голове. Все эти вопросы были сметены в один единственный миг. Догоравшая в почти потухшем костре головешка вдруг вспыхнула, озарив все пространство пещеры ярким золотистым светом. И тут юноша увидел того, кому принадлежали эти глаза.

Невысокое, ростом едва достающее до бедра взрослого человека, мохнатое и красноглазое создание склонилось над спящей девушкой. У этого существа было худое удлинённое тело, покрытое редкой и клочковатой бурой шерстью. По бокам из этого тела вырастали четыре костлявые когтистые конечности. Вытянутая как у собаки морда переходила в тонкий хоботок, который сейчас присосался к незащищенному горлу Сибрис. Маленькие красные глазки существа злобно горели, неотрывно следя за перемещением Илай. На голове существа стояли торчком острые кожистые уши. Илае хватило этого краткого мига, чтобы принять решение и ринутся вперед, целясь острием меча прямо между горящих ненавистью красных глаз. Мрак вновь поглотил пещеру, но стремительный порыв юноши не был напрасен. Мерзкое создание оторвалось от трапезы и метнулось прочь в противоположный угол пещеры. Оно недовольно застрекотало в темноте. Илая понял, что все же, несмотря на свою почти полную слепоту, задел чудовище, когда увидел, что в темноте на полу пещеры стали появляться слабо светящиеся пятна и следы. Кровь ночного гостя светилась в темноте, подобно гнилушке. Это существенно облегчало задачу юноше. Илая постарался занять такую позицию, что бы тело Сибрис оказалось у него за спиной. Прикрывая подругу, Илая приготовился к нападению и не напрасно. Раненая тварь стала медленно перемещаться из угла пещеры к выходу, однако она совсем не собиралась покинуть поле битвы. Издавая стрекочущий звук, она призывала на помощь своих собратьев. Вскоре ей ответили десятки стрекочущих глоток. Из белесого тумана, окутавшего выход из пещеры-западни, стали появляться все новые и новые красноглазые бестии. Подобно стае волков, загнавших свою жертву в западню, они медленно проскальзывали в пещеру, присоединяясь к раненому сотоварищу. Когти тварей в пещере собралось около десятка, их стрекотание вдруг стихло. Стихли те их собратья, которые пока оставались вне пещеры, блестя голодными глазами из густого тумана. Илая понял, сейчас они нападут. Так и случилось.

Раненая тварь прыгнула первой. Она тянула к юноше свои скрюченные когтистые лапы, желая вцепиться в его одежду и волосы, но была рассечена на двое в полёте. Острейший клинок меча отправил бестию в преисподнюю. Мерцающая во тьме кровь окрасила меч, стены и потолок, пещеры, упала на шкуры сотоварищей твари, делая их видимыми для Илай. Они напали на него всем скопом, взбешенные смертью своей предводительницы. Илая

рубил, колол, отбрасывал тварей пинками. Меч, обогранный в их крови, будто горел прозрачным пламенем, позволяя юноше хоть немного видеть во тьме. Илая косил тварей этим мечом, как скашивал в далеком детстве найденной палкой высокую, жгучую крапиву. Острый клинок, без труда рассекал хрупкие тельца тварей, разрубал их тонкие кости, отсекал жадно тянущиеся к врагу лапы и хоботки. Крови в них было много, разрубленные мечом твари, взрывались, как гнилые пузыри с тухлой водой. Вскоре почти вся пещера от потолка до пола была забрызгана их дурно пахнущей водянистой кровью. Илая тоже был в этой жиже с ног до головы. Как он не старался, в пещеру лезли новые и новые бестии. Благо за один раз внутрь проникало не больше десятка, но и этого было предостаточно. Илая чувствовал, как немеют от постоянного вращения и рубящих ударов кисти. От вездесущей крови существ, пальцы рук были предательски скользкими. Илая боялся, что тяжелый меч выскочит из его рук и тогда ему и Сибрис наступит конец. Он старался удержаться на ногах при каждом глубоком выпаде, но вот под сапог попалась чья-то отрубленная скользкая клешня. Илая почувствовал как почва уходит из-под ног, увидел как тварь, которой он только что отрубил хобот летит на него, сверкая алым убийственным взглядом, почувствовал как еще одна добралась до его ноги и пытается ползти по ней вверх. Юноша выставил перед собой меч, в последней попытке защитится и крепко зажмурил глаза. Мерзкая кровь обограла его, верный клинок рассек нападавшую бестию пополам. По коже щеки скользнула мокрая шерсть разрубленной плоти чудовища, она смачно плюхнулась возле самого уха Илай, издав мерзкий чавкающий звук. От вони тварей и горечи их тухлой крови, просочившейся сквозь сомкнутые губы, к горлу Илай подкатила желчь. Сплевывая и отряхиваясь, он постарался отползти к Сибрис, чтобы хоть немного прикрыть ее собой от нападающих со всех сторон тварей. Но никто больше не напал. Даже та мохнатая бестия, которая хотела заползти по его ноге, сейчас валялась рядом похожая на грязный старый мешок из козлиной шкуры.

Илая протер глаза, пытаясь их очистить. За его спиной едва слышно дышала Сибрис, а на входе пещеры кто-то стоял. Кто-то слишком высокий и худой, чтобы быть одним из напавших ранее чудовищ.

— Кто-бы ты ни был, не подходи! — закричал Илая, когда фигура сделала шаг внутрь пещеры.

— Это не очень-то вежливо звучит из уст того, кого я только, что спасла от пелли! — обиженно произнес глухой голос.

Было плохо видно, кровь лохматых существ начала тускнеть остывая, но Илая все же разглядел гостя, точнее гостью.

Высокая худая старуха, с длинными редкими седыми пасмами на почти лысой голове, кокетливо украшенной засохшим венком из травы и цветов. Она была одета в такое старое и рваное рубище, что ткань почти не прикрывала ее иссохшее мосластое тело. Старуха опиралась на длинную суковатую палку, служившую ей посохом и с интересом, рассматривала двух выживших людей, лежащих на полу пещеры среди кучи лохматых трупов.

— Так, так, так! — пропела она. — Что тут у нас? Похоже двое путников сбились с дороги и попали в западню расставленную хитрыми пелли.

— Если это твоих рук дело старуха, клянусь, я рассеку тебя пополам, как одного из этих! — Илая воинственно пригрозил гостье, указывая на одного из мертвых пелли.

Он уже поднялся на ноги и теперь, был готов снова защищать себя и свою подругу.

— Я?! Наслала на вас пелли?! — старуха затряслась в приступе немого смеха. Ожерелье, собранное из мелких косточек и позвонков животных, на ее длинной морщинистой шее затряслось в такт сотрясавшему дряхлое тело смеху. Оно издавало тихий мелодичный перестук.

— Идиот! Я спасла вас! — гневного сказала она, резко оборвав смех. — Вы сами залезли в эту нору, находящуюся возле проклятого болота, ставшего логовом сотне голодных пелли. И если бы я вовремя не подросла, к утру от вас не осталось бы и следа. Пелли выпили бы вашу кровь, высосали мозг из ваших костей, а тела утащили бы с собой в омут, чтобы съесть вас, когда болотная вода размягчит ваши мышцы и кости! Ты должен быть благодарен мне мальчишка! А не наставлять на меня эту железяку!

— Ну извини, я не мог знать, что ты на нашей стороне. — примирительно произнес юноша.

— Ты ошибаешься, я не на чьей стороне. Просто я не терплю, когда в моей роще твориться подобное безобразие!

— В твоей роще? — удивленно переспросил Илая. Было несколько неожиданно услышать о том, что эти земли могут принадлежать подобной сумасшедшей оборванке, ведущей себя так будто она была какой-нибудь высокородной леди.

— В моей роще! — старуха утвердительно кивнула. — Зови меня Матушка Иеле. Знай, юноша, я уже была тут еще в те далекие времена, когда эти могучие деревья — она указала рукой позади себя, туда, где из пещеры виднелись пушистые и стройные лиственницы — были еще тоненькими прутиками. Я оберегала их, растила, как родных детей и я буду здесь пока последнее из деревьев не высохнет и не падет прахом на эту землю!

Женщина гордо расправила свои костлявые плечи и величественно приподняла острый подбородок, всем своим видом говоря, что сказанное ею есть неоспоримая истина. Илая не стал с ней спорить. Пусть эта сумасбродная старуха несет любую околесицу, но пока она не стремится навредить ему или Сибрис, он закроет глаза на ее странное поведение.

— Похоже твоей спутнице необходима помощь — сказала старуха. — Эта пещера не лучшее место для вас обоих. Так что, юноша, бери свою подружку на руки и следуй за мной. — она развернулась и пошла прочь из пещеры, абсолютно уверенная в том, что Илая последует ее совету.

— Да, и за лошадей и свои вещи не беспокойся, — добавила карга, — я наведу на них охранные чары и никто, и ничто не сможет навредить им.

Илая не мог объяснить почему, но этой женщине он поверил на слово. К тому же, проходя мимо лошадей со спящей Сибрис на руках, он и сам убедился, что напавшие этой ночью твари не причинили вреда животным.

— Пелли не трогают лошадей — пояснила старуха, будто читая мысли Илаи, пока они шли вдоль ночного болота. — потому что считают водяных лошадей — келпи своими дальними родственниками. А диких зверей отпугнут мои чары.

Сейчас болотце было совершенно спокойно и ничто не напоминало, что из него, совершенно недавно, под покровом тумана вылезали полчища оголодавших монстров.

Обогнув болотистое озерцо, тропинка увела их вверх по склону. Подниматься по ней с ношей на руках было не просто. Однако, старые корни деревьев пересекали тропинку так часто и равномерно, будто специально вылезли из лесной земли, чтобы служить ступенями естественной лестницы, ведущей к вершине холма.

Резво взобравшись на вершину, старуха махнула Илае рукой, требуя, чтобы тот

поторопился. "И откуда столько прыти в этой сушеной вобле?" подумал юноша. На вершине раскинулась прекрасная поляна. Деревья обступили ее, образуя, почти идеальную правильную окружность. В центре поляны, под высоким раскидистым ясенем, примостилась маленькая хижина. Тут и обитала старуха. Она уже стояла на пороге, откинув полог из лосиной шкуры, заменявшей ей дверь, и терпеливо ждала пока Илая занесет Сибрис в ее нехитрый домишко.

Изнутри ее жилище было таким же убогим, как и снаружи: земляной пол укрытый сухой травой, импровизированное ложе из звериных шкур, куда старуха приказала уложить девушку; маленький чадящий очаг из камней обмазанных глиной, в котором горел огонь — единственный источник света в этом жилище. Под потолком были подвешены пучки высушенных трав и корней. В углу хижины были свалены в кучу тряпье, обрывки шкур, черепа зайцев, лис, сов и выбеленные кости животных покрупнее. Возле очага стояла старая деревянная бадья с водой. Старуха набрала в щербатую глиняную плошку воды вытащила из кучи в углу тряпицу почище. Сняв с потолка пучок сушеной травы, женщина направилась к Сибрис. Илая заступил ей дорогу, опасаясь, как бы сумасшедшая карга, не задумала совершить какую-нибудь пакость, способную навредить девушке. Но та решительно оттолкнула его в сторону, присела около Сибрис и, оттянув ворот ее нижней рубахи, не терпящим возражений тоном приказала:

— Смотри!

Илая подался вперед. В неровном свете очага он увидел на коже Сибрис круглое алое пятно, окруженное цепочкой маленьких кровоточащих ранок, вокруг пятна кожа была красной и вспухшей.

— Яд пелли. — пояснила старуха. — если не сделать примочки из яр-травы, кровь разнесет его по всему телу твоей подруги и у нее начнется болотная трясучка, очень неприятная штука, знаешь ли.

Раскрошив сухую траву над плошкой, старуха обмакнула в нее тряпицу и принялась отирать место укуса. Обильно смочив пораженную кожу, она присыпала ее порошком из яр-травы и накрыла ее своими сухими ладонями. Закатив глаза под лоб, так что видны остались только желтоватые белки, старуха что-то забормотала на странном шипящем наречии. Сибрис застонала, но не открыла глаз. Старуха пробормотала, что-то еще, накрыла рану влажным компрессом, и тяжело выдохнув сказала Илае.

— Теперь все позади, твоя подруга проснется завтра утром совершенно здоровой. Тебе юноша тоже не мешает поспать, но только не здесь в хижине. Можешь взять одну из шкур и спать у двери. Я побуду с ней до утра. Можешь не волноваться.

— Спасибо вам Матушка Иеле. Боюсь, я не представился, простите меня за мою неучтивость, меня зовут Илая, а эту девушку Сибрис.

— Мне это известно. — прервала его старуха. — Но для меня ваши имена не имеют никакого значения. — она пожала плечами и отвернулась от юноши уставившись на огонь в очаге, тем самым давая понять, что больше не желает продолжать разговор.

Илае ничего не оставалось как взять из кучи шкуру побольше и выйти из хижины оставив Сибрис и старуху наедине. Завернувшись в затхлую шкуру, так что бы роса и стылый ночной воздух его не донимали, Илая прикрыл глаза и моментально провалился в глубокий крепкий сон.

покраснение прошло. Матушка Иеле обещала, что через дня три от укуса не останется и следа.

Когда Сибрис очнулась в странной лесной хижине, вместо пещеры, она сначала очень растерялась, увидев перед собой не Илаю, а лесную отшельницу. У нее даже проскочила мысль, что ее умыкнула в свою берлогу злая ведьма-людоедка. Но после того, как женщина ей все рассказала, Сибрис успокоилась и горячо поблагодарила Матушку Иеле за то, что та вовремя пришла им на помощь. Старуха захохотала низким смехом и пообещала Сибрис:

— Поверь дорогуша, то, о чем я попрошу твоего друга, будет достойной платой за мою помощь.

Сибрис насторожилась, предчувствуя в словах женщины какой-то скрытый подвох, чем вызвала у той новый приступ смеха.

— О! Нет, нет, — замахала старуха руками, — никаких поцелуев прекрасных принцев, младенцев на ужин и тому подобной чуши, девочка!

Привлеченный звуками разговора, доносящегося из хижины, Илая приподнял полог из шкуры, заменяющий старухе дверь в ее жилище, и поинтересовался:

— Что тут у вас происходит? — он увидел сидящую на шкурах девушку живую и здоровую. — Сибрис, тебе уже лучше, я так рад!

— Входи, входи. — отозвалась Матушка Иеле. — Мы как раз говорили о тебе.

— Илая, эта женщина она, говорит, что мы должны для нее кое-что сделать. — начала Сибрис, но старуха ее оборвала.

— Да, не вы двое. Только твой друг, он съездить в деревню, что по ту сторону холма. Хочу что бы он навестил одного моего старого знакомого и кое-что забрал у него для меня. — сказала она пристально глядя в глаза Илае, но потом снова повернулась к девушке и, то ли шутя, то ли всерьез, произнесла — Ты же видишь дочка, я уже совсем старая, самой мне так далеко не дойти. Да и платью у меня совсем не подходит для выходов в свет. — старуха жеманно пожала сухим плечиком, стыдливо поправляя то рваное тряпьё, которое служило ей одеждой.

— Ну, ты помогла нам, мы поможем тебе. Все честно. — согласился Илая.

— Вот и отлично! — хлопнула в ладоши старуха, улыбаясь щербатым ртом.

— Слушай меня внимательно, сынок и не перебивай! Спустись обратно к болоту и возьми одну из своих лошадей. Потом отправляйся по тропе, которая идет в противоположную от болота сторону. Ты дойдешь до устья ручья, там будет тропинка, она выведет тебя на дорогу. По этой дороге скачи полторы версты на запад, увидишь деревню. На самом краю этой деревни стоит дом с красными ставнями и крыльцом. Взойди на крыльцо и постучи три раза. Выйдет к тебе мужик, он по всей округе знатным кудесником слывет, кличут его Евстахием. Спросит тебя за чем пришел, а ты скажи ему, что хочешь купить у него амулет. Когда он спросит, что за амулет тебе нужен, ты ответишь, что это волчий клык, который он сам на шее носит.

— А он продаст? — поинтересовался Илая, уж больно странная просьба была у этой женщины.

— Нет, конечно! — отмахнулась старуха. — Он ним не расстается никогда. Ни во сне, ни в бане его не снимает.

— Ну тогда как я его получу? Ты уж, прости меня Матушка Иеле, но бить морду человеку, который не причинил мне вреда, да еще и кудеснику, я не стану. Я же не разбойник какой-то!

— Что ты, что ты! Конечно, ты так не сделаешь, как-никак, а почти что без пяти минут даханавар! — она с прищуром взглянула на оторопевшего Илаю.

— Ты и это знаешь?

— Если ты не слеп, как крот или нетопырь, этого сложно не заметить. — отмахнулась старуха. — Знак на твоём мече — знак даханавара, а пользуешься ты им как ..., и говорить не стану, сам знаешь.

— Но я ведь мог его украсть или найти. — но старуха и слушать его не стала.

— Попроси-ка свою подругу, — вместо этого сказала она. — что бы она вытащила меч из ножен, и сам все поймешь.

Илая недоверчиво посмотрел на старуху, потом на Сибрис и сняв перевязь с мечом протянул девушке. Сибрис и сама заинтригованная происходящим взяла меч в руки и попыталась вытащить его из ножен. Но меч к ним будто прирос. Она приложила усилие, но опять ничего не случилось. Сибрис поднялась на ноги, зажала ножны между коленями, приложила все свои силы, однако это не сдвинуло клинок не на дюйм. Меч оставался в своих ножнах. Сибрис решила повторить попытку и даже издала боевой клич, помогая своим напряженным рукам. Меч, не покидая ножен выскочил из захвата коленями, Сибрис от неожиданности полетела обратно на шкуры. Когда ее упругие ягодицы приземлились на землю, наверх пребольно стукнуло девушку прямо посередине лба. Гарантированная шишка, подумал Илая. Красная, с влажными от гневных слез глазами Сибрис силой впихнула непокорный клинок в руки Илаи.

— Не смешно! — обиженно выпалила она, злясь одновременно и на старуху, и на юношу.

— А теперь попробуй сам. — старуха проигнорировала гневные взгляды и пыхтение девушки.

Илая потянул за рукоять и клинок легко обнажился, на добрую ладонь длинною.

— Да ну вас в пекло! — выпалила Сибрис и выскочила из хижины.

— Сибрис! — Илая хотел было последовать за девушкой, но Матушка Иеле его остановила.

— погоди, я еще не закончила. — повелительно произнесла она. — Конечно же Евстахий не захочет расставаться с амулетом, но есть у него одна страсть — кости. Предложи ему сыграть на амулет. Ты ведь умеешь играть в кости, не так ли?

— Конечно умею и весьма неплохо. Так мне надо просто выиграть этот волчий клык?

— погоди, не все так просто. Евстахий не проигрывает в кости — никому и никогда.

— Мухлюет, что ли? Так и я умею!

— И нет и да, я же говорила тебе, кудесник он. — женщина покачала головой, как бы поражаясь недалекости юноши.

— Но, если ты незаметно подменишь его игральные кости на вот эти. — из складок своего рубища она достала два предмета, вырезанных из желтоватой старой кости.

— Это — Кости Справедливости! — заговорщицки прошептала она. — Они очень, и очень особенные. В них выигрывает только тот, кто действительно прав. Возьми их и не потеряй.

Она вложила кости в ладонь юноши и крепко ее сжала.

— А теперь иди. И скажи своей подруге пусть не сердится на меня старую. Скучно тут в лесу, да и чувство юмора у меня явно испортилось. А чего ожидать, когда вокруг одни ели да пелли?! — как бы в свою защиту попыталась объяснить старуха. — Скажи пусть скорее

возвращается, приложим холод, сделаю так, чтобы ее славный лобик шишка не украсила.

Илая вышел из хижины, Сибрис сидела недалеко на пне и ковыряла кинжалом землю, вымещая на ней свое негодование.

— Старая лесная ведьма! — бурчала она себе под нос. — То лечит, то калечит! Вредная карга!

— Сибрис, прости, пожалуйста. Матушка Иеле просила передать, что ей жаль, что так вышло. Она говорит, чтобы ты пришла приложить ко лбу холод, ну, что бы шишка не выросла.

— Пусть она этот холод засунет себе под хвост и шишкой заткнет — еловой! — огрызнулась Сибрис.

— Ладно. Но ты не кипятись, хорошо.

— В деревню едешь? — спросила девушка, потирая ушибленный лоб.

— Угу. Я скоро. Не скучай.

— Какая здесь может быть скука, с такой-то компанией?! — язвительно ответила Сибрис.

Подъезжая к деревне Илая, сразу увидел нужный ему дом. Выкрашенные красной краской ставни на окнах и высокое крыльцо пламенели под ярким утренним солнышком. На красном фоне ставень местный живописец с любовью изобразил круглобокую вазу с белыми и голубыми цветами и двух белых голубей. Окна так же были украшены резными наличниками, окрашенными в белый цвет. Домик кудесника выглядел нарядно, выгодно отличаясь от других домов, стоявших вверх по улице. Илая подумал, что возможно этот Евстахий самый зажиточный обитатель деревни.

Деревня встретила его привычными уху Илаи звуками. По улице бегали босоногие дети весело вопя. Возмущенно гоготали потревоженные этой суетой гуси и утки, вышедшие погулять на улицу. В одном из дворов мычала корова, в ответ ей блеяли козы, и заливисто брехали собаки. Где-то звонко пела женщина. Легкое чувство, подобное грусти о чем-то очень знакомом, но навсегда утраченном, вдруг коснулось сердца юноши, но тут же исчезло.

Илая подъехал к редкозубому деревянному забору, окружавшему дом кудесника. Легко спешившись, юноша закрепил поводья за одну из штакетин, показавшуюся ему более надежной чем другие, и направился к крыльцу. Приблизившись к дому Илая, увидел, что яркая красота дома, так поразившая его издавна, уже нуждается в обновлении. Яркая алая краска потрескалась, а местами даже отслоилась от дерева. Крепкое прежде крыльцо надрывно скрипело под ногами гостя, перила покосились, а некоторые из балясин и вовсе отсутствовали на своих местах. На Илаю вдруг накатило неприятное чувство обманутых ожиданий. Вдруг показалось, что красивый прежде дом отныне принадлежит человеку, который совершенно его не заслуживает.

Илая взялся за металлическое кольцо, служившее дверным молотком, и постучал три раза. Тишина. Илая прислушался, приложив ухо к двери, но не услышал ни звука. Может хозяина нет дома? Юноша уже был готов спуститься с крыльца, чтобы спросить кого-нибудь из ребятишек, резво бегавших туда-сюда по улице. Но в этот момент дверь немного приоткрылась и вместе с ароматом густого перегара из темноты сердито донеслось:

— Кого это с самого утра бесы принесли?! Сказано же, до полудня не принимаю! — затем послышался приступ надсадного кашля, и в открытый проем двери высунулась опухшая красная рожа самого хозяина дома.

Евстахий оказался крупным, кряжистым мужчиной с нечесаной, кудрявой, пшеничного

цвета бородой и шевелюрой. Оглядев с ног до головы Илаю, мужик крикнул и расплылся в улыбке, обнажив крепкие красивые зубы.

— О! Да ты видать не местный! Вот это удача! Заходи, нечего за зря крыльцо-то топтать. — и Евстахий широкой ладонью втолкнул Илаю в плохо освещенное нутро дома. За спиной хлопнула дверь, содрогнувшись от мощного удара об косяк. На столе жалобно тренькнули стеклянные бутылки с крепким вином. Многие из них были уже пустые и валялись под столом.

В доме было душно, пахло разлитым алкоголем, перегаром и потом. Шторы на окнах были плотно задернуты и потому в комнате царил полумрак. Евстахий грузно плюхнулся на лавку возле стола, открыл новую бутылку вина и щедро разлил по двум кружкам.

— Проходи, присаживайся да выпей со мной. — гостеприимно прогудел он Илае. Голос у него был глубокий и низкий. — Рассказывай кто таков, и что тебе от меня надобно.

Мужик в пару глотков ополовинил свою кружку и уставился из-под густых бровей на юношу. Илая поднял кружку и тоже сделал пару глотков, чтобы не рассердить кудесника. Вино, как ни удивительно, было очень приятное, с богатым ягодным вкусом, и весьма дорогое.

— Хорошее вино. — прокомментировал Илая.

— Еще бы! Я бы и не стал пить ту прокисшую мочу, которую подают в нашей деревенской корчме. Я же кудесник, мне это вино из самого города привозят, по два ящика каждый месяц. Почти три серебряных за бутылку. Так сказать, подарок от одного городского купца, которому я смог помочь.

— Похоже ты действительно хорош! — согласился Илая.

— А то! Сделать так, чтобы восьмидесятилетний хрыч молодых девок пахал, как горячий жеребец, это уж поверь не каждый городской маг сможет! — с гордостью пояснил Евстахий.

— Ну а ты, тоже ради этого ко мне явился? Может хочешь удачи, денег или славы, а может неуязвимости в бою? — Евстахий хитро прищурился, сверля взглядом Илаю.

Юноша заметил в этих глазах тот особенный свет, который отличал обладателей волшебного дара от всех других людей.

— А ты все это можешь? — Илая тщательно изобразил восторженное удивление простака, провоцируя Евстахия на бахвальство.

Мужик поднялся с лавки, подошел к шкафу, заполненному разными склянками, и снял с верхней полки большую шкатулку, украшенную серебряными накладками.

— Вот! — кудесник бережно поставил шкатулку на стол. — Они могут.

Он откинул крышку шкатулки, и юноша увидел, что та до краев полна самыми разными амулетами. Были тут плашки из дерева разных пород с вырезанными рунами. Кристаллы кварца и селенита, костяные резные фигурки, звериные зубы, подвешенные на кожаных шнурках, холщовые мешочки с какими-то травами и много чего другого странного и малопонятного для Илаи. А кудесник продолжал:

— Каждый из них сделан мною в особую фазу луна, заговорен особым, лишь мне ведомым словом, а потому эти амулеты силу имеют огромную. Вот этот, — он достал из кучи мешочек с чем то жестким внутри. — здесь кость извлеченная из лосиного члена, он очень в любовных делах хорошо помогает, если смужской силой нелады; а этот розовый кварц наши деревенские девки любят, берут его у меня для любовной присухи. Дубовый амулет — для славы и почета, можжевелник и осина от порчи и сглаза, вот жабий камень

— он охраняет от ядов, а этот медвежий клык дает неуязвимость в бою. Так чего тебе надо, а?

Илая посмотрел на мощную шею Евстахия, там выглядывая из ворота залитой вином рубахи висел на тонком шнурке волчий клык. Тот самый, за которым его и послала сюда старуха.

— Хорошие амулеты. — Илая кивнул и как бы задумался перед окончательным выбором. — А вот что за амулет носишь ты сам?

— Сам? — удивился Евстахий. — А на что мне амулеты? Я же и сам как амулет! Я же кудесник! — захохотав удивился мужик.

— Ну я думал, вы чародеи и кудесник всегда увешенные амулетами ходите. Вроде как силу в них храните.

— Так, то городские маги. А я-то живу не в городе, на природе, тут этой силы вокруг разлито, горстями черпай не вычерпаешь. К чему мне ее хранить в куске дерева или в камне?

— Ну может быть не в дереве и не в камне, — согласился Илая. — а вот в клыке волчьем, что у тебя на шее висит.

Евстахий нахмурился, подался вперед, через стол, в его глазах загорелся не добрый огонь, а огромные ладони сжались в кулаки. Длилось это какое-то краткое мгновение, но Илае показаться, что драки с этим огромным и весьма нетрезвым кудесником ему не избежать, но тут кудесник снова откинулся на лавку. Он налил себе в кружку оставшееся вино в бутылке вино, жадно его выпил и швырнув пустую бутылку в стену, так что она разбилась, усыпав пол блестящим стеклянным дождем, и громко расхохотался.

— А ты я смотрю, любопытный малый, да еще и зоркий! Зачем тебе знать об этой безделице? — кудесник повертел кулон в пальцах.

Илая лихорадочно придумывал, чтобы такого сказать, чтобы звучало достаточно правдоподобно. Он решил импровизировать:

— Ну в городе я слышал от одного человека, который интересуется магией, что если добыть амулет с шеи самого колдуна или ворожея, или кудесника, то это привлечет невероятную удачу. — Илая помолчал будто стесняясь и выпалил — В азартных играх!

Евстахий снова громогласно рассмеялся.

— Никогда такого не слышал! — сказал он, утирая с глаз набежавшие от смеха слезы. — Похоже тебя кто-то сильно надул, парень. Простому человеку цацка колдуна без надобности. У него же нет дара!

— Этот клык, вовсе не амулет, но он дорог мне как память о моей молодости, поэтому я и ношу его. Прежде чем стать кудесником, я был простым охотником, но однажды я убил чудовище. Я убил оборотня, мерзкую тварь, поселившуюся в нашем лесу, и в благодарность за это боги наградили меня магическим даром. А этот клык я ношу, как напоминание о том дне.

— Но я готов заплатить, хорошо заплатить! — попытался убедить его Илая.

— Нет! — рявкнул Евстахий. — Бери любой из этой кучи за тридцать серебряных монет и проваливай отсюда!

— Но мне не нужен любой... — Илая попробовал возразить.

— Вон! Вон пошел! — заорал на него кудесник, стуча пудовыми кулаками по столу так, что подпрыгивали кружки, щедро разливая багряное вино, и бряцали в шкатулке амулеты.

Илая поднялся из-за стола, разумно решив, что не стоит связываться с нетрезвым разгневанным кудесником, да еще и огромным, как племенной бык. Такой противник

прихлопнет Илаю, как муху, и особые способности даханавара не помогут. Он решил, что заглянет к Евстахию позже, когда тот протрезвеет и они смогут поговорить, как деловые люди. Но стоило ему открыть дверь, чтобы выйти, из-за спины донеслось.

— Стой! — гнев в голосе кудесника потух, оставив лишь горькое пепелище. — Вертайся....

Илая закрыл дверь и вернулся за стол, приготовившись внимательно выслушать мужика. Евстахий снова наполнил кружки, молча предлагая выпить. Выпили. Кудесник рванул с шеи волчий клык, оборвав тонкий шнурок. Илая только сейчас заметил, что тот был свит из тонких золотистых волос — человеческих. Накрыв кулон рукой, мужик серьезно спросил:

— Так ты игрок, парень?

Илая уверенно кивнул подтверждая.

— Я не продам тебе этот клык, но ты можешь его у меня выиграть. — Евстахий достал из-за пазухи кости и бросил их в свою опустевшую кружку. — Играем до пяти, у кого выпадет большее число тот и выиграл. Согласен?

— Согласен. — ответил Илая. — Только, чтобы все по-честному.

— Обижаешь. — протянул явно довольный Евстахий. — Что ставишь ты?

— Все, что имею. — честно ответил Илая.

— Ха-ха-ха-ха! Все что имеешь и свою жизнь в придачу против клыка паршивого оборотня? — молнии колдовской силы в глазах кудесника весело и зло сверкали.

— Все что имею и свою жизнь, против этого амулета. — твердо ответил Илая.

— Ты не из робкого десятка, настоящий игрок, не то, что эта деревенская сволочь, которая боится проиграть даже вонючую медную полушку! Мне это нравится, приятно будет тебя убить. Не волнуйся, твоя смерть не будет напрасной, из твоей черепашки выйдет паратройка отличных костяных амулетов. На удачу! — и он опять раскатисто захохотал. — Что скажешь?

— Скажу, давай уже начнем.

И они начали.

6

Дубовый стол, с потемневшей и влажной от пролитого вина столешницей, был пуст. Бутылки и шкатулка отправились под лавку. Прежде комнату освещала лишь едва тлеющая лучина, теперь хозяин дома принес тяжелый серебряный канделябр на пять свечей. Водрузив на стол это помпезное и жутко дорогое чудовище ювелирного искусства, кудесник криво ухмыльнулся. В его глазах сквозило чувство превосходства над глупым и самонадеянным юнцом, рискнувшим вступить с ним в игру, в которой Евстахий считал себя непревзойденным мастером. Вступить и поставить на кон свою жизнь. Что может быть более безрассудным?!

Илае и самому было страшно, но что-то новое в его теле, уме, душе ярилось, предвкушая подобный бой. Он будто наблюдал себя со стороны и видел себя в двух совершенно разных ипостасях. Вот он простой деревенский парень, зашедший слишком далеко в своей неутомимой жажде приключений, и этому парню было так страшно, так страшно.... И вот он же, но другой. Рвущийся в драку бойцовый пес, почувствовавший запах крови соперника. Машина для убийств не привыкшая отступать перед какой бы то ни было преградой. Холодное расчетливое пламя, готовое пожрать на своем пути целый мир, если тот не готов преклонить перед ним колени и голову. Пальцы на ногах Илаи будто заледенели, он чувствовал напряжение в мышцах, напряжение в паху, чувствовал, как ровно и четко бьется

его сердце, исправно перекачивая кровь. Все пять чувств его обострились, мысли стали простыми и понятными. Он был готов к игре, как к бою. Страх отступил.

Евстахий положил на стол волчий клык, что бы Илая видел, чего стоит его жизнь. Он взял кружку с костями и несколько раз интенсивно встряхнул ее, держа перед собой над столом. Костяные кубики звонко ударились о стенки кружки, подскакивая и сталкиваясь гранями от интенсивной тряски. Кудесник перевернул кружку над столом, позволяя костям упасть. Подпрыгивая шестигранники заняли свои места на маслянисто-желтом пятне свечного света. Два и шесть — восемь. Евстахий заулыбался, оглаживая свою бороду. Игра началась хорошо.

— Твой ход, парень. Как думаешь, удача сегодня на твоей стороне? — просил он, облокотившись на стол.

Илая не ответил ничего, он сгреб кубики в ладонь, чувствуя их тяжесть грани и ребра. С костями точно было, что-то не так, но что Илая не мог понять. Видно, у этого "честного" кудесника кости с секретом, знать бы как им пользоваться. Илая не знал, да и времени что бы разгадать эту загадку у него не было. Он просто закинул кости в кружку, немного ими погремел и отпустил на волю. Две двойки. Евстахий видя неудачу противника, скорчил кислую мину.

— Первый раунд ты мне продул, парень. — притворно сочувствуя сказал кудесник. — Свой первый амулет я сделаю из твоих зубов. Это будет ожерелье, думаю оно прекрасно дополнит волколачий клык. Хе-хе!

И мужик сделал свой бросок второго раунда. Кости показали два числа: пять и шесть. Илая уже догадывался, что его результат будет меньше. Так и произошло пять и три. Ему не хватило всего одного очка, чтобы хотя бы сравнять счет.

— Что-же, уже лучше, но этого недостаточно, что бы я не вырезал пару рун на твоей черепушке. — глумился Евстахий.

— Слушай, не знаю, выиграю я или проиграю тебе сейчас, но вместо того, чтобы слушать о твоих планах на мои кости, я бы выпил сейчас добрую кружку вина. Не откажешь? — примирительно сказал Илая.

— Что же, понимаю. — протянул кудесник и наклонился под стол в поисках недопитой бутылки.

— Ах ты ж пропасть! — ругнулся бородач. — Тут похоже уже все вылакано. Сиди, принесу новую. На твоём месте у меня бы тоже пересохло в горле.

— Вот, вот. — соглашаясь закивал юноша.

Пошуршав возле печки, Евстахий вернулся за стол с двумя кружками и откупоренной бутылкой.

— Гляди-ка! — гордо водрузил он на стол пыльный сосуд из темно синего стекла, украшенного матовым травлением. Бутыль будто обвивала призрачная виноградная лоза. — Это "Ночная слеза" — особенное вино, для особенного случая. Думаю, у тебя сегодня как раз повод, попробовать нечто подобное.

Вино было прозрачное как вода с едва заметным золотистым оттенком. Первый же глоток опустился в желудок будто это было не вино, а раскаленное солнце. Кровь в жилах обоих игроков заструилась быстрее. Евстахий причмокнул от удовольствия. Довольно улыбнулся ему в ответ и Илая. Вот только каждый радовался своему. Кудесник предвкушал скорую победу и уже подсчитывал барыши от продажи меча и амуниции юноши. Илая улыбался тому, что ему удалось незаметно подменить кости кудесника на те, что дала ему

Магушка Иеле. Как оказалось они были абсолютно одинаковые. Вот только в костях старухи не было скрытого подвоха. Справедливые кости — для справедливого результата.

— Если хочешь помолиться богам самое время, парень.

— Думаю это справедливо для нас обоих, кудесник.

Третий раунд — раунд за жизнь. Евстахий бросил — кубики покатались по столу один остановился, взирая на мир двумя черными глазками, второй завертелся на ребре, замер на мгновение, будто задумался, чтобы явить миру пятерку или единицу. Глаза обоих игроков неотрывно следили за решением судьбы. Единица!

— Дерьмо! — выругался Евстахий, он злобно из-под бровей зыркнул на Илаю. — Похоже ты хорошо молился. — зло процедил он.

Илая не стал реагировать на этот выпад, сейчас главное, чтобы число, выброшенное им на костях, помогло ему окончательно выиграть. Счет был двадцать два против двенадцати, не в пользу Илаи. За мгновение до того, как кости легли на стол, Илая вдруг увидел, как они, медленно вращаясь падают на ребра, подсакивают в воздухе, а затем ложатся вверх одинаковыми гранями с шестью точками на каждой. Двенадцать! Двенадцать углублений бесстыдно чернело на белых костяных поверхностях, объявляя раунд закрытым. Закрытым, как и игру — в пользу Илаи. Он обошел кудесника ровно на два очка и теперь победа и клык оборотня по праву принадлежали ему. Илая поднялся, взял кулон со стола и опустил его в поясную сумку. Евстахий, еще мгновение назад оторопело смотревший на совершенно неожиданный результат, который вырвал победу из его рук, вдруг по-звериному взревел. Он вскочил со своего места сметая со своего пути тяжелый стол, падающие со стола кости, початую бутылку "Ночной слезы", тяжелый подсвечник с разлетающимися во комнате свечами, схватил юношу за грудки и приподнял над полом. Глаза кудесника ошалело вращались в орбитах, из угла рта на включенную бороду текла пенящаяся слюна. Абсолютно невозмутимо, будто это совсем не он завис на высоте двух ладоней от пола, Илая поднял сжатый кулак с зажатыми в нем фальшивыми костями кудесника, так что бы тому было хорошо видно.

— Честная игра без обмана, как договаривались? Не так ли, Евстахий? — юноша сжал кулак сильнее, раздался хруст, и на разжатой ладони стали видны обломки кости и маленькие свинцовые капли, скрывавшиеся внутри "честных" костей.

Евстахий смотрел на раскрошенные кости, как завороченный потом опустил Илаю на пол и прошипел.

— Убирайся!

Когда юноша покидал этот странный дом, его хозяин так и стоял, понуро опустив свою буйную голову. Свечи, раскатившиеся по полу разгромленной комнаты почти все, потухли, все кроме одной, замершей на краю широкой винной лужи в ее центре.

Илая садился на лошадь, когда к нему подошли две деревенских женщины: одна постарше с суровым выражением на загорелом лице, вторая молодка — конопатая, светлокожая и пышная, как сдобная булка. Женщины критично осмотрели юношу и та, что была постарше, задала простой вопрос:

— Пьет? — Илая утвердительно кивнул в ответ.

— Значит сегодня опять будет буйнить, надо бы животину загнать хлев пораньше. — с какой-то обыденной обреченностью сказала она своей пухлой подруге, на что та покачала головой.

— Да разве это его остановит? — а потом пышка обратилась к Илае.

— Если вы у него купили амулет какой, сударь, так это вы зря. Амулеты у него правда, что надо, но когда Евстахий пьяный, то всегда цену в разы завышает. Жадный больно, а как выпьет, так и подавно. Сколько дали, если не секрет? — лукаво поинтересовалась молодка.

— Выиграл в кости. — честно ответил Илая.

— В кости! — обе женщины всплеснув руками уставились на юношу как на чудо какое. — Дык, это же невозможно! У Евстахия еще никто не выигрывал! У него пол нашей деревни в должниках ходит, даже староста. Это ж раньше старостин-то дом был, пока он в кости его Евстахию не продул. — они быстро зашептались, делая круглые глаза и поглядывая то на Илаю, то на деревенскую улицу позади.

— Вы вот что, уезжайте-ка поскорей, сударь, раз уж получили, что хотели. Мстительный мужик энтот Евстахий, да еще и кудесник знатный, кабы он вам в вдогонку порчи не сделал. Уезжайте, не мешкайте. — сказала старшая и обняв за плечи подругу пошла с ней вверх по улице. Похоже теперь кумушкам будет о чем посудачить подумал Илая и прищпорив лошадь направился в сторону рощи.

Она ждала его, сидя перед своей хижинкой и сматывала длинную шерстяную нить в клубок. Сибрис сидела напротив и помогала старухе, держа на расставленных ладонях моток шерсти. С какой стороны не посмотри, а эта лесная идиллия бабушки и внучки казалась странной и неуместной.

— А вот и ты! — Матушка Иеле поприветствовала Илаю. Она поднялась на ноги, все еще наматывая последние упругие витки на толстый клубок серебристо-серой шерстяной нити.

— Вижу вы отлично поладили. — весело отметил юноша.

— Так и есть. — в одно слово сказали Сибрис, и старуха и обе рассмеялись. Матушка Иеле передала Сибрис клубок и шагнула навстречу Илае.

— Я добыл то, что вы просили, Матушка Иеле. — Илая извлек из сумки на поясе кулон из волчьего клыка. — Ваши кости помогли, но я не смог их привезти обратно, простите меня.

— Кости не так важны, мой мальчик, я вырежу новые, но этот клык... Спасибо тебе! — старуха с нежностью глядя на кулон, осторожно взяла его из рук Илаи. Она провела кончиками пальцев по его поверхности и тихо сказала.

— Это не просто волчий клык, это все что осталось от моего дорогого брата Эниона. Евстахий был когда-то охотником, он убил моего брата, когда тот принял свое второе обличье во время весеннего гона. Мой брат был оборотнем, но не представлял для людей угрозы. Как и я он был хранителем этой рощи. Да, раньше она была намного больше, почти лес... — мечтательно проговорила она, погружаясь в свои воспоминания. — После того, как моего брата не стало, силы мои ослабели, лес стал чахнуть, много деревьев срубили и увезли мужики из деревень вокруг, озеро, прежде чистое и прекрасное, заболотилось и в нем завелись пелли. Я больше не могла охранять наш дом так, как делала это прежде вместе с моим любимым братом. Но теперь, ты вернул мне его часть и часть его силы. Спасибо тебе Илая! — она первый раз назвала его по имени. Потом, женщина завязала порванный шнурок и надела кулон на свою впалую сухую грудь.

В этот момент Илае и Сибрис показалось, будто где-то в лесу звонко лопнула струна. Клык, опустившись матушке Иеле на грудь, засветился нежным мерцающим светом. Свет рос, окутывая фигуру женщины, как мерцающая радужная дымка и в этой дымке тело ее менялось. Осанка стала горделивой и величественной, глубокие морщины на лице начали

разглаживаться, кожа наливалась молодостью и силой. Редкие седые космы вдруг заискрились золотом, превращаясь в волну белокурых завитков, спадающих по спине молодой на глазах женщины, прямо до самых её пят. Матушка Иеле взмахнула руками и грязное рубище превратилось в белоснежное платье из тончайшего кружева, будто сотканного из серебристой паутинки. Она засмеялась и звонкий, как серебряный колокольчик, смех разлился над деревьями, стремясь к самому небу. Высохший цветочный венок в ее волосах превратился в тонкую золотую диадему, усыпанную жемчугом и самоцветами. Волшебство трансформации свершилось и это было прекрасно!

Илая и Сибрис стояли пораженные увиденным чудом, не в силах вымолвить ни слова.

— Теперь, когда я вновь обрела свою силу, я смогу снова сделать эту рощу прекрасным местом. — счастливо улыбаясь сказала Матушка Иеле, и ее прекрасные зеленые глаза наполнились слезами. — Пойдемте, я покажу вам.

Женщина легко спустилась с холма к болотцу, Илая и Сибрис еле поспевали за ее резвым шагом. Она встала у самого края воды, спустившись вниз по пологому склону. Босые пальцы ног и подол белоснежного платья погрузились в мутную, зеленоватую воду. Матушка Иеле подняла руки и запела заклинание, над болотцем начал сгущаться молочный туман. Илая потянулся к мечу, испугавшись за женщину, ведь именно в таком тумане прошлой ночью приходили пелли, но Сибрис остановила его. Она мягко положила руку ему на плечо и покачала головой, призывая не вмешиваться.

Женщина пела, туман тек по зеленоватой поверхности покрытой ряской воды прямо к ее ногам. Когда плотный завиток обвился вокруг ее лодыжки и из его недр высунулась морда пелли, женщина ласково прикоснулась к монстру рукой, не прекращая петь, и из тумана на берег выскочил кролик. Маленький, белый и пушистый зверек с алыми бусинками пытливых глаз. Так происходило с каждым пелли, к которому прикасалась женщина. И вот на берегу уже собралось добрых три дюжины пушистых и безобидных зверьков. Матушка Иеле прекратила петь, улыбаясь она повернулась к Илае и Сибрис. За ее спиной таял на солнце озерный туман. Чистейшая кристальная вода искрилась от солнечных бликов. Озеро исцелилось, и оно было прекрасно, как живой алмаз.

— Это чудо! — выдохнула замороженная Сибрис. Тут к ее ногам подскочил один из белых кроликов, Сибрис инстинктивно дернулась все еще опасаясь, что животное опять может обернуться болотным уродцем. Видя ее смущение Матушка Иеле засмеялась, она взяла на руки одного из пушистых кроличьих братьев и подойдя к девушке протянула его, чтобы Сибрис погладила зверька по мягким розовым ушкам.

— Не бойся, теперь они не укусят. — весело сказала она, когда девушка прикоснулась к кролику. — Еще раз благодарю, что помогли вернуть мне мою силу. А теперь прощайте! — и с легкой улыбкой на губах женщина стала подниматься на холм, окруженная кроличьим выводком.

Взяв Сибрис за руку Илая, мягко потянул ее к привязанным у холма лошадям.

— Пойдем, нам тоже пора. — ласково сказал он подруге.

— А как же...? — Сибрис посмотрела на клубок, который все еще сжимала в руке.

— Думаю, это ее прощальный подарок. — ответил Илая. — Свяжешь из него мне теплые носки.

— Вот еще чего удумал! — фыркнула Сибрис, но в голосе ее не было ни капли гнева.

Миновав рощу, юноша и девушка поехали по дороге мимо деревни, в которой этим утром побывал Илая. Еще издали они увидели поднимающийся в воздух столб дыма, в

воздухе пахло гарью. Это горел дом кудесника. Алое пламя охватило его, пожирая и красное крыльцо, и расписные ставни. На улице, перед горящим домом, столпилась много народу: мужчины, женщины, дети и старики молча взирали на пожар. Никто не спешил тушить огонь, на лицах людей блуждали улыбки.

— Почему они не гасят огонь? — удивленно спросила Сибрис.

— Наверно они больше не хотят играть в кости. — туманно ответил Илая и пришпорил лошадь.

Даханавар. Пляска масок

Даханавар. Часть третья. Пляска масок.

Прошлое не может стать настоящим; мы не можем знать того, чего не знаем. Но прошлое, настоящее и будущее скрыты под одним покровом...

Генри Д. Торо

1

— Думаю нам есть над чем поработать. — Сказала Сибрис. Она опустила свой меч и теперь наблюдала как красный, запыхавшийся и вспотевший Илая пытается отдышаться после ее маленькой проверки. Как и обещала, Сибрис взялась за обучение юноши бою на мечях. Теперь, каждое утро в их лагере начиналось для Илаи с разминки и отработки приемов, которым учила его Сибрис. Перед тренировкой Илая отжимался, подтягивался если поблизости находилось дерево с подходящей на роль импровизированного турника веткой, ходил на руках и приседал, взяв свою стогую учительницу на руки, или же посадив ее себе на шею. Крепкие руки и ноги, ловкость и скорость реакции, правильное дыхание, каждый раз Сибрис заставляла Илаю работать почти на пределе его возможностей. А за частую, требовала от юноши пересечь эту черту. Иногда Илая готов был поклясться, что даханаваром является не он, а его неутомимая напарница. Сибрис смеялась, слыша подобные предположения юноши, и отвечала, что это все годы упорных тренировок и хорошая наследственность. После тренировок юного даханавара всегда ждал хороший завтрак и очередная порция рассказов о том как отец Сибрис учил свою дочь владеть мечом и о том, как позже сама Сибрис не раз побеждала на разнообразных турнирах.

Они уже отработали четыре основных защитных стойки: Плуг, Бык, Глупец и Крышу. И теперь Сибрис заставляла Илаю повторять выученные движения и приемы.

— Запоминай! Шагая влево, шагай с левой ноги, не важно, впереди она, или нет. Шагая вправо, шагай с правой ноги, независимо от того, впереди она или нет. Тебе может показаться, что это слишком просто, Илая. Но это простое правило справедливо ко всем стойкам, вне зависимости от того, какая нога впереди. — Сибрис продемонстрировала юноше, как это делает она. У девушки все выходило легко и изящно. Не движения — а балетные па!

— Отец говорил мне всегда помнить два важных правила: любой ценой избегай пересечения своей стойки — раз, и никогда не поворачивайся спиной к врагу — два. — она провела серию движений и оказалась за спиной Илаи, легонько уколов его между лопаток. — Я же сказала, влево — с левой!

Немного потренировав Илаю напададая то слева, то справа, девушка убедилась, что урок им усвоен и продолжила объяснять:

— Если одна твоя нога стоит позади другой, и она должна проходить мимо передней в проходящем шаге, ты должен совершить рывок. Вот так! Повтори! — она показала движение, Илая успешно его повторил.

— Теперь смотри: если хочешь уколоть вперед с передней ноги, делай выпад. — Сибрис молниеносно вспорола пространство перед собой, на пол ладони не доходя до открытого ворота рубахи на груди Илаи.

Отработав с учеником технику рывка и укола, юная наставница задала ему несколько упражнений, определив юноше в противники старый мешок из дерюги, который они набили

сухими листьями и травой. Его они купили на одной из мельниц, когда проезжали мимо. Мешок был подвешен на ветку дуба, стоявшего на краю поляны, где путники разбили временный лагерь. Может для смеха, а может для собственной мотивации, Илая углем намалевал на грубой ткани жуткую зубастую рожу, назвав противника "Вырл". Когда Сибрис удивленно изогнула бровь, он пояснил, что так звали чудовище из его детских кошмаров и теперь немилосердно колот ощерившуюся образину то в глаз, то в пятак носа, то в зубастую пасть. Сотня уколов снизу с правой и левой руки, сотня уколов сверху, сотня уколов двумя руками из правого Плуга, затем сотня — из левого. Сотня переходов из левого в правый Бык и назад. В конце такой интенсивной учебы Илая был весь мокрый, ноги его еле держали, а запястья казалось может отвалиться от руки, но он этого уже даже не почувствует.

Сибрис, наблюдая за стараниями своего ученика, сидя у огня попивала травяной отвар, приготовленный ею в маленьком котелке. Иногда она отрывалась от этого приятного занятия, что бы сурово прикрикнуть на Илаю:

— Держи острие вперед во время всего перехода! Не мельтеши!

Впрочем, все ее замечания были справедливы и по делу.

Но сегодня Сибрис придумала для своего ученика новую — особую тренировку. Она предложила, для начала, сделать Илае небольшую разминку для рук, для этого юноше пришлось взять в обе руки по мечу, Сибрис на время передала ему свой.

— Просто помаши ими из стороны в сторону — как ножницами. — сказала она. Через некоторое время, увидев что ее ученик отлично справляется с заданием, Сибрис начала подбрасывать в его сторону небольшие ветки, а Илая этими «ножницами» пытался их отбивать. Потом девушка сняла со своей шеи тонкий платок и сложив его в несколько раз, так что бы ничего нельзя было подсмотреть, повязала его на глаза Илаи.

Сибрис быстро и почти бесшумно передвигалась вокруг своего ученика подбрасывая в воздух новые и новые снаряды, которыми служили собранные тут же сухие ветки, маленькие и кислые дикие яблоки, куски сухой коры. Все эти предметы летевшие с разной скоростью и силой заставляли Илаю более тонко реагировать на приближающуюся неведомую угрозу. Каждый промах Илаи и каждое попадание в него подобного снаряда, учитывалось строгой наставницей и влияло на изначально установленное ею количество очков. Это было похоже на игру, где у Илаи было двадцать пять очков, а Сибрис стремилась хитрыми приемами и подачами лишить юношу концентрации и снизить это число к минимуму. Азарт игры отлично стимулировал Илаю на этой нелегкой тренировке.

— Восемнадцать! — изрекла свой вердикт Сибрис. — Очень посредственно для человека со способностями даханавара, клянусь, моя почившая бабка смогла бы лучше, восстань она из своей могилы. Тебе надо отключить мысли, они мешают тебе реагировать более точно. Даже если ты отвлекаешься на одну маленькую мысль, Илая, ты замедляешься на самый крошечный миг, но этого вполне достаточно, что бы проиграть.

— Но как мне не думать, если я постоянно ожидаю нападения с твоей стороны? — спросил юноша сдвигая повязку на лоб.

— Чувствовать, конечно же! Тебе надо не думать ни о моих действиях, ни о своих, тебе надо их почувствовать и тогда все получится. Доверься своим инстинктам, всегда говорил мне мой отец, очисти свой разум, и ты сразу почувствуешь насколько тебе станет легче. Так что возвращай повязку обратно на глаза и повторим!

В этот раз действительно получилось лучше — всего четыре промашки. Потом они занялись отработкой техники. Сначала Сибрис наступала на Илаю: она наносила

направленный удар сверху вниз, а юноша старался заблокировать его, затем напал на Сибрис уже Илая, а она защищалась. Так, не прерываясь, увеличивая скорость и силу ударов, они могли тренироваться часами. Связки, которым обучался Илая были разные, казалось у его наставницы просто неистощимая фантазия, но она всегда учитывала возможности своего протеже и умело направляла развитие боя. Сибрис наносила удары с разных сторон, делала подсечки, пируэты, обманные выпады, а Илая изо всех сил старался их отражать. Когда, что-то не получалось они останавливали тренировку и Сибрис доходчиво объясняла, где ее ученик допустил ошибку. И так повторялось от круга в круг, изо дня в день. Вскоре Илая удостоился первой похвалы. Ему удалось провести отвлекающий манёвр и выбить меч из руки своей наставницы, оставив Сибрис безоружной и уязвимой.

С каждым днем они продвигались все дальше и дальше по карте оставленной для Илаи Шамилем. И с каждым днем Илая все более убеждался в том, что Ибрагим ибн-Тахт не мог подобрать ему спутника лучше, чем эта девушка. Девушка с мягким сердцем и стальной волей. Они почти могли считаться друзьями, но ни один, ни другой почти никогда не рассказывали друг-другу о своем прошлом. Будто, заключили негласный договор уважать молчание друг-друга. Илая удивлялся тому, что даже зная о жизни Сибрис так мало, чувствует сердцем, что знал ее вечно.

Лошадей путники уже сменили два раза и теперь ехали стараясь нигде не задерживаться подолгу. Дорога пела их мимо заливных лугов, старых разрушенных башен на зеленых холмах, мельниц и одиноких трактиров. Пару раз им встретились прекрасные в своей чистоте озера: одно маленькое и тихое в лесу, другое — огромное, широко раскинувшееся на равнине. На его берегах стояли маленькие живописные рыбацьи деревни и сёла. Около одной из деревень они остановились передохнуть на пару дней. Сибрис даже разрешила на время прекратить Илае боевые тренировки, заменив их отдыхом на золотистом берегу и купанием. Наслаждаясь этим внезапным отдыхом: солнцем, водой и наблюдением за парящими в синеве небес ласточками, свившими гнезда в песчаных берегах озера, Илая почти забыл о цели их путешествия, ощутив всю глубину беззаботного счастья. Дома на высоких зеленых берегах, белые от меловой штукатурки стены, соломенные крыши, высокие мальвы под окнами, из которых выглядывали прелестные головки поселянок в красных чепцах — все это было похоже на ожившую картину.

Где бы Илая и Сибрис не проезжали, их встречали и провожали босоногие ватаги детворы. От почти взрослых ребят лет одиннадцати-тринадцати, до трехлетних карапузов, все еще сосавших оттопыренные большие пальцы грязных кулачков и удивленно тарашившихся на огромных гостей на лошадях и с железными палками за спиной. Ребяшня, с пристальным интересом изучала путников, проезжавших мимо их сел, хуторов, деревень. Для них, никогда не покидавших свои родные места, это было целое событие. Илая вспомнил, как когда-то и он со своими друзьями бегал за околицу к тракту, посмотреть на путешественников и торговые повозки, а может и выпросить пару медяков в обмен на малую услугу. И почти везде, куда бы не заводила их дорога, можно было договориться с поселянами и купить провиант, снаряжение, лошадей по выгодной для обеих сторон цене. А потому, Илая и Сибрис никогда не заезжали в большие и малые города, мимо которых вел их путь. Никогда, кроме одного раза.

Это случилось, когда на горизонте уже показались сияющие пики Атласских гор. Дорога, прежде петлявшая между зелеными холмами, вела в Рохайскую долину. Спускаясь с горного массива по долине петляла синяя лента реки Рох. На берегу этой реки во всей своей

красе возвышался розовый город Тариза. Город был известен тем, что все его здания были построены из вулканического туфа, что позволяло жителям города не бояться ни зимних холодов, ни летнего зноя. Кроме этого полезного свойства порода, из которой были сложены здания Таризы, имела очень нежный и приятный глазу розовый цвет. Но это не было единственное качество, чем был славен город — Тариза была городом ткачей. Самые дорогие и вычурные ковры, с рисунком из алой, как свежая кровь нити. Этот цвет, секрет которого гильдия красильщиков города хранила в строгом секрете, тоже был гордостью, отличительным знаком качества и подлинности таризского ковра. Тончайшие шерстяные одеяла и пледы из шерсти овец сарго, мягкие как пух и легкие как перо. Для любого путешественника желающего пересечь заснеженные вершины, эти тонкие одеяла были надежным подспорьем в борьбе с ледяными ветрами, свирепствовавшими горном царстве льда и снега. Не раз и не два отважные путешественника рассказывали, что это тонкое шерстяное чудо спасло им жизнь. Сибрис настояла на том, что им необходимо прикупить пару таких одеял, если они желают добраться до горной обители без помех.

Возле городских ворот радостно шумела пестрая, празднично одетая толпа. Многие из прибывших были в масках. Как оказалось, люди со всей долины стремились попасть сегодня в город, что бы повеселиться на грандиозном празднике — Дне Шута. Набравшаяся еще с утра вином, по самые густые усы, стража у городских ворот остужала пыл самых ретивых: "В очередь, так вас и этак! Ишь, вашу мать, ослицу! Куда прешь, бесовское отродье? Порядок! Соблюдайте, порядок!" — доносилось оттуда. В ответ этим окрикам был слышен смех, веселая брань и возбужденный ропот толпы.

Пристроившись рядом с телегой зеленщика Илая и Сибрис, влились в поток желающих попасть в город людей.

Миловидная женщина — жена зеленщика, держала на руках двухлетнего карапузасынишку, который постоянно крутил по сторонам своей чернявой головкой, возбужденно и радостно гукая. Он протянул в сторону Сибрис пухлую рученку и громко сказал "Ця-ця! Ма, ця-ця!" Женщина посмотрела на обоих всадников, мужчину и женщину, занявшие очередь рядом с повозкой ее мужа, те приветливо улыбались её сыну.

— Он говорит, что вы очень красивая. — пояснила она, для Сибрис, детский лепет. — Моему сыночку очень нравятся такие красивые леди? — она нежно поцеловала сына в лобик.

— И как же завут, этого юного ценителя красоты? — ласково поинтересовалась девушка. Она достала из седельной сумки огромное желтое яблоко и протянула малышу.

— Гастон! — гордо ответила зеленщица, принимая подарок для сына. Она тут же спросила:

— Вы не похожи на людей из долины, наверное приехали издалека?

— С побережья. — уклончиво ответил Илая.

— Приехали в Таризу что бы тайно пожениться в День Шута, не так ли? — женщина хитро подмигнула Илае.

— Пожениться?! Нет, ничего такого! Да мы вообще не пара, мы просто вместе путешествуем! — Илая залился краской до корней своих рыжих кудрей.

— Мы компаньоны. — спокойно ответила Сибрис. — То, что мы попали на ваш праздник, скорее случайность. Наш путь ведет в горы, а в городе нам нужно пополнить запасы.

— Ну, хорошо, хорошо! Многие молодые пары приезжают в наш город на Жирную Неделю ради заключения брака, ведь тогда не требуется согласия их семей, вот я и подумала, грешным делом... Только сегодня купить провиант или свежих коней вряд ли у вас получится. Пока народ гуляет все лавки, кроме тех, что на площади, закрыты. А там ничего кроме съестного да праздничной мишуры и нет. Может через день или два, когда все протрезвеют, а пока вам придется праздновать вместе со всеми.

— Но мы не планировали пробыть тут так долго! — возразила Сибрис.

— Жирная неделя, что поделать. Надеюсь у вас есть, где остановиться?

— Ну, думаю, в таком городе найдется один или два постоянных двора. Там и снимем комнату.

Зеленщица рассмеялась пнув локтем своего мужа, немногословного плешивого мужика и большими печальными глазами и вислыми темными усами, все это время молча правившего телегой.

— Ты слышал, Йонаш? Эти двое хотят снять комнату на постоялом дворе в конце Жирной недели! Ха-ха-ха! Да еще и в День Шута! — зеленщик хмыкнул, явно не разделяя веселье жены.

— Так чего же ты хочешь, Марта, этот господин же сказал тебе, они не тутошние! Вечно ты к людям пристаешь со своими расспросами! — беззлобно буркнул он в жене ответ.

Утирая слезы, выступившие у нее от смеха, женщина повернулась к Илае и Сибрис и сказала:

— Простите меня, господа! Просто вы меня знатно повеселили. В этот город на протяжении всей Жирной Недели отовсюду стекались люди. Теперь, думаю, он просто забит под завязку. Ни комнату, ни клочка соломы в углу конюшни вы просто не сможете сегодня получить. Разве что вы богаты, как короли! Сегодня многие бедолаги будут спать прямо под стенами города если в самой Таризе у них нет своего угла. В эту ночь никто не рискнет остаться ночевать на улицах города!

— А что в ней такого особенного? — не выдержала Сибрис.

— Как, разве на побережье об этом ничего не знают? — зеленщица сильно удивилась.

— Нет. — юноша и девушка ответили в один голос.

— Каждый год, в середине лета, в нашей долине принято отмечать семь праздничных дней — Жирную неделю. Эта традиция очень древняя — ей почти тысяча лет! Она возникла после того, как наш город устоял в последней войне магов. Единственный город из всех, что были в Рохайской долине! — стала пояснять им зеленщица.

— Сегодня — День Шута. Это последний и самый важный день в году! Люди верят, что придворный шут спас город от разрушения. Шут научил правителей Таризы, как заставить мага, осаждавшего наш город, отступить. После того, как по высочайшему приказу все люди в городе спрятались по домам и улицы города опустели, шут поднялся на городскую стену и заявил магу, что он голодный демон явившийся из самой преисподней и теперь город принадлежит ему, потому, как он съел всех жителей и съест любого, кто рискнет войти в городские ворота. Маг не поверил ни одному его слову, но тут шут снял свою маску, с которой никогда прежде не расставался, и показал магу лицо. Видите ли, господа, говорят, шут был так уродлив, что маг увидев лицо шута тут же снял осаду и убрался осаждать другие города в долине.

— Похоже это был не самый умный маг на свете. — саркастично заметил Илая.

— И уж точно, не самый смелый. — добавила Сибрис.

Кто знает, господа мои, кто знает? Почтивсе они, маги то есть, затеявшие эту войну, были безумны. — закивала головой зеленщица и продолжила.

— Видите, многие из людей пришли в масках? — женщина обвела рукой толпу. — А знаете почему? Сегодня мы все скрываем свои лица, что бы обмануть и напугать наших врагов, если они вдруг надумают вернуться. А еще, в полночь, на главной площади, зажгут большущий костер, где каждый сможет сжечь свою маску, тем самым избавившись от всех бед, хворей и неудач, скопившихся за прошедший год. Люди идут посмотреть на полсотни шутих и фейерверков, которые вместе с пламенем большого костра разгонят тьму предстоящей ночи. Ночи, когда древнее зло может выйти из своей норы! Но мы этого недопустим, мы будем петь и плясать, громкая музыка отпугнет зло. Мы наденем на лица наши маски, страшные маски, и силы тьмы нас не узнают. Мы зажжем костры и запустим в небо огонь, демоны и колдуны, желавшие причинить нам зло испугаются и убегут! Вот так-то! Вот почему все хотят попасть сегодня в город! — женщина сделала торжественное выражение лица, а потом снова заулыбалась. — Оглянитесь-ка вокруг господа, и вы все увидите сами.

И правда, со всех сторон были люди: женщины, мужчины, старики и старухи, подростки, дети. Многие из них были уже захмелевшие, по толпе передавались бутылки с вином. Какой-то, не в меру разбитной, одноглазый мужик, протиснулся в толпе и сделал Сибрис фривольный комплимент, протягивая ей почти пустую бутылку. Вино в ней плескалось на самом дне. Сибрис ответила ему улыбкой, которая могла бы заморозить пламя в преисподней. Мужик громко икнул, выпучив единственный карий глаз и с тихим "Простите, сиятельная госпожа!" ретировался обратно в толпу. Там он ущипнул за зад толстую белобрысую матрону, в маске гусыни, и получил в ответ удивленный, но вполне поощряющий к дальнейшим ухаживаниям громкий "Ой!"

Заплатив стражникам у ворот, юноша и его спутница, наконец-то попали в город. На улицах было многолюдно, веселые звуки музыки, в которых угадывались свирели, барабаны и волынки звучали отовсюду. Из каждого кабачка на улицу выходили раскрасневшиеся от вина, счастливые горожане и поселяне. Часто в обнимку, горланя неприличные куплеты и оглушительно смеясь. Тут же их место занимали другие компании гуляющих, стремительно ныряющие в полутьму злачных заведений в поисках бесплатной выпивки и женского внимания. Если где и начинались потасовки между гуляками их тут же разнимали прохожие, остужая их пыл холодным элем, льющимся отовсюду, как из рога изобилия. Повсюду мелькали накрахмаленные белые чепцы и рубашки, украшенные пеной тончайшего кружева, синие-зеленые клетчатые юбки и конечно же гордость городских модниц — ярко-красные шерстяные платки с длинными кистями по краям. Это женщины, от девчонки и до старухи, принарядились для праздника. И конечно же маски, маски, маски!

Маски длинноносых ведьм и шутов вырезанные из дерева с прицепленной гривой из сухой травы и лент. Маски из ткани раскрашенной в синий, белый, красный и желтый цвета, с пришитыми к основе блестящими медными монетками, разноцветными перьями, стеклянными, металлическими и деревянными бусинами или даже круглыми маленькими зеркалами. Странные маски-конусы, сплетенные из тончайших прутиков или соломы, на подобии глубоких шлемов со смотровыми щелями для глаз, окрашенные мелом и охрой. Илаю поражало цветное безумие творившееся на улицах города. Сибрис, которая повидала намного больше разных гуляний в разных городах, и та была впечатлена размахом праздника. А толпа все двигалась под зажигательную музыку, переливаясь и сияя красками,

как гигантская радужная змея. Люди стремились к центру города, где уже начали зажигаться первые огни и где лицедеи во всю развлекали народ, в тысячный раз показывая свои номера.

Уже за воротами зеленщица передала ребенка в руки мужу, а сама спрыгнув с телеги подбежала к лошади Илаи. Взволнованно посмотрев в глаза юноши, она оглянулась по сторонам и очень тихо сказала:

— Вижу вы хорошие люди, мой Гастон в таких делах не ошибается, и я надеюсь вам все-таки повезет снять себе комнату. Но если нет, мой вам совет, не оставайтесь ночевать на улице. Жирная неделя праздник не только для честных и добропорядочных людей она и для разного вора и чего похуже жирная. Если у вас есть золото в кошельке отправляйтесь на улицу красильщиков, спросите, где живет Диего Беспалый. Это мой троюродный брат, думаю за пару золотых монет он сдаст вам угол. Но не платите ему более трех, скажите, что вас прислала кухня Марта.

И, не дожидаясь благодарностей, женщина поспешила обратно.

2

После того, как они покинули третий по счету гостиный двор, тут тоже не было мест, Илая не выдержал:

— Все, с меня хватит! Сибрис, нет смысла продолжать эти поиски, давай воспользуемся советом зеленщицы и поедem к этому Диего... Как его там?

— Беспалый. — напомнила девушка, в ее голосе уже сквозили нотки усталости.

— Вот-вот, сколько можно кружить по городу? А так мы хотя бы сможем оставить лошадей и немного повеселиться на празднике.

— Ну если ты так хочешь...

— А разве ты нет? Мы уже почти месяц в пути, и это ничуть не напоминает увеселительную прогулку. А что будет потом? Возможно ничего не выйдет, я стану чудовищем и даханавары меня уничтожат, а это не очень-то веселые перспективы! — потом Илая повернулся к девушке и примирительно сказал — Послушай, Сибрис, если уж мы тут застряли, неужели тебе самой не хочется немного развлечься?

— Ладно, ты прав. К тому же я действительно не видела ни одной открытой лавки. В этом городе только едят, пьют и веселятся. Ну никакого порядка! — сдалась под натиском неопровержимых аргументов девушка. — Поехали, улица красильщиков всего в двух кварталах от площади.

— Откуда ты это знаешь? — удивился Илая.

— Ну, я порасспросила об этом людей на улице, пока ты пытался выбить нам угол в том дорожном клоповнике.

— Обычная гостиница это была, а вовсе не клоповник... — и тут до Илаи дошло. — Ах, Сибрис, да ты я смотрю хитрюга! А сама-то: "Давай еще поищем, давай поглядим!" — Илая со смехом толкнул девушку в плечо.

— Ну, я просто подстраховалась, на всякий случай. И нечего на меня так смотреть! — Сибрис сделала невозмутимое лицо и повернула свою лошадь на улицу ведущую к площади.

Огромный костер высотой в два человеческих роста, сложенный из бревен и хвороста возвышался прямо по центру городской площади. Справа от церемониального костра был сооружен помост, где сейчас разыгрывали свое представление лицедеи. Это была классическая история про похотливую королеву, ее глупого венценосного мужа-рогоносца и любовника-пронюру. Любовник был в маске шута. Толпа, собравшаяся посмотреть представление, то и дело взрывалась смехом и возгласами подбадривающими актеров.

Хитрый шут колотил короля огромной бутафорской дубиной, мастерски сделанной из бумаги и отдаленно, но весьма не двусмысленно, напоминающей мужской детородный орган. Когда король поворачивался, что бы наказать своего обидчика, шут прятался: то за стоящий в углу сцены трон, то заходя за спину самого короля, пока тот ошалело тряс патлатой головой, то скрывался за портьерой королевского ложа, стоявшего в противоположном от трона углу сцены. На ложе, среди пухлых подушек и смятых простыней, победно восседала королева-изменщица. Она громко вскрикивала, притворно удивляясь и пугаясь происходящему, когда недотепа муж поворачивался к ней лицом, но стоило ему отвернуться, королева обольстительными улыбками и жестами подначивала своего любовника-шута. Актриса была молода и хороша собой, к тому же, она была обнажена до пояса. На ней, кроме бутафорской короны, с прикрепленной к ней белой полумаской, была только тонкая золотистая юбка с длинными разрезами почти до самого серебряного пояса на талии. Юбка распаивалась при каждом движении и было件件но, что под ней ничего больше нет. Каждый раз, когда королева притворно закатывала глаза поднося белую ручку ко лбу, или же вставала на колени то заламывая, то простирая руки к зрителям, будто прося их о помощи, ее пышные белые груди с подведенными кармином сосками, призывно покачивались, а мелькавшие из разрезов белые бедра и аппетитная круглая попка, вызывали бурю восторга и улюлюканья у зрителей. Особенно у мужчин и юношей.

По бокам помоста, обратившись суровыми лицами к толпе, стояли четверо крепких парней, они охраняли актеров от излишне возбужденной зрелищем публики. Дубинки, прикрепленные к их поясам, были совсем не бутафорские.

На сцене разворачивалось финальное действие пьесы: король почти поймал шута в вечной гонке по кругу. Он уже был готов надавать обидчику тумаков, но проворный шут, сделал сопернику подножку и король, взмахнув руками, растянулся на сцене. Корона слетела с его головы, а шут размахнулся дубиной и огрел поверженного короля по лысой макушке. Враг был повержен, королева ликовала и посылала шуту страстные поцелуи. Шут поднял корону, скинув колпак он водрузил ее себе на голову, затем он изобразил неприличный жест в сторону королевы, приставив дубину к своему паху. Толпа засвистела и одобрительно заулюлюкала, и тогда шут-король скрылся со своей возлюбленной за опустившимся пологом их ложа. Бурные аплодисменты, звонкие монеты и радостные выкрики стали достойной наградой для актеров, вышедших к зрителям на поклон.

Пока Илая и Сибрис смотрели фривольное представление, празднование на площади шло полным ходом. После выступления комедиантов на сцене появились музыканты и заиграли кадрили, приглашая собравшуюся толпу к танцам. Илая огляделся вокруг, красно-белые полосатые палатки стояли по периметру площади. Во многих из них торговали сладостями: пирожными, пирожками, орешками и яблоками в корочке из золотой карамели, которые так любят дети. Прямо тут, на телегах, стояли огромные бочки с вином и пивом, это виноделы и пивовары со всей долины привезли на праздник свой товар. В других палатках продавались сувениры, дамские безделушки, ленты и цветы — живые или сделанные из бумаги или ткани. И конечно же, здесь можно было приобрести маски! Были и палатки с разнообразной уличной едой: острыми колбасками, которые хорошо шли под пиво, жареными, в кипящем масле, пирожками с мясной и рыбной начинкой, бобовыми лепешками с пряной зеленью, горячей похлебкой из рыбы и речных мидий. Везде, возле каждой из палаток, толпились люди.

— Подожди меня здесь! — Илая соскочил с лошади и передал поводья Сибрис.

— Но, куда ты? Нам нужно поторопиться, мы и так потратили уйму времени, смотря это дурацкий спектакль!

— Расслабься, Сибрис, я скоро! — и, подмигнув опешившей подруге, Илая скрылся в толпе.

Проезжая мимо палатки со сладостями, Илая увидел, что на прилавке среди засахаренных орехов, глазированных пряников и прочей сладкой снеди, есть несколько ярких леденцов в форме сердец и зверушек. Они были такие блестящие будто вырезаны из цельного куска янтаря, а потом отшлифованы до блеска. Такие леденцы в детстве покупала ему мать, когда брала с собой на ярмарку Хастфилд. С тех пор он больше их нигде не встречал. Увидев сейчас этот золотистый осколок своего счастливого детства, Илая просто не смог удержаться и не купить его. От чего-то ему показалось, что Сибрис никогда ничего подобного не пробовала.

Он подошел к прилавку. Тут сладостями торговала благообразная старушка с серебристыми буколками седых волос вокруг круглого сморщенного личика. Возле старушки вилась маленькая девочка с огромным, почти в половину ее роста тряпичным зайцем. Илая улыбнулся пожилой торговке, подмигнул малышке и спросил:

— Сколько стоят эти леденцы, уважаемая?

— Смотри кто спрашивает? — уклончиво, но совершенно беззлобно ответила ему старушка.

Илая оторопело уставился на нее, такой вопрос поставил его в тупик. Внимательнее присмотревшись к женщине Илая понял, по застывшему взгляду той, что она слепая. Теперь стало понятно зачем кроме самой торговки в шатре присутствует девочка.

— Я гость в вашем чудесном городе. Мы с подругой тут проездом, и я хотел бы купить у вас пару этих отличных леденцов. — вежливо пояснил Илая. — Последний раз я пробовал такие леденцы в детстве, когда была жива моя мама.

— Ну, ваша мама, похоже отлично разбиралась в сладостях! — ответила ему слепая.

Женщина обратилась к девочке:

— Ну что, крошка, достаточно ли этот молодой господин хорош для наших сладостей? — девочка посмотрела на Илаю и нежно пропела.

— Он без маски, но с секретом. Угостим его конфетой!

— Моя внучка, мечтает стать бардом, когда вырастет, а пока вот помогает мне делать и продавать сладости. Тем и живем, да малышка? — слепая ласково погладила девчушку по голове.

— Хорошо живем, пироги жуем! — согласилась юная поэтесса.

Илая одобрительно закивал:

— У вас очень талантливая внучка, уважаемая, уверен мы еще услышим о ней, когда она вырастет и станет великим бардом! Я бы хотел взять вот этого петушка и вот этого зайца!

— Нет, я не могу продать вам их, уж простите. — покачала головой торговка и добавила. — Ничего из того, что вы видите на этом прилавке.

— Но...? — удивленно протянул Илая, к такому повороту событий он явно не был готов.

Что за глупые шутки задумала с ним шутить эта странная парочка?! Не успел юноша, что-либо сказать в ответ, как шустрая малышка, нырнула под прилавок и достала от-туда два леденца на длинных деревянных палочках: один ярко-красный, в форме сердца, другой

похожий на свернувшуюся в клубок зеленую змею.

— Колесо для тебя, сердце для подруги, помни надо в ночь Шута вам беречь друг-друга. — она протянула леденцы удивленному Илае.

— Бери-бери! — подтвердила старуха, — Эти леденцы именно то, что тебе нужно. Это самые вкусные леденцы на свете!

— Спасибо. — несколько рассеяно пробормотал Илая и спрятал сладости в сумку на поясе.

Он замешкался выискивая серебряную монетку в пригоршни меди, которую извлек из кармана. Уже темнело и люди вокруг начали зажигать факелы, укрепленные на стенах домов, разгоняя наползающий на город сумрак. Найдя нужную монетку, Илая поднял голову и уже хотел было протянуть ее девчонке, но был крайне удивлен, когда вместо слепой старухи и ее внучки, увидел на их месте дородного мужика в коричневой, пятнистой от масла рубахе, а вместо прилавка со сладостями, огромный чан с кипящим маслом откуда этот мужик шумовкой доставал румяные пирожки.

— Ну, так как будешь на меня таращиться? — проворчал мужчина. — Или мои пироги покупать? Смотри какие они румяные! С пылу, с жару, и всего одна серебрушка за пяток!

— О, н-н-нет, спасибо. — сбитый с толку Илая попятился назад, все еще не понимая, куда пропал давешний латок со сладостями. Его немного покачивало, будто он выпил одним махом целый кувшин вина. — Извините! — крикнул он удивленному торговцу пирожками и направился сквозь толпу ряженных, туда, где оставил Сибрис.

— Сибрис! — окликнул он радостно, вновь увидев подругу. — Надеюсь ты не заскучала? Вот, держи, это тебе! — Илая вскочил на лошадь и протянул девушке леденец-сердце.

Сибрис с недоверием приняла подарок и поинтересовалась:

— Что это такое?

— Это всего лишь леденец — конфета из сахара и фруктового сока, что-то на подобии карамели на яблоках. Мне в детстве такие мать покупала на ярмарке. Попробуй, это очень вкусно! — Илая не долго думая засунул свою конфету в рот.

Восхитительный сладковато-кислый вкус леденца, напомнил юноше о его детстве. Илая зажмурился от удовольствия и застонал:

— Ммммм... Как вкусно! Будто ремень в сиропе, только еще лучше!

Сибрис повертела леденец в руке, посмотрела через него на друга, проверяя прозрачность карамели, и последовала примеру Илаи.

— Угу, фкуфно! Фимфяника кашца. — задумчиво произнесла она.

— Чего? — переспросил Илая.

— Фимфяника! Ты фто офлоф? — повторила Сибрис, с конфетой она не спешила расставаться и от этого казалось, что ее правую щеку раздуло, как от большого зуба.

— А, я понял! Замляника! — рассмеялся Илая.

— Уфу! Поефали!

— Нет, в Уфу мы точно не поедим, это же речка рядом с фермой моего дядьки, как же мы можем поехать в речку? — подтрунивал над подругой Илая.

Но Сибрис только фыркнула, закатив глаза. Ситуация действительно была забавная, а леденец восхитительно вкусный. Плевать, что такой дурацкой формы. Сердце, пф! Надо же, он похоже видит в ней просто девчонку! И все же это было приятно.

В квартале красильщиков было необычайно тихо, наверное все его жители покинули

свои дома, что бы погулять в центре города. Когда Сибрис и Илаей покидали площадь, там начали разжигать главный костер и выбраться верхом из уплотняющейся с каждой минутой толпы было не просто.

Проезжая около одного из домов они спросили сидящую на крыльце старуху, как найти дом Беспалого и та указала им на небольшой кособокий домишко в самом конце улицы.

При ближайшем рассмотрении дом казался не жилым. Заколоченные окна нижнего этажа, покосившаяся дверь, трещина пролегающая от фундамента до самой крыши. Всадники переглянулись, им обоим хотелось задать вопрос, а не напутала ли чего старуха указавшая им на эту развалину. Но в сумерках, стремительно опускавшихся на улицу позади них, уже нельзя было увидеть сидит ли все еще та женщина на своем крыльце или нет. Темнело. Небо, со стороны площади, окрасилось тревожным рыжеватым сполохом и тут же до путешественников долетел гул радостных криков.

— Похоже самое главное действие уже началось. — прокомментировала Сибрис.

— Ну да, костер Шута. — будто в подтверждение слов Илаи в воздух, взрываясь громкими хлопками, взметнулись огни шутих, оставляя за собой разноцветные зигзагообразные хвосты. Лицо Сибрис вдруг стало зеленым, как у мертвеца, рыжие волосы Илаи вспыхнули будто кровь — все это была призрачная игра огней фейерверков.

На стук долго никто не открывал, потом дверь отворилась и на пороге показался сам хозяин дома.

— Чего вам, добрые люди?

Диего был лысеющим жилистым мужчиной среднего роста. На нем была плотная зеленая блуза, потертый кожаный жилет, и короткие штаны неопределенного цвета. В руке Беспалый держал маленький подсвечник с коптящей сальной свечой. Мужчина недоверчиво прищурился, разглядывая поздних гостей.

На свою кухню Диего был совсем непохож. Услышав, что путники ищут ночлег, и что это Марта посоветовала им обратиться к нему, Диего расплылся в угодливой улыбке:

— Всего четыре золотых, друзья мои, и мой дом к вашим услугам.

— Марта сказала три! — с напором сказала Сибрис.

Диего пожевал тонкие губы, задумчиво насупил брови и вновь заулыбался:

— Что же, ладно! Пусть будет три, ведь друзья Марты мои друзья. Дружба, она ведь, дороже золота не так ли? — и, не дождавшись ответа, продолжил.

— Я смотрю у вас лошади. Придется вам, господа, обогнуть улицу с другой стороны, там находятся ворота ведущие во внутренний двор моего скромного имения. Сейчас я пойду их открою. Буду ждать вас там, поторопитесь. — и Беспалый скрылся в доме, сильно хлопнув напоследок входной дверью.

— Что-то этот Диего мне совершенно не нравится. — сказал Илая пока они огибали улицу.

— А как может нравиться мужик, который просит три золотых монеты за постой в такой-то развалюхе?! — согласилась Сибрис. — Но выбор у нас не велик, разве, что провести ночь на улице в незнакомом городе, где половина горожан уже перепилась, а вторая только собирается это сделать.

— Согласен, эта идея не из лучших.

Они увидели хозяина дома из далека, он стоял у ворот и активно делал призывные знаки.

— Не хочу, что бы соседи знали, что у меня гости. — пояснил он обеспокоенным

тоном. — Вокруг сплошное завистливое отребье.

Сибрис спешила и передала Беспалому три золотых монеты, тот быстро проверив их на зуб, довольно улыбнулся и спрятал в карман жилета.

— Коней можете отвести в стойло, там есть сено и кадка с водой, а потом добро пожаловать ко мне.

Расседлав коней и дав им поесть и напиться Илая и Сибрис направились через небольшой заросший травой дворик к дому. С этой стороны дом выглядел куда лучше, чем с фасада выходящего на улицу красильщиков. Было понятно, что хозяин его был не только скареден, но еще и весьма скрытен. Они прошли со двора прямо на кухню. Хозяин дома уже суетился накрывая на стол.

— Я подумал, что вы можете быть голодны, а у меня кое-что осталось после ужина.

Кое-чем оказалось ветчина, десяток вареных в крутую яиц, половина белоснежного пшеничного каравая и пыльная бутылка вина.

— Присаживайтесь, господа, прошу вас! Я тут позволил себе достать бутылочку отличного розового вина, которое делает мой шурин, у него виноградник в долине. Предлагаю выпить по чарочке. Так сказать за знакомство или в честь праздника, как вам будет угодно.

Мужчина разлил вино по металлическим чаркам и подал гостям. Он выпил свою чарку первый и довольно причмокнув сказал:

— Прошлый год действительно был удачный, вино что надо!

Илае и Сибрис ничего не оставалось делать как присесть за стол последовать примеру хозяина.

Диего был весьма охоч до вина и болтовни. Он рассказывал занятные истории из своей жизни, посвятил их в свежие новости и сплетни города и не забывал подливать вино в чарки своих "любезных" гостей. Илае стало казаться, что этот человек самый распрекрасный хозяин в мире, такой гостеприимный, такой щедрый, приятный малый, и байки у него такие забавные! Ну разве, что совсем чуток скуповат, но это понять можно, дому-то требуется ремонт, а ремонт дело не из дешевых. А соседи у него видимо и в правду дрянь если не разглядели такого милого человека живущего с ними рядом. Тут краем глаза Илая начал замечать странное поведение огня в камине, прежде горевший ровно, тот вдруг мигнул изогнув языки пламени, а еще, кажется, по полу потянуло сквозняком. Странно это, ведь дверь на улицу была закрыта. Сибрис, сидевшая по ту сторону стола, что-то неразборчиво произнесла и вдруг осела, уронив голову и руку с чаркой на стол. Чарка выскользнула из ее пальцев и покатила по столу, оставляя мокрый след. Илая удивленно посмотрел сначала на Сибрис, потом на Диего, тот будто не замечая продолжал рассказывать что-то свое, а потом столешница стала стремительно приближаться к лицу Илаи и он понял, что не может ни говорить ни двигаться.

— Фуух! — донеслось из-за спины. — Я думала они никогда уже не вырубятся.

Голос произнесший эти слова был странно знаком Илае. Кто-то подошел к нему сзади и рывком поднял его голову, ухватив за волосы. В лицо юноши заглянула давешняя знакомая — жена зеленщика Марта. Теперь женщина была совершенно не похожа на милую краснощекую матрону, которую они повстречали на въезде в город. Марта, или как там ее звали по настоящему, смыла грим, делавший ее лицо румяным, достала из-за щек комки ваты, которые она туда подложила, чтобы лицо казалось пухлым, волосы ее теперь были другого цвета и собраны в тугой пучок на затылке.

— Чего сидишь, дурень? — злобно зашипела она на Диего. — Обыщи этого парня, а я займусь девчонкой.

Она отпустила волосы Илаи и его голова снова стукнулась о стол, но теперь ему была видна Сибрис и женщина, ловко шарящая у нее по одежде.

— А вот и золотишко! — гнусно ухмыльнувшись сказала воровка, срезая кошелек с пояса девушки. — Уж я тебя выпотрошу, госпожа хорошая! — она со злостью грубо пнула, не способную дать отпор Сибрис.

Как же Илае в этот момент захотелось вскочить со своего места и ответить этой твари. Ярость клокочущей волной подступила к горлу, перед глазами встала розовая пелена, мир дрогнул и тихонько зазвенел. На плечо юноши ласково опустилась чья-то крепкая рука. Илая вдруг почувствовал невероятную легкость и прилив сил, мгновение и он уже стоял на ногах. Одновременно с этим он своими глазами видел как все еще продолжает лежать на столе. Видел как его застывший взгляд направлен в сторону такой же застывшей Сибрис. Застывшая воровка, склонилась над рассыпавшимися из кошелька монетами, ее подельник начавший подниматься со своего места, тоже застыл в нелепой позе, в печи застыло пламя, капля вина застыла в полете сорвавшись со стола, в комнате казалось застыл даже воздух. Застыло все, даже время.

— Не плохой фокус, верно? — донеслось из-за спины.

Илая обернулся и увидел что в комнате находятся еще трое людей. Знакомых ему людей. Одним из присутствующих был комедиант игравший этим вечером шута на площади, он все еще был в сценическом образе, его лицо все так же скрывала широко улыбающаяся красноносая маска. Двумя другими были слепая старуха, торговавшая сладостями на площади, и ее внучка.

— Кто вы? — хрипло прошептал потрясенный происходящим Илая.

— Друзья. — коротко ответил комедиант. — Можешь звать меня Шут, старуху Сивиллой, а малышку мы называем Голос. Мы — Хранители, и пришли, что бы предупредить тебя Илая даханавар. Разговор будет долгим, прямо как эта ночь, посвященная мне! Так что располагайся поудобнее. — Шут щелкнул пальцами и деревянный табурет, находившийся прежде под задом Диего, переместился прямо к Илае. Илая присел, дав понять, что готов слушать.

3

Эти трое стоящие перед ним, в чьей власти само время, чего они от него хотят? Эта мысль билась в сознании Илаи, как угодившая в силки птица.

— Но, почему вы здесь? Что вам нужно? Что вообще здесь происходит?

— Оооо, как много вопросов! — протянул Шут. — Ну что же, все предельно просто, эта женщина, которую ты знаешь, как зеленщицу Марту, главарь шайки отпетых грабителей и убийц. А вы двое могли бы стать очередными ее жертвами. Ваши чарки были смазаны сильнодействующим ядом и если бы не наше своевременное вмешательство вы были бы уже мертвы.

— Но...? — Илая желал более подробных разъяснений.

— Но, это не входило в мои планы. — ответил Шут. — Помнишь те сладкие леденцы, которые ты получил в дар от этих прекрасных леди? Они содержали противоядие, благодаря им ты и твоя подруга до сих пор живы.

— Благодарю вас! — Илая был удивлен, смущен и признателен этой странной троице. — Выходит я и Сибрис обязаны вам жизнью. Но почему вы решили нам помочь?

— Скажем так, мертвецу нет дела до пророчества.

— Какого еще пророчества? — удивился Илая.

— Ах, ну да, откуда тебе знать?! — Шут с явно наигранной досадой стукнул себя по белому деревянному лбу маски.

— Пророчество, от первого последнему, я здесь чтобы передать его тебе, юноша. — вступила в разговор слепая старуха, которую комедиант назвал Сивиллой. — Я получила его от самого первого даханавара, когда была еще совсем юной девочкой, мне пришлось ждать этого момента почти две тысячи лет. Признаюсь, я очень устала.

— А я не мог позволить, что бы ожидание моей дорогой подруги оказалось напрасным из-за вмешательства жалкой воровки. — подтвердил мужчина в шутовской маске.

— Слушай внимательно Илая даханавар! — женщина приблизилась к нему почти вплотную, ее слепые глаза, казалось смотрели в самую душу Илаи. — Первый, чье имя Самаэль Ренегат, Кровавый Перерожденец, Хранитель Границ, тот кто познал тьму смерти и свет жизни, завещает тебе, последний из грядущих: **В ЧАС ВЕЛИКОЙ ЖЕРТВЫ ПОЛОЖ СЛОВА НА ЛЬЮЩИЙСЯ СВЕТ!**

— Слова на свет..., но как такое возможно? И почему вы называете меня последним?

— Об этом я ничего не знаю. — ответила Сивилла.

— Похоже эту загадку тебе придется решать самому. — поддержал женщину Шут.

Мужчина в маске шута, неспешно прошелся по комнате, он обогнул стол, вокруг которого, словно мошки увязшие в меду, застыли люди. Легким касанием ладони он толкнул в спину Диего Беспалого — вероломного хозяина этого дома, мужчина покачнулся, теряя равновесие он упал на липкий дощатый пол, так и не изменив своей позы. Шут, переступив через упавшего, приблизился к ложной зеленщице Марте. К этой женщине он проявил намного больше интереса. Он заглянул оцепеневшей разбойнице в лицо, на нем застыло выражение жестокого превосходства, в глазах все еще светился огонек алчности, вспыхнувший при виде монет, рассыпавшихся по столу. Шут протянул руку к ее лицу и убрал прилипшую ко вспотевшему лбу прядь волос, выбившуюся из гладкой прически. Сокрушенно покачав головой, будто укоряя женщину, он ласково и вкрадчиво зашептал ей на ухо:

— Ай-ай-ай, Агнесса, неумная жадность совсем повредила твои мозги! Разве ты не знаешь, что не хорошо прикрывать злые намерения под маской добропорядочной матроны, да еще в такой день! Сегодня личины надевают, чтобы обличить самое дурное в своем характере, обличить и избавиться, сжигая зло в полночном огне. Но я вижу в твоих глазах совсем другое пламя — пламя тьмы! Так не пойдет, дорогая, совсем не пойдет. — он обернулся к девочке по имени Голос, которая все еще держала в одной руке зайца, а в другой морщинистую ладонь своей бабки Сивиллы.

— Дитя, — нежно позвал Шут, — подойди ко мне.

Внучка посмотрела на бабушку, и та кивнула ей, что бы та выполнила просьбу Шута. Девочка послушно подошла. Шут вынул из руки Марты-Агнессы нож, которым та бойко орудовала прежде, срезая с пояса Сибрис кошелек, и протянул малышке.

— Вот возьми это, а я пока подержу твоего ушастого друга. Ты же разрешишь мне его подержать?

Девочка посмотрела огромными ясными глазами сначала на игрушку, потом на протянутый костяной рукоятью к ней широкий нож и кивнула. Шут бережно взял игрушку на руки, Илае показалось, что улыбка его маски стала еще шире. Он удовлетворенно кивнул, потом взял разбойницу за правую руку и потянул ее на себя, опуская ладонью на стол. На

указательном пальце женщины блеснуло кольцо. Шут повернувшись к Илае произнес:

— Эти двое — он кивнул на лежащего у стола Диего, — не единственные, кто прячется в доме, на втором этаже притаилось еще пятеро головорезов, так что послушай моего совета и не рискуй! Сейчас я верну реку времени в её привычное русло и у тебя будет не более пары минут, так что не мешкай. Забирай свою девчонку и убирайтесь отсюда, как можно скорее. Уходите из города сегодня же ночью, не останавливайтесь пока не достигнете гор.

Шут вновь повернулся к девочку которую назвал Голос и сказал:

— Дорогая, научи, пожалуйста, нашего друга Слову.

Девочка радостно улыбнулась, будто только и ждала что ее об этом попросят.

— МАЙЯ! — звонко выкрикнуло дитя и вонзило нож прямо в кисть разбойницы. Лезвие глубоко вошло, рассекая плоть и дерево, намертво пригвождая ее к поверхности стола.

Трое ночных посетителей исчезли, будто морок.

Брызнула горячая алая кровь, размораживая застывшее время. Илая вновь стал един со своим телом, он встряхнул головой отгоняя остатки наваждения и тут же вскочил из-за стола. Сибрис только начала приходить в себя она приподняла голову над столом, взирая на окружающий мир осоловелыми затуманенными от яда глазами, и ее тут же вытошнило густой и зеленой от желчи рвотой.

Расторможенная Агнесса-Марта дернулась, и жутко закричала. Она увидела, что стало с ее рукой. На полу барахтался и кряхтел, пытаясь подняться на ноги, ее подельник. Над головой Илаи, послышался шум опрокидываемой мебели и спешный топот пяти пар ног. Со второго этажа на помощь своей атаманше спешили головорезы.

Илая стремительно перемахнул через стол, громко выкрикнув:

— Сибрис, уходим!

Он подхватил девушку, все еще плохо соображающую, что происходит, и бросился к двери, крепко прижимая подругу к себе. Они вывалились во двор. Илая лихорадочно шарил глазами вокруг, чувствуя спиной и затылком близость неприятеля. Их лошади и весь их скарб, были теперь не доступны, но к счастью под деревом росшем на углу дома, скрытый густой тенью, был привязан вороной жеребец, которого Илая не заметил там раньше. Юноша кинулся к нему. Ухватившись за луку седла, Илая взлетел коню на спину, помог Сибрис забраться позади себя и направил коня к воротам. Это было очень вовремя, потому как за его спиной раздался грохот срываемой с петель двери. Это спустившиеся и увидевшие, что стало с их атаманшей, бандиты ринулись вслед за ускользящей жертвой.

Возле самых ворот Илая поднял жеребца на дыбы, больно ударив его пятками по бокам. Илая заставил животное сильным ударом передних копыт сломать запор на воротах. Вылетев на безлюдную, тонущую в предрассветном мраке улицу, Илая погнал коня в бешеном галопе по затихшему городу. Сзади вслед ему неслись гневные окрики и грязная брань, неудавшейся погони. Мимо плеча даже пару раз просвистели пущенные вслед беглецам стрелы.

Мимо пролетали спящие дома горожан с подслеповатыми темнеющими окошками и низко нависшими замшелыми черепичными крышами. Тенты из ткани в полоску над широкими окнами закрытых лавок, вывески над укрепленными железными полосами дверями, мелькали по обе стороны улиц, по которым несся крупный черный жеребец. Тут молот и наковальня — обитель кузнеца, напротив в двадцати шагах ножницы и нитки — лавка портного, а там дальше ступка пестик и зеленый лист — там живет травник-аптекарь. Возле стен бочки: пустые и наполненные дождевой водой. Мостовую покрывает мелкий сор

ярких конфетти и осколки разбитых бутылок из под вина — последствия бурного праздника захватившего город накануне. Вот одинокое колесо от телеги, а вот и она сама — старая и скособоченная, будто давным-давно стоит под этим дощатым навесом, дожидаясь хозяина. В подворотнях высятся горы хлама и какие-то ящики составленные один на другой, покрытые обрывками грязной дерюги. Звонящую тишину разрывает только стук копыт. Они так и не встретили ни одного человека на улице, ни одной бродячей собаки или хотя бы кошки, на худой конец, крысы! Город Тариза будто бы вымер.

Илая не знал куда несет его разгоряченный жеребец. Пролетая мимо колодца, стоящего на скрещении трех улиц он почувствовал, как руки Сибрис обнимающие его за талию начали соскальзывать. Ослабевшая от яда, девушка заваливалась кренясь на бок. Она могла упасть с коня и разбиться. Илая придержал подругу от рокового падения и остановил скакуна. Он спешил, привязав коня к колодезному журавлю и помог Сибрис спуститься. Её снова вырвало. Илая усадил подругу на холодный камень мостовой, спиной прислонив ее к стенке колодца. Вытащив ведро с водой, Илая стал поить ею Сибрис, обилие воды помогло прочистить желудок девушки. Сибрис вырвало еще несколько раз и ей заметно полегчало. Даже при скудном свете ночного светила стало видно, как с лица девушки уходит желто-зеленый нездоровый оттенок. Глаза ее прояснились и взгляд стал более осмысленным.

— Спасибо! — прохрипела Сибрис, желчь обожгла ей горло и теперь ей было тяжело говорить.

— Я уж боялся тебе конец, подруга. — с облегчением произнес Илая.

Он влажным платком отирал Сибрис испачканое лицо и одежду. Куртка на девушке и тонкая исподняя рубаша под ней были распороты грабительницей, которая искала припрятанные под одеждой у девушки ценности. Разрез оголил крепкую маленькую грудь Сибрис с тугой вишенкой розового соска и ее упругий живот, на котором вился тонкой белой нитью старый шрам. Илая стараясь привести подругу в порядок, сначала даже не обратил внимания как глубоко его рука с влажным платком проникла под испорченную одежду. Осознав, что его ладонь находится прямо под правой грудью девушки Илая смутился и отдернул руку. на него накатила волна жара, а лицо и шея покраснели, как маков цвет.

— П-п-прости. — пробормотав он заикаясь от смущения. — Это не то, что ты подумала, просто я хотел...

Сибрис положила свою прохладную подрагивающую ладонь ему на плечо.

— Не волнуйся, ты сделал все правильно. Я знаю, что ты просто хотел мне помочь и мне уже правда намного лучше. Спасибо, что спас мне жизнь. — прошептала она и притянула его к себе, ласково поцеловав в щеку. Потом стянула на груди порванную одежду, пытаясь придать себе хоть немного приличный вид и спросила, будто ничего не произошло:

— У тебя есть булавка или что-либо в этом роде?

Илая не мог говорить, после нежного прикосновения девичьих губ к его горячей от стыда щеке, сперло дыхание и пересохло во рту, поэтому он просто кивнул и, отстегнув бронзовую фибулу для плаща с плеча своей куртки. Молча он протянул ее Сибрис. Девушка туго сколола расходящиеся края одежды прямо под грудью, от чего стиснула ее еще больше, чем прежде, заставив появиться в разрезе два соблазнительных белых холма. Смотреть на подобное у Илаи не было сил, он уже и так чувствовал, что кожаные штаны на нем определенно слишком узкие. Злясь на себя, он поднялся и начал отвязывать коня — пора было выбираться из этого города. Сибрис тоже поднялась на ноги поправляя свою одежду.

— Прости меня, Илая, это я виновата. Я совсем не заметила подвоха, в этом

предложении о ночлеге. Мне стоило догадаться, как только мы увидели этот дом...

— Не вини себя, Сибрис, возможно, по другому и быть не могло.

— Что ты хочешь этим сказать? — удивилась она.

Илая рассказал ей все, что произошло в том доме: и про яд, и про странную троицу, и про непонятное пророчество. Когда Сибрис садилась на коня, Илая попросил ее сесть спереди. Объяснил это тем, что так точно не позволит ей упасть. Настоящей причиной этой просьбы было то, что знание того, как ее почти обнаженная грудь будет прижиматься к его спине, не позволит Илае мыслить рассудительно. Илая был обескуражен, ведь еще несколько часов назад, наблюдая за почти голой актрисой на площадной сцене, он не испытывал таких бурных чувств. И этот поцелуй, юноше казалось, что он все еще чувствует его тепло на своей щеке...

— Ты вообще слушаешь, о чем я говорю? — возмутилась Сибрис, обернувшись через плечо.

— А?! Да, прости, просто немного задумался. — Илая отвлекся от поглотивших его мыслей.

— Я говорю, эта девочка — Голос, она произнесла Слово, использовала простое, даже новичкам доступное заклинание иллюзии. Я это проходила в академии, мы часто использовали его, что бы что-нибудь незаметно сделать. Но это заклинание не останавливает время, тем более, оно длится всего краткий миг, а никак ни всю ночь. Это очень не обычное применение стандартного заклинания иллюзии. Возможно это зависит от суггестора, его силы силы воздействия на реципиентов, интересно... — Сибрис задумалась.

Сибрис потеряла свой дар, бросила обучение в академии, но она все еще была магом и думала как маг, сталкиваясь с чем-то не обычным, а произошедшее ночью было крайне необычно.

— А пророчество, что ты думаешь о нем? — спросил Илая. Он мало что понял из того, что девушка только что сказала, но у него и без выяснения значения странных слов, было много вопросов к Сибрис. Просто он не знал с какого из них лучше начать.

— Если честно, я первый раз слышу о подобном пророчестве, тем более о пророчестве даханаваров, возможно более подробно о нем мы сможем узнать, когда прибудем в Обитель. Могу сказать лишь то, что эта малышка — Голос, назвала тебе одно из так называемых Слов. Это базовые заклинания, но одновременно это еще и очень важные понятия описывающие наш мир. Вижу, тебе тяжело меня понять. — Илая и хотел бы ответить отрицательно, неудобно было чувствовать себя в дураках, но с другой стороны, он ехал в горную обитель братства, чтобы учиться, так почему бы не начать сейчас.

— А ты попробуй мне объяснить, только без этих гесторов и циполентов. — попросил он подругу.

Сибрис тихонько засмеялась.

— Ну хорошо. Вот только не гестор, суггестор — тот кто хочет оказать влияние на другого своей волей, подчинить его, а реципиент — тот, кто это влияние воспринимает и подчиняется.

— А, ну так то понятней! Это значит маг заклинание произнесет, а человек ему сразу во всем послушен станет. Верно?

— Ну, почти. А вот то Слово, тебе лучше запомнить, возможно именно его подразумевает пророчество. Оно означает — «иллюзия», «видимость». В академии нам говорили, что в мире рассеяна особая сила или можешь назвать ее энергией, которая может

как творить так и разрушать. Особенно хорошо она подчиняется магиям, мы завеем ее шакти. Говорят она одновременно скрывает истинную природу мира и обеспечивает многообразие его проявлений.

— Это похоже на то, что святоши рассказывают о Милосердной Деве, в своих храмах в начале каждой недели? — с интересом спросил Илая.

— Да, но только отчасти. Я бы сказала, что в храмах эти знания преподают слишком уж упрощенно. — Сибрис пожала плечами. — В обще-то в академии тоже не каждому доступны книги рассказывающие о подобных вещах.

— Тогда как ты об этом узнала? — поинтересовался Илая.

— Я была очень непослушной студенткой, любила совать нос куда не следует, особенно если это касалось запрещенных книг. — загадочно улыбнулась Сибрис и вздохнула.

Илае показалось этот вздох прозвучал несколько печально, но он не стал прерывать девушку, боясь, что та больше ничего ему не расскажет. Слушать Илае было интересно.

— Ну так вот, — продолжала объяснять Сибрис, — Человек из-за своего неведения строит в уме ложное представление о существующем мире, такое представление о мире является майей. Она как будто бы пелена, которая отделяет нас от реальной сути вещей. Эта пелена, или завеса — это ложное восприятие мира, который делится в умах людей на плохое и хорошее, белое и черное, свет и тьму. А еще это ложное мнение о том, что природа вещей в этом мире постоянна. В своей сути все явления лишены постоянной природы, но желания человека приводят к возникновению бесконечного многообразия мира, которое состоит из различий, которых по сути то и нет.

— Тогда эта майя похожа на облака в летний день. — проговорил Илая задумчиво. — Вот так лежишь смотришь на них, а очертания облаков постоянно меняются, да и сами облака еще днем белые и пушистые уже к вечеру соберутся в серые тучи и пойдет дождь.

— Молодец, Илая ты совершенно прав! Если бы у тебя был волшебный дар, тебе бы стоило попробовать стать магом. — похвалила юношу Сибрис.

Илае стало очень приятно. Оказывается магия не такая уж и сложная наука, подумал он.

Пока у них шла беседа, конь принес их к городским воротам. Это были не те ворота, через которые они утром вошли в город — эти открывали путь ведущий в горы.

На нетерпеливый стук из караульного помещения высунулась заспанная физиономия стражника.

— Чаво надо? — недовольно поинтересовался он.

— Мы хотели бы покинуть город. — начал Илая.

— Жди до рассвета, вот как рассветет, тогда и выпущу!

Стражник уже собрался вновь скрыться, видимо ему еще хотелось выспаться после вчерашних гуляний. Илая не мог объяснить потом Сибрис, что его заставило сделать то, что он сделал, но он вновь окликнул стражника:

— Эй, любезный, так уже расцвело, не ужели вам оттуда совсем этого не видно, солнце встало из-за горизонта, похоже вы проспали рассвет!

И в тот момент, когда когда вышедший на стену стражник поднял глаза к небу, которое все еще было окрашено в лилово-серые тона предрассветных сумерек, Илая выкрикнул:

— МАЙЯ!

Мир на самую маленькую долю секунды замер и вновь ожил, оторопело глядя то на ранних путников у ворот, то на небо, стражник пролепетал:

— И правда, сударь, уж расцвело. — и причитая со словами "ой, я дурак, проспал,

совсем проспал!" и "кабы комендант не прознал, он с меня шкуру спустит, как пить дать, спустит!", стражник запустил отпирающий городские ворота механизм.

Когда большие деревянные створки открылись достаточно, что бы мог проехать всадник, Илая пришпорил коня и тот вынес их с Сибрис за пределы, крепко спящего после праздничной недели города. На горизонте, будто приветствуя несущихся галопом по дороге всадников, блеснул первый лучик солнца, предрекая рассвет нового дня.

Даханавар. Аталасские горы

Даханавар. Часть Четвертая. Аталасские горы.

Тень высокой горы далеко падает. (корейская пословица)

1

Когда золотисто-белый солнечный диск достиг середины неба, конь, несший на своей спине двух всадников, внезапно споткнулся. Сбившиеся с ритма бешеного галопа, его передние ноги подломились и жеребец начал заваливаться вперед. Наездники едва успели спешиться, как животное, жалобно заржав, упало на землю в полном изнеможении. Карие глаза жеребца затягивала мутная пелена, а взмыленные бока судорожно и прерывисто вздымались в такт тяжелому и хриплому дыханию.

Сибрис крепко прижалась к Илае. Девушка искала защиты и поддержки в его, окрепших от частых упражнений с мечом, объятьях. В ее серых глазах, смотревших на околевающее животное, которое было единственной их надеждой и богатством, застыл немой вопрос: "Что же теперь?!"

Вокруг них до самых скалистых горных пиков простиралась степь. Где-то справа, меж обрывистых берегов, несла свои бурные воды река. Теперь город, который им пришлось так спешно покинуть, виднелся лишь розовым пятнышком, тонущем в серебристом мареве горизонта. На древней карте, которую Илая получил в наследство от даханавара Шамиля, город Тариза, почти вплотную примыкал к горному кряжу, но на деле, Аталасские горы отгородились от всего остального мира широким участком степи. Степь, о которой путешественники знали слишком мало. Степь, которую картографы на своих пергаментных картах отмечали человеческим черепом — знаком мертвых земель. Место несущее погибель, о котором не говорили даже те, кто проживал у его границы. Проклятое место. Забытое. Место, где путешественник, потерявший провизию и скакуна, обречен на печальный конец.

Земля здесь была каменистой и белесой, иссушенная солнцем до глубоких трещин, она была покрыта пылью. Сквозь трещины и пыль к солнцу пробивалась неказистая растительность: высокие и толстые стебли бурой клин-травы, покрытые жесткими заостренными короткими листьями; ядовито-зелеными пятнами, будто кожная болячка, по каменистой почве разрослась камнеломка. Иногда, подпрыгивая на камнях, дорогу пересекал высохший шар перекасти-поля. Здесь так же водилась весьма малопривлекательная живность: скорпионы, ящерицы и змеи, а иногда в земле встречались глубокие норы затянутые густой липкой паутиной — в них, ожидая очередную жертву, затаились песчаные тарантулы. Но самым неприятными в этой степи были места, где земля была похожа на зеленоватый лед. Будто кто-то влил в почву островки стекла. Каждый житель континента знал, будь это человек или зверь, что подобные стеклянные озерца следует обходить стороной. К великому сожалению, местоположение этих "ледышек", как их прозвали в народе, нельзя было предугадать. "Ледышки", были горьким эхом древних магических войн, и они мигрировали.

Они то появлялись, то исчезали, иногда возникая и исчезая всего за одну ночь. Зачастую, их можно было встретить появлялись на полях, где ранее происходили сражения и земля впитала кровь сотен павших воинов. Но иногда эта напасть возникала в самом центре крестьянских угодий, уничтожая скот и урожай, обрекая жителей тех мест на голод и нужду. Из-за стеклянной красоты "ледышек" погибло немало любопытных, привлеченных их

блеском. Но под этим тонким, блестящим слоем скрывалась ловушка — древняя и опасная, для всего живого. Остаточное воздействие смертоносных заклятий боевых магов все еще таилась под землей полей, где шли тысячелетия назад великие сражения. Там где их концентрация достигала максимума, на поверхности появлялись "ледышки" и стоило неосторожному зверю или человеку нарушить тонкий стеклянный покров, как дремавшая веками магическая мощь, мгновенно высвобождалась, разрывая несчастного на куски, которые тут же истлевали и превращались в жирный серый прах.

Здесь, в этой проклятой степи, подобные ледышки попадались на каждом шагу. Одно из скоплений таких ледышек было невероятно большим и пролегло оно прямо по дороге, по которой следовали юный даханавар и его подруга, отрезая им простой и легкий путь к горам. Путникам предстояло найти другой способ добраться в горы.

Сибрис попросила Илаю достать из сумки карту — ей надо было свериться с маршрутом.

— Демоны! Сколько же лет этой карте?! — сокрушаясь воскликнула она, — Тут ничего не сказано, о том, что это место настолько опасно! Хотя... — она всмотрелась в руны нанесенные картографом над схематическим отображением предгорья.

— Ну же, не томи! — выдохнул Илая, заглядывая девушке через плечо и пытаясь понять, что же такого обнадеживающего она смогла рассмотреть.

— Вот тут, — Сибрис ткнула пальцем в маленькую дугу перечеркивающую чернильную кривую реки. — думаю, это мост. Конечно, он очень старый и приведет нас в земли харемов, о которых мне почти ничего не известно, кроме того, что они не любят чужаков и ревностно блюдут свои границы. Раз в год, в день осеннего равноденствия, они спускаются из своих горных селений в долину что бы привезти на рынок Таризы шерсть тонкорунных горных коз и обменять её на зерно и прочие нужные им товары. Харемы — потомки изгнанников. После победы Королевств над Империей некромантов, многие имперские маги и аристократы, лояльные политике империи, предпочли рабству и смертной казни побег в горы. Хар — означает "запретный" или "нечистый". Как ты понимаешь, Илая, рады нам, людям долины, они скорее всего не будут. Но выбора у нас нет. — Сибрис вновь печально посмотрела на тянущееся до горизонта блестящее скопление смертоносных ловушек.

— Нам стоит попытаться добраться до этого моста и уговорить харемов нам помочь. Что у тебя осталось в поясной сумке? — девушка с надеждой посмотрела на Илаю. — Может там найдется, что —нибудь достаточно ценное, что бы мы могли обменять это на провизию, и хотя бы одно теплое одеяло, раз уж в городе нам не повезло.

Они присели на дорогу, прямо в пыль, Илая расстегнул ремешок на поясной сумке и высыпал ее содержимое перед собой. На землю выкатились несколько медных монеток, блеснув красноватым ребром на солнце.

— Не так уж и много. — со вздохом произнес он.

Кроме монет их "богатство" составили: огниво, трут, кусочек кремния, пара чистых бинтов, скляночка с едкой заживляющей мазью, уже пустая более чем на две трети, клубок серебристой шерсти, подаренный матушкой Иеле, обсидиановые четки, черные и отполированные от частых прикосновений и маленькая бронзовая сфера, покрытая густым руническим узором.

— Ух, ты! — воскликнула Сибрис, взяв сферу в руки, — Илая, ты даже не представляешь, как нам повезло! Почему ты прежде не сказал мне, что у тебя есть Звезда?

— Звезда? — юноша удивился. — Это ты так называешь этот шарик?

— Дурачок! — Сибрис рассмеялась. — Это не шарик, а мощный магический артефакт, очень редкий и дорогой, кстати. Так Шамиль тебе о нем ничего не рассказывал?

— Нет, но я помню, как ночь нашей встречи, в подземелье, он доставал его и использовал как источник света.

— Ну, если лесной пожар можно назвать костром, то Звезда, конечно просто источник света. — Сибрис провела по рунам на сфере кончиками пальцев и прикрыв глаза замерла на пару мгновений. Выдохнув она проговорила, но голос ее звучал уже не так бодро, как прежде.

— Понимаю... Она почти разряжена, теперь ее силы действительно не хватит на что-либо большее, чем просто заклятие света.

— Как ты это поняла? — удивился юноша.

— Да как обычно. — Сибрис пожала плечами — просто использовала магическое зрение... — в этот момент девушка осеклась и прикрыла рот рукой, сдерживая вопль удивления.

На немой вопрос парня, она часто-часто закивала головой, в её увлажнившихся глазах Илая прочел удивление и восторг.

— Ты-ты-ты ты понимаешь, Илая?! Мой дар, он возвращается! Я смогла почувствовать, смогла увидеть.... думала уже никогда, никогда не смогу этого сделать!

Она радостно захлопала в ладоши, притянула юношу к себе и крепко чмокнула в щеку. Вся серьезность бывалого опытного бойца, независимой и гордой неприступной девы, вдруг слетели с Сибрис, как маска у которой лопнуло крепление. Илая увидел перед собой юную и озорную девчонку, такую нежную и ребячливую, такую счастливую, чистую и открытую, что его сердце сжалось в тугой комок и сладко заныло в груди. "Как же она прекрасна!", — подумал юноша, и подскочив со своего места, сжал Сибрис в крепких и нежных объятиях.

— Как же хорошо, Илая! Как хорошо! — Сибрис, вырвалась из его объятий и закружилась в танце, широко раскинув руки и поднимая ногами легкие облачка серой пыли. Её счастливые серые глаза блестели от слез.

Не замечая ничего вокруг, Сибрис едва не упала, зацепившись ногой о камень торчащий на обочине, но Илая вовремя ее подхватил.

— Эй, эй Сибрис, полегче, а то не ровен час упадешь и скатишься вниз угодив в "ледышку". — Илая кивнул на притаившуюся в зарослях блестящую зеленоватую ловушку. — А я пока еще не готов с тобой расставаться.

— Павда? — озорно спросила девушка.

— Правда. Мне очень бы пригодился в пути опытный маг, особенно, когда вокруг столько неизвестного.

— Только маг? — девушка, притворно обидевшись, надула губки.

Илая густо покраснел и выдавил:

— Ну и такой хороший попугачик, друг... - и еле слышно добавил. — Красавица.

Сибрис ловко выскользнула из его объятий и, оправив одежду, скомандовала:

— Тогда вперед, не будем мешкать, нам еще нужно добраться до моста и, желательно, до темноты. Не знаю как тебе, а мне тут совсем не хочется ночевать. — и она добавила, поёжившись. — У меня от этого места мурашки по телу бегут.

Оставив обессиленного, но всё ещё живого скакуна на дороге, путники устремились по боковому ответвлению пути на запад, к реке. Над её бурными потоками висело водяное марево, плотным щитом скрывая от глаз путешественников древний каменный мост.

Серо-черные, влажные от водяных брызг, камни были источены неумолимым временем, стерты сотнями тысяч ног путников, проходивших здесь века назад. Под каменным хребтом древнего сооружения бурлила и пенилась вокруг крутых порогов ледяная вода. Над мостом повис густой молочный туман. Мост действительно был очень старым — его левая сторона была повреждена. Часть этого каменного сооружения вместе с перилами обрушилась, навеки скрывшись в злобно клокочущем водовороте. Илае и Сибрис пришлось постараться пересекая опасный участок. Неосторожные путники легко могли сорваться в клокочущее водяное жерло, поскользнувшись на осклизлых камнях. Перебравшись на другой берег реки путники, с удовольствием повалились на густой ковёр мягкой зеленой травы. Этот берег разительно отличался от своего собрата. Высокая, шелковистая трава, горечавка, клевер, ромашки, васильки — жизнь расцветала на этом берегу буйным цветом.

Немного отдохнув, Илая сел, скрестив ноги, и спросил подругу, все еще отдыхавшую на благоуханной постели из цветов:

— Сибрис, почему так?

Не спеша открыть глаза девушка переспросила:

— Как так, Илая? Ты о чем?

— Почему на том берегу земля почти мертва, кругом "ледышки", а здесь все по иному?

— Ты сам ответил на свой вопрос, Илая, это последствие "ледышек".

— Да, но почему их нет на этом берегу?

— Ты правда не знаешь? — девушка искренне удивилась. — Это все из-за воды. Проточная вода — останавливает магические флюиды, блокирует их распространение. А здесь барьером для "ледышек" стала река.

Она тоже поднялась и села подогнув под себя колени.

— Знаешь, я все время забываю, что ты не знаком с магической наукой, а это ее азы, и я привыкла, что большинство моего окружения это знает. Знало..- поправила себя Сибрис. — я так много времени провела в Академии. Меня отдали в Академию как только мой дар стал проявляться. Долгие восемь лет обучения. — девушка вздохнула. — Я думала, что отныне вся моя жизнь будет проходить в ее стенах, ты ведь знаешь, маги живут по своим правилам. Это закрытое сообщество, куда обычным смертным нет входа.

— Ну, многие их ваших живут в городах, я видел магов в кварталах для богачей и аристократов. — возразил Илая.

— Не живут — гостят. И даже тогда, вдали от академического сообщества, маги предпочитают держаться обособленно, в кругу себе подобных.

Илая набрался решимости и задал вопрос, который мучал его с самого первого дня знакомства с Сибрис:

— Сибрис, тогда почему ты ушла из Академии, это все из-за потери дара, да? Что же с тобой произошло?

Девушка надолго замолчала, Илая уже был готов просить прощения у подруги за бестактный вопрос, но Сибрис начала говорить первой:

— Три года назад, во время летних каникул в Академии, я и еще четверо учеников, выкрали из библиотеки старинный фолиант, где говорилось о местонахождении Первой Палаты чародеев и о спрятанных там могущественных артефактах. Мы решили разыскать это место и добыть сокровища. — Сибрис покачала головой. — Но все пошло не по плану, вместо сокровищницы магов мы попали в очень древний храм, кишаций голодными демонами. Выбраться удалось только двоим Аларику и мне. Другие члены нашей группы —

погибли. Мы спаслись только благодаря тому, что Аларик был невероятно силен и смог сдерживать демонов круша их своим мечом, пока я соткала заклинание. Наше спасение дорого нам обошлось Аларик потерял руку в неравном бою, а я выгорела. Я думала, что потеряла свой дар навсегда. Так было до сегодняшнего дня. Тогда же мы оба покинули академию, Аларик уехал в Пушт, где нанялся к богатому негоцианту охранять торговые караваны, Ибрагиму ибн-Тахту. Через пол года он приехал в Конкордию, нашел меня в одном из захудалых кабаков Нанта, маленький и грязный городишка на севере конкордийских земель. Там я прозябала наемным дуэлянтом зарабатывая себе гроши на жизнь и крепкое вино, в котором по вечерам топила свою боль утраты и горечь позора. Аларик вернул меня к жизни, помог вспомнить кто я есть. Он увез меня в Пушт и вскоре я стала лучшей девушкой-мечницей на службе у господина Ибрагима. Еще два года мы охраняли караваны, а потом ибн-Тахт узнал о беде произошедшей с его братом, но эту историю ты уже знаешь... В итоге я оказалась в Мирцее и мне поручили сопровождать тебя в Обитель Братства.

— Прости, я не знал. — Илае было неловко, что он всколыхнул в девушке старые воспоминания, которые, как он видел все еще причиняют боль ее сердцу.

— Да ладно, — махнула рукой Сибрис. — Это уже прошлое, и я чувствую, что могу тебе его доверить.

На душе у Илаи потеплело от этих слов, между ним и этой храброй красавицей исчезла еще одна невидимая преграда. Он положил девушке на плечо ладонь и ободряюще сжав его, произнес:

— Сибрис, клянусь, ты можешь мне доверять. — в голосе Илаи заскользила легкая хрипотца от переполнявшего его волнения.

Девушка в ответ лишь загадочно улыбнулась.

Солнце уже клонилось к закату. Зависнув над западными хребтами гор, оно окрасило их снежные пики в нежные золотистые и розовые тона. Дорога по которой поднимались двое путешественников неуклонно вела вверх, в горы. Вскоре на горизонте замаячили островерхие крыши круглых домов харемов. В сгущавшихся сумерках путешественники приближались к деревне изгнанников.

2

Когда до ближайших домов оставалось не более двух сотен шагов, Сибрис остановила Илаю, крепко сжав его руку чуть повыше локтя. Заглянув в глаза юноше она обеспокоенно спросила его:

— Илая, тебе ничего не кажется странным?

— Станным? — переспросил тот.

— Ну да, странным. Здесь слишком тихо, из этой деревни не доносится ни человеческих голосов, ни блеяния скота, ни ржания лошадей, а ведь вокруг нет ничего что бы могло приглушить эти звуки и мы должны были слышать их еще шагов как сто назад.

— Действительно, здесь очень тихо. — согласился юноша и шумно втянул ноздрями воздух. — Пахнет дымом.

— Ого! — удивилась Сибрис, — Похоже Ихор улучшил не только твои рефлексy, но и обострил чувства. Илая, я просто хочу что бы ты был наготове если что-то пойдет не так.

То что, что-то пошло не так юноша и девушка поняли как только вошли в деревню и миновали первые пару домов. Их круглые бока сложенные из белесого камня скрывали масштабы разрушения постигшего остальную деревню. Кругом стояла мертвая тишина.

Дома, казавшиеся издали такими уютными и обитаемыми, при ближайшем рассмотрении оказались полуразрушенными хибарами. Многие из них, особенно те что в центре, пострадали от пожара, почти у всех были сорваны с петель или выломаны двери. В стенах каждого второго дома зияли обширные дыры, будто кто-то огромный и очень злой пробил их могучим кулаком, как тараном. Обнажив мечи, Илая и Сибрис медленно шли по единственной в деревне улице к ее центру. Когда они вышли к центру деревни, то увидели посреди круглой площади, прежде служившей местом общих деревенских сборов, остатки огромного погребального костра. Кости людей и животных перемешались скрытые серым пеплом и черной золой. На обугленных костях и черепках восседали, деловито роясь в прахе, жирные вороны. Их было так много, что останки людей были целиком скрыты под живым одеялом из клювов, когтей и перьев. Тишину вечного покоя нарушал мерзкий ритмичный звук — вороны дробили клювами кости усопших, в попытке добраться до сладкого костного мозга. Илая, всегда ненавидевший этих отвратительных птиц, поднял с земли обгоревшую головешку и запустил ею в самую гущу пирующих падальщиков. Птицы громко и противно закричали, выражая своё негодование и возмущение поступком юноши, а потом все разом сорвались с места своего пиршества и тысячеголовой стаей унеслись в закат.

Сибрис приблизилась к одному из домов, чьи стены были черны от опалившего их огня. Прикоснувшись к пятну копоти, она попыталась прочувствовать, что здесь произошло, но смогла лишь ощутить, что несчастье постигшее деревню харемов случилось чуть более двух недель назад и то, что природа огня ее уничтожившего не естественного происхождения.

— Я думаю это дело рук мага. — сказала девушка оттирая пучком травы жирную копоть с пальцев. — Магия огня оставила очень явный след. Этот маг силен, но ему явно не хватает опыта. Он истратил слишком много своих сил что бы устроить пожар уничтоживший эту деревню. Думаю, я могла бы узнать его, если бы встретила.

— Это правда, странник? Твоя подруга действительно может это сделать? — тоненький детский голосок донесся из темноты.

Сибрис и Илая мгновенно повернулись на звук, нацелив во тьму смертоносные острия клинков. Та, что задала свой вопрос, робко вышла на границу угасающего света дня. Миниатюрная худенькая фигурка в длинном черном замшевом платье. Лицо девочки было скрыто густой тенью от падающих на лоб длинных нечесанных волос.

— Кто ты, дитя, и что ты здесь делаешь? — удивленно спросил, появившуюся из развалин дома, девочку Илая.

Девочка тихо и загадочно ответила:

— Тот же вопрос я могла бы задать тебе, странник, но это уже не важно.

— Вот как? — удивилась Сибрис. — Ты здесь одна? Позови кого-нибудь из старших, нам нужно поговорить с ними.

Та ничего не ответила Сибрис, но продолжила разговор с Илаей.

— Деревня сожжена, странник, и всё чего я хочу это что бы кто-нибудь живой разделил со мною скорбь о погибших. Ты хочешь послушать мою песню прощания? — из складок одежды она достала игрушечный бубен и потрясла им над головой. Раздался мелодичный перезвон маленьких колокольчиков украшавших обод бубна. Девочка закачалась из стороны в сторону, явно готовясь запеть свою песню.

— Сибрис, опусти меч. — Илая полушепотом обратился к подруге, возвращая свой клинок в ножны. — Этот ребенок нам не враг, наверное, она единственная кто выжил и она, явно, не в себе. Мы должны позаботиться о ней.

Сибрис утвердительно кивнула. Она ласково улыбнулась девочке, протянула к ребенку руки, показывая, что той ничего не угрожает. Девушка уже хотела сделать шаг на встречу малышке, как сзади прозвучал полный отчаянья вопль:

— Нет!

Что-то стремительное и красное сорвалось с крыши ближайшего разрушенного дома, пронеслось мимо Сибрис и сбilo с ног юную певицу.

Теперь перед оторопевшими Илаей и Сибрис, рыча, воя и шипя в пыли и прахе по деревенской площади катался черно-красный клубок. Два существа сплелись в смертельной схватке.

Илая быстро пришел в себя от шока. Юноша кинулся что бы разнять дерущихся, но опоздал. Клубок замер и опал. Тот, кто прежде был в красном, тяжело дыша поднимался с земли, отирая кровь сочащуюся из глубокого пореза на щеке. Девочки с бубном нигде не было, на том месте, где должно было лежать её тело раскинулся красный шерстяной плащ незнакомца.

— Кто ты такой? Где ребенок? Отвечай немедленно или заплатишь жизнью! — Илая сбил человека с ног. Железной хваткой одной руки он сжал незнакомцу горло, другую сжав в кулак занес для удара.

В голубые глаза даханавара без страха и ненависти смотрела черноокая незнакомка. Она улыбнулась и едва слышно прохрипела:

— Ты хоть и даханавар, а дурак! Отпусти меня сейчас же! Это была ачери — голодный дух! Твоей подруге грозила неминуемая смерть стоило ей только прикоснуться к этому ребенку.

Сибрис присела рядом с Илаей и откинула полу сорванного с незнакомки плаща. Взорам обоих предстала жуткая правда — вместо ребенка они увидели пожелтевший от времени детский скелет, вместо платья истлевшее рубище.

Илая и Сибрис переглянулись.

— Отпусти её. — попросила даханавара Сибрис. — Она спасла мне жизнь.

Илая отпустил шею незнакомки и подал той руку, помогая встать с земли.

— Прости. — буркнул он, отводя глаза. — я не знал.

— Боги знали. — спокойно ответила незнакомка, потирая шею. — Идемте со мной, здесь не лучшее место, что бы оставаться после заката. Я отведу вас в свой дом, подальше от места, где все еще обитают духи моих мертвых соплеменников. Пока за их смерть не отомстят они не смогут обрести покой. Я бы не хотела сегодня встречаться с еще одной голодной душой.

Легкой походкой харемка направилась к противоположному от входа краю деревни. Миновав около десятка разрушенных домов, все трое вышли на тропинку, которая поднималась в гору. Тропинка причудливо петляла между камней, и уводила их все дальше от опустевшей деревни. После одного из крутых поворотов тройца оказалась на небольшом плато. В отвесной скале напротив, надежно скрытый от любопытных глаз, обнаружился проход в пещеру. Харемка скрылась за пологом из старой медвежьей шкуры, скрывавшей проход, жестом предлагая Илае и Сибрис следовать за ней. Всего десяток шагов темному проходу образованному трещиной в скальной породе и они оказались в просторной пещере. В центре пещеры был сложен каменный очаг, а в нем весело потрескивал сухими ветками огонь. Стены пещеры были укрыты шкурами коз, а на полу, вокруг очага, были расстелены плетенные из тростника циновки. В стенах были вырублены несколько ниш служивших

хозяйке пещеры спальным местом и местами хранения разной кухонной утвари и прочего нехитрого скарба.

Девушка подошла к одной из ниш и достала кувшин с водой. Стянув через голову порваную во время драки с ачери рубаху, она обильно смочила её край и отерла им лицо и шею от пыли и начавшей подсыхать крови. То, что при этом у неё оголился торс, харемку ничуть не смущало. Кожу на её груди и животе покрывала замысловатая вязь ритуальной татуировки.

— Меня зовут Ния. — представилась харемка, своим гостям, приложив руку к левой стороне груди.

На вид ей только-только исполнилось лет шестнадцать. Тонкие черты лица, кожа цвета топленого масла, худощавое гибкое тело и яркие, блестящие, как два полированных черных оникса, раскосые глаза. Девушка была настоящей красавицей. Она накинула на плечи жилет из пушистой рысьей шкуры, скрыв под ним красоту юного тела, и присела, скрестив стройные ноги, на циновку у огня. Илая и Сибрис последовали её примеру.

— Я последняя из рода шаманов и последняя оставшаяся в живых из племени речных харемов. Возможно вы слышали о нас. В долине нас знают как Людей Реки. И мне очень нужна ваша помощь. — произнесла Ния.

Илая понимающе кивнул головой и рыжая прядь упала ему на лоб. Сибрис взглянула на своего подопечного и сердце её встрепенулось. "Неужели этот добрый и смелый парень, к которому она прониклась всей душой, по окончании лунного месяца превратится в кровожадное чудовище?!"

Волосы Илай за последнее время сильно отросли и теперь юноше приходилось подвязывать их тонкой кожаной лентой, но непослушные пряди то и дело выбивались из узла на затылке, пересекая алым росчерком белизну кожи его лица. Его тело менялось и теперь эти изменения были видны невооруженным взглядом. Стремительная регенерация кожных покровов, ускоренный рост волос, их цвет, все более приобретающий алые ноты, ногти, растущие так быстро, что юноше приходилось подстригать их два раза в день. Кожа белая как алебастр, которая совершенно не покрывалась загаром, исчезли даже милые золотистые веснушки, которые прежде усеивали лицо и руки юноши. Ихор войдя в симбиоз с человеческим телом, перекраивал его по-своему, придавая носителю все больше идеальных, абсолютных черт, поглощая все те несовершенства и особенности, которые роднили его владельца с людьми. Сейчас, сидящий в профиль к Сибрис и склонивший голову в знак уважения к хозяйке пещеры, юноша напомнил Сибрис одну из фигур на картине, украшавшей стену в читальном зале библиотеки борусской магической академии. Воин с алыми волосами в чудесных серебристых доспехах, смиренно преклонивший колени перед светом льющимся с небес. Как же оно называлось? "Сила склонившаяся перед мудростью" — кажется так. Эта картина должна была напоминать молодым магам, о том что любая мощь, должна преклонится перед величию мудрости Создателя или погибнуть. Художник использовал только основные цвета: белый, красный, черный и синий, а так же золотую и серебряную краски, что бы передать драматичность момента.

— Меня зовут Илая, а мою спутницу Сибрис и мы поможем тебе если это в наших силах, и если ты не откажешься помочь нам. — согласился Илая.

— Боги сказали мне, что пришлют помощника, но они не упомянули о том, что он будет столь умен, сколь и красив. — Ния, рассмеялась звонким серебристым смехом. Этот

молодой воин явно умел торговаться, и она это оценила. По харемским обычаям торговля была обязательна при заключении любой сделки, сколь бы важен или ничтожен не был её предмет.

— Чего же ты хочешь? — спросила юная харемка.

— Все просто, мы с моей спутницей, направлялись в горы в Обитель Братства Даханаваров. По пути мы заехали в Таризу, что бы закупить провиант, одеяла и снаряжения для путешествия в горах, но попали в умело расставленную разбойниками ловушку. Мы сумели сбежать из западни и сохранили свои жизни, но лишились наших коней, добра и денег. Украв у разбойников коня, мы смогли уйти далеко от города в степь, но наш конь пал, а из имущества у нас осталось только пара медяков и это. — Илая протянул Ние бронзовую "звезду". — Моя подруга маг и она утверждает, что это стоит много больше того, что мы просим, но другого у нас нет. Вот мы и решили, что сможем обменять этот магический шар на все необходимое у Людей Реки. Но, похоже, мы опоздали. — последнюю фразу Илая произнес очень тихо.

Ния, приняв "звезду" из рук юноши, внимательно ее осмотрела.

— Да, твоя подруга права, эта вещь дорогого стоит, вот только ни я никто из моего племени, будь они живы, не принял бы ее от тебя.

— Почему? — в один голос удивились Илая и Сибрис.

— Потому что харемы не ведут дел с даханаварами. Из-за предательства того, кто создал даханаваров, наши предки проиграли войну людям Королевств, которые теперь живут на наших землях в долине. Мои предки были вынуждены спасаться бегством в горы. Однако, даханавары, не позволили людям Королевств преследовать наш народ и истребить его под корень. Мы стали харемами. Как даханавар ты должен понимать почему мы не торгуем и не ведем с вами обмена. Таков завет наших предков и мы свято его чтим. — гордо подняв голову, отрезала Ния, возвращая артефакт Илае.

— Значит мы шли сюда напрасно. — обреченно произнесла Сибрис.

— Отнюдь. — поспешил заверить подругу Илая и обернулся к харемке.

— Ты говоришь что не станешь торговать или обмениваться с нами, тогда позволь мне, как даханавару, оказать тебе услугу, взамен на твою помощь нам. Я вижу, что у тебя есть ко мне просьба и я тебя слушаю.

Харемка задумалась и ответила:

— Хорошо, думаю, мы можем заключить договор о помощи друг другу, это не запрещено заветами. — Ния поднялась с циновки. — Но прежде, позволь мне позаботиться о вас. Вы долго шли сюда и очень устали, я приглашаю вас разделить со мной не только кров, но и стол.

3

Еда, которую предложила своим гостям юная харемка была непривычна для вкуса равнинного жителя, но отлично насыщала. Она подала своим гостям густую рыбную похлебку заправленную пряными травами и запеченные в золе очага сладкие клубни "каменного ежа". Это растение, неказистое на вид, невысокое, с круглыми мясистыми листьями, сплошь покрытыми длинными серыми иглами, росло у подножья горы. Сеть тонких змеевидных корешков оплетала каменистую почву, проникая под камни в поисках живительной влаги, которая питала два-три мощных кожистых клубневидных утолщения, заменявших растению ствол. Ни Илая, ни Сибрис прежде не пробовали ничего подобного, но

угощение им определено пришлось по вкусу.

Когда с едой было покончено, Ния принесла глиняный кувшин, запечатанный восковой пробкой, и три пиалы. Она сняла с узкого горлышка восковую печать и пещеру наполнил терпкий, хмельной запах. Это был крепкий напиток, сваренный на меду горных пчел. Всего пара глотков и обжигающая горло густая ароматная жидкость согрела путников до самых костей. Усталость и напряжение покинули их, растаяв, как снег на солнце.

Харемка пила маленькими глотками из своей пиалы, ее глаза, неотрывно смотрящие на огонь, затуманились воспоминаниями. Маленькая хозяйка пещеры начала свой рассказ.

— Три луны назад, когда растаял снег и зима отступила обратно в горы, в мою деревню пришел человек из-за реки. Это был очень странный человек. Высокий, изнуренный и тощий как жердь, с волосами белыми, как снег, и глазами красными, как кровь. Наши мужчины схватили его. Они хотели его убить, опасаясь, что в деревню забрел демон с гор, но после того как они увидели, что его кровь так же красна, как и наша — отпустили. Ведь каждый знает, что у демонов кровь черная. Старейшина деревни позвал моего деда — шамана, что бы тот поговорил с чужаком и узнал, что ему понадобилось на нашей земле. Мой дед, знал общий язык и еще много языков и наречий. Дед смог перевести то, что рассказал чужак. Этот странный человек назвался Блейзом, он искал путь в Обитель. Мужчина был убежден, что над ним тяготеет проклятие и надеялся, что даханавары помогут его снять. Блейз поведал, что беда с ним приключилась в лесных развалинах под Борусой. Из-за грозы и ему пришлось спрятаться в лесу у каких-то древних развалин. Но к несчастью, на его след напали волки. Мужчине ничего не оставалось делать, как спрятаться в развалинах от голодных зверей. Было темно и камни были скользкими от дождя, его башмак зацепился за корень или обломок камня и поскользнувшись Блейз упал в пролом между каменными плитами. Так Блейз оказался в подземелье. Немного побродив по разрушенным коридорам в поисках выхода, этот человек нашел просторную комнату. Там был чашеобразный бассейн для омовений в полу. На самом его дне плескалась мутная темная жидкость, которая пахла, как десяток тухлых яиц. Выхода из этого каменного мешка не было. В подземельях мужчине пришлось провести несколько долгих дней, без воды и еды. Выхода из этой западни не было. Сверху над проломом, через который он сюда попал, его поджидали волки. Они выли каждую ночь, делая последние часы этого человека ещё мрачнее и безнадежнее. Ему грозила верная смерть. Но он не хотел сдаваться. Что бы не умереть от жажды, ему пришлось пить зловонную воду из бассейна. От дурной воды Блейзу было очень плохо, он часто терял сознание и бредил. Его била жестокая лихорадка. А, когда он приходил в себя то кричал и звал на помощь. Мужчина молил о спасении, в надежде, что может быть, кто-нибудь, из проезжающих мимо, его услышит. Однажды в бреду Блейз увидел ангела смерти и подумал что тот спустился в эту мрачную темницу за его пропащей душой. Но это оказался обычный человек — охотник. Охотник услышал странные звуки со стороны руин и решил проверить, что там происходит. Расправившись с волками, которые упорно стерегли свою добычу, мужчина спустился в пролом и помог Блейзу выбраться из западни. Выйдя на свет Блейз понял, по перекошенному от страха лицу своего спасителя, что сильно изменился. Его кожа, волосы и глаза — все утратило свой изначальный цвет, а тело изнуренное лихорадкой усохло. Он стал уродливым альбиносом. Прежде этот человек считал себя очень привлекательным и гордился красотой, которой наделила его природа, а теперь он превратился в то, что всегда ненавидел. Блейз стал рвать на себе волосы, от охватившего его отчаянья, и умолять охотника помочь ему умереть, но тот сказал, что не станет этого делать.

Сжалившись над уродом, охотник посоветовал Блейзу отправиться в Аталасские горы и попросить помощи в Обители Братства Даханаваров. Разузнав как добраться до Аталасских гор Блейз отправился в путь. Но под конец дороги он заплутал и вышел к нашей деревне. Теперь мужчина просил помочь ему найти путь в Обитель. Зима была суровой, мой народ голодал, и старейшина согласился помочь чужаку, дав ему в проводники моего брата. Дед был против. Ему не нравился этот человек, не нравились его красные как у крысы, бегающие глаза и заискивающий тон его голоса. Мой дед ему не поверил. Но старейшина решил по своему, не послушав старого шамана. За нашу помощь бледный чужак заплатил золотом.

— У тебя есть брат, он тоже шаман как и ты? — удивился Илая. — Ты нам этого не говорила, я думал что ты последняя из своего народа.

— Так и есть. — подтвердила Ния. — У меня был старший брат Ла-тонг и он не был шаманом, у него не было дара общения с духами. Мой брат был охотником. Но теперь его больше нет.

— Что же случилось с твоим братом?

— Я не знаю, но духи говорят, что среди живых его нет. Но не перебивай меня, юный даханавар. Дослушай мою историю до конца.

Ния продолжила рассказ:

— На следующее утро мой брат и Блейз ушли в горы. Я сильно беспокоилась за деда. Он был очень взволнован, пытался отговорить Ла-тонга идти с чужеземцем, даже кричал на него, но мой брат был упрямым человеком и не слушал деда. Дед этой зимой сильно болел и после ссоры с внуком ему стало совсем плохо. Я осталась присматривать за дедом в этой пещере и с тех пор больше не спускалась в деревню до самого конца.

— Ты больше не видела своего брата? — спросила харемку Сибрис.

— Только один раз. Он пришел поздно ночью, две луны спустя. Не заходя в деревню он направился прямо сюда. Тогда наш дед был еще жив, но уже не вставал с постели. Он иногда приходил в сознание и говорил со мной, но, зачастую, его дух блуждал не в этом мире. Я присматривала за дедом круглые сутки. Из деревни нам приносили еду и оставляли ее на большом валуне перед пещерой, но внутрь люди не заходили. Их шаман умирал. Когда Ла-тонг вошел внутрь пещеры дед открыл глаза и сказал: "Я ждал тебя внук. Я против того, что ты задумал, но это уже не имеет значения, потому что боги одобрили твой выбор. Следуй своему предназначению." После этих слов дед закрыл глаза и испустил последний вздох. Я кинулась к брату, начала кричать на него, колотить в ярости по его широкой мускулистой груди. В скорби и отчаянье я кричала "Что, что ты задумал, брат?!" Он стоял тихо-тихо, потупив глаза в пол, а потом крепко прижав меня к себе сказал "Я стану даханаваром". "Нет!" — выдохнула я и попыталась освободиться от его объятий, но он держал меня в кольце своих крепких рук не позволяя даже шелохнуться. "Ты слышала, так хотят боги." — сказал он и я поняла, что это необратимо. Я смирилась. Мы вместе завернули тело деда в волчьи шкуры и отнесли на вершину горы, где на рассвете, по традиции предков, предали его тело огню. Брат попрощался со мной и ушел в горы. С тех пор я его больше не видела. Мне предстояло стать следующей шаманкой племени, но прежде следовало выждать время до следующей луны. Мое тело и душа должны были очиститься. До истечения этого срока я считалась нечистой и не имела права спускаться в деревню к моим людям. Это могло осквернить огни их очагов и принести смерть в их дома. Никто не приносил мне еды, никто не подходил к моей пещере и не заговаривал со мной. В аскезе, молчании и не разжигая огня в очаге я провела так почти половину нужного срока, а потом... — Ния замолкла, она

взглянула в лица своих гостей и они поразились той бушующей ярости, которая горела в ее темных глазах, сквозила в ее словах.

— А потом он вернулся. Чужеземец — Блейз. Но это был уже другой человек, от него веяло силой. Белый и смертоносны, как снег на вершинах гор, с глазами бордовыми и горящими, как угли. А вместе с ним пришли воины в тяжелых стальных латах украшенных знаком пылающего человека на черном фоне. Они вероломно напали на рассвете, солнце еще не успело разогнать утренний сумрак. Они ворвались в деревню на своих огромных конях, с горящими смолистыми факелами в руках, пока мои соплеменники мирно спали в своих кроватях. Я проснулась от криков боли и ужаса. Крыши домов уже пылали, женщины и дети металась меж ними, пытаюсь спастись от острых мечей безжалостных воинов и шаров огня посланных им вслед бледным чужаком. Его руки испускали эти сгустки пламени разя направо и налево, тех, кому удалось избежать удара меча, копья или тяжелого конского копыта. Ужас от увиденного сковал меня, я не могла кричать, не могла кинуться на помощь моему племени, даже дышать не могла. Я видела, как этот человек и его отряд рушит мой мир! В отблесках пламени, пожирающих мою деревню, я поняла, что харемы ошиблись — это был демон, и не важно какого цвета была его кровь. — Ния сглотнула, видно было как тяжело ей говорить о произошедшем. — А когда вы пришли, когда твоя подруга смогла почувствовать этого ублюдка по следам его магии, когда я услышала ваш разговор с ачери... Я поняла, что вы можете мне помочь найти его и отомстить за мою деревню и за мой народ.

Илая и Сибрис переглянулись их лица стали напряженными.

— То, что ты нам рассказала, поистине ужасно. — задумчиво и хмуро произнес Илая.

— Ния! — обратилась к юной харемке Сибрис. — Эта девочка, это существо — ачери, что это было? Я так понимаю — ты спасла меня от необдуманного поступка, который мог стоить мне жизни, объясни мне, что ты тогда сделала?

— Ах, это... Да, ачери — это голодный дух. Призрак, вселившийся в труп невинно убитого ребенка. Ачери появляется там, где были убиты дети и юные женщины. Эта ачери спустилась с гор, потому что почувствовала здесь невинные смерти, она искала себе новое тело. Мой народ знает, что обычно ачери живут в горах и охотятся на не осторожных путников. Стоит человеку приблизиться к ачери настолько, что бы на него упала тень захваченного духом тела и призрак заберет душу доверчивой жертвы. Песня ачери завораживает, позволяет ачери самой приблизиться к жертве. Еще шаг и ты была бы мертва, Сибрис, ты почти наступила на тень духа.

Лицо Сибрис побелело от услышанного, в горле стал ком.

Спасибо, Ния. — с трудом выдавила из себя потрясенная услышанным девушка. Ния продолжала.

— Единственное чего боятся ачери — это красная шерсть. Достаточно тонкой нити, что бы не поддаться наваждению её песни. Человек в красной шерстяной одежде может вообще не бояться ачери. Я смогла справиться с голодным духом просто накинув на неё свой красный плащ. Эта ачери теперь никому не навредит. Призрак навсегда покинул старые кости.

— Теперь я понимаю почему так славятся таризские красные шерстяные плащи и одеяла. Они способны спасти не только от убийственного горного холода.

Ния улыбнулась и закивала головой соглашаясь с Сибрис.

Сибрис вытащила ровную веточку, из кучки хвороста, лежащей у очага, заострила ее конец ножом и стала быстро рисовать на земляном полу пещеры. Двойной круг, внутри схематическая фигура человека, упирающаяся руками и ногами в него изнутри, и языки

пламени охватившие эту фигуру.

— Ты видела ЭТОТ знак? — спросила она Нию.

— Да, этот. Алый, пылающий человек на черном фоне, заключенный в двойной круг. Этот знак был на доспехах убийц моего народа. — с отвращением произнесла харемка.

— Воины Пепла! — одновременно выдохнули Илая и Сибрис.

— Что им тут нужно? Отсюда слишком далеко до Пушта? — Сибрис была явно удивлена.

Илая посмотрел на символ тяжелым, немигающим взглядом.

— Кажется я начинаю понимать, Сибрис, ЗА ЧЕМ, они пришли сюда, а точнее ЗА КЕМ.

Юноша перевел взгляд на харемку.

— Ния, нам очень нужно в Обитель, и я боюсь как бы мы не опоздали.

— Сначала, ты поможешь мне найти чужака и расквитаться с ним, тогда я помогу тебе. — отрезала харемка.

Илая покачал головой.

— Боюсь все не так просто, я не смогу тебе помочь, пока не закончу обряд посвящения.

Девушка подскочила, шипя, как дикая кошка.

— Ты хочешь обмануть меня, даханавар?! Я этого не позволю, сначала принеси мне голову чужеземца с алыми глазами!

— Сядь и успокойся, Ния, я не хочу и не могу тебя обмануть, но я и не могу отправиться по его следу, пока не навещу Обитель.

И юноша рассказал юной шаманке зачем ему нужно попасть к даханаварам.

— К тому же, есть малый шанс того, что твой брат все еще жив. Когда человек проходит обряд он действительно умирает и духи действительно сказали тебе правду, что его нет в мире живых, но ты не спрашивала их есть ли он в мире мертвых!

— О, если твои слова окажутся правдой, клянусь, я сделаю для тебя, что угодно! — Ния, еле сдерживая слезы, заломила руки В ее сердце, после слов Илай, зародилась надежда.

— Значит, так! — Илая поднялся во весь рост и протянул харемке руку над огнем очага. — Ты помогаешь нам попасть в Обитель, а я клянусь перед богами, своей жизнью, помочь тебе. Клянусь, что принесу тебе голову красноглазого чужеземца который называет себя Блейзом, истребившего твою деревню! Если ты согласна, просто пожми мою руку. — сказал он.

Девушка торжественно поднялась, заглянув в сапфировые глаза Илай, она протянула руку навстречу его руке и крепко сжала ее, выдохнув:

— Клянусь по перед богами, своей жизнью, что помогу тебе Илая — даханавар!

4

Ясное утреннее солнце безжалостно освещало разрушенную деревню харемов. Теперь это место выглядело вдвойне жутким.

Илая приставив ладонь козырьком ко лбу, внимательно осматривал открывшееся его взору, распростершееся под горным склоном, пространство. Нии нигде не было видно. К юноше подошла Сибрис, только что выскользнувшая из-за полога скрывавшего вход в приютившую их пещеру шаманки.

— Что ты там увидел? — поинтересовалась девушка.

— Скорее, чего не увидел. — холодно произнес Илая. — Ния пропала.

— Я думала она спустилась в деревню, попрощаться с мертвыми перед отъездом.

Илая отрицательно качнул головой.

— Там ее нет, я это хорошо вижу. Постой.... - юноша присмотрелся в даль, где виднелась над рекой часть древнего моста. — Там всадник.

— Что? Где? — Сибрис, как ни старалась, ничего не могла разглядеть с такого расстояния.

— Это она. — коротко объяснил Илая и начал спускаться вниз по тропе.

— Ния? Ты там увидел Нию? — девушка еле поспевала за другом.

Они встретились за околицей. Ния была верхом. К удивлению Илаи и Сибрис, харемка была верхом на том самом коне, что вывез их из Таризы и которого они уже считали павшим.

— Я привела тебе твоего друга. — сказала шаманка спешиваясь и передавая поводья Илае.

— Эгей! Коняга, да ты жив! — Илая потрепал жеребца по морде и тот в ответ одобрительно фыркнул. Теплый язык животного лизнул юноше руку в знак приветствия.

— Но как ты его нашла, как узнала? — обратился удивленный Илая к харемке.

Она только пожала плечами и коротко бросила через плечо.

— Духи.

Сибрис тоже была рада возвращению их вороного спасителя.

— Я думаю тебе надо дать ему имя. — обратилась она к юноше.

— Дай-ка подумать. — Илая потер лоб пытаясь подобрать имя коню. — Я назову его — Везунчик!

— Что? — со смехом переспросила Сибрис. — Везунчик? Что это за имя для коня?

— А что? Как по мне имя отличное ему ведь повезло выжить — повезло. А теперь он будет снова возить нас и нам будет везти так же как тогда, когда повезло удрать из Таризы.

Сибрис громко и заливисто рассмеялась.

— Ну ты даешь Илая — вот так каламбур! Не ожидала!

— Калам что? — не понимая переспросил юноша.

— Забудь! Везунчик — это просто отличное имя.

— Правда ведь, коняга? Это ведь ты наш Везунчик?! — Сибрис погладила коня по шее и тот тихо заржал высказывая свое одобрение.

— Ну вы чего там? Нам пора собираться в путь. Я и так потратила все утро что бы найти ваше животное. Эта зверюга преспокойно щипала травку, будто вокруг него и не было около полудюжины "ледышек". Мне пришлось изрядно попотеть, что бы поймать его, не угробив себя. Пошевеливайтесь-ка! — донеслось до них добродушное ворчание Нии.

Горы были ослепительно прекрасны — величественные, мощные, древние и вечно молодые. Снежные короны венчали их скалистые пики, которые рвались ввысь на фоне бескрайнего небесного океана. Слепящий солнечный свет омывал зубчатые хребты, а густая сиреневая тень нежила бока на дне глубоких ущелий и провалов. Пропasti разинули ненасытные глубокие пасти, будто замершие во времени каменные монстры, жаждущие крови своих жертв.

Мелкие камушки вылетали из под копыт Везунчика и падали вниз по склону поросшему камнеломкой и горечавкой. Бело-зелеными коврами по склонам расстилалась пушистая азорелла, кивал голубыми головками-ёжиками, покачиваясь от легкого ветерка, букашник, белыми, голубыми и розовыми колокольчиками плелись по склонам вездесущие вьюнки. Над травами гудели пчелы, порхали бабочки-малютки, в траве стрекотали цикады и

деловито сновали прочие букашки.

На плечах всех троих были накидки сотканые из тонкорунной шерсти красного цвета, на головах широкополые шляпы-конусы из речного тростника с нашитыми по краю бусинами из ракушек. Всем этим добром Илая и Сибрис щедро снабдила харемка. Путникам стоило остерегаться обманчивого нрава горной погоды. И правда, за время их путешествия на солнце уже пару раз набегали плотные облака. Оторвавшись от белых мантий, окружавших самые высокие пики Аталасских гор, они приносили с собой пронизывающе холодный ветер. Мелкие колючие снежинки снова и снова атаковали незащищенные лицо и руки людей. Ровно полчаса путники продвигались вперед, ежась от холода и выстукивая зубами барабанную дробь. Но уже через минуту после того, как облака выпускали солнце из своего плена, они страдали от его жарких ласк. Тепло его лучей моментально уничтожало снежную крошку, наметенную на дорогу и одежду людей.

Ния оказалась отличным проводником. Перевалило слегка за полдень, а путешественники уже добрались до каменной арки Шепчущих Ворот. Эта горная достопримечательность была так причудливо создана ветрами, и временем, что можно было подумать её специально вырезали в гранитной скале зодчие-исполины. Шепчущие Ворота получили свое имя из-за акустического фокуса, который мог проделать даже самый легкий сквознячок. Арка будто едва слышно вопрошала у путешественника ступившего под ее сень "кто? кто?".

Миновав арку путники попали в ущелье, по его дну стелилась старая мощеная черным гранитом дорога ведущая к Обители. Дорогу проложили в незапамятные времена, когда орден даханаваров переживал период рассвета и со всего континента к его воротам стекались желающие вступить в ряды борцов с монстрами и нечистью. Вся эта мерзость активно расплодилась после магической войны восставших Свободных Королевств с Восточной Империей магов некромантов.

Ехавшая верхом на Везунчике Сибрис, постоянно сверялась с картой даханавара и даже делала на ее полях пометки угольным карандашом.

— Ну, что говорит карта? Скоро ли мы прибудем на место? — спросил девушку Илая. Он вел коня под уздцы, следуя за бодро идущей впереди него Нией.

— Я думаю, если к вечеру успеем добраться до перевала, то завтра сможем войти в ущелье Альташ. А там рукой подать до крепости братства. — закусив кончик карандаша, задумчиво ответила ему Сибрис. — Это вон за теми пиками, если я не ошибаюсь.

— Ха! — донеслось до них, Ния была явно несогласна. — Я доведу вас к Обители еще до заката! Карта, которую читает твоя подруга, уже устарела. Две луны назад в горах случился оползень, с Волчьего клыка сошла лавина, гул был слышен даже в моей деревне. Мой брат успел рассказать мне о новом проходе через гору, когда мы виделись с ним в последний раз. Он сказал, что прошел прямо под горой, а не ходил к перевалу. Конечно этот путь более опасный чем старая дорога, но и более короткий. Так, что если вы действительно спешите...

— И ты сможешь провести нас по нему? Ты уверена? — перебил ее Илая.

— Конечно, именно это я и собираюсь сделать. — утвердительно кивнула головой харемка.

— Что скажешь? — Илая обернулся к Сибрис.

— Скажу, что это безумие идти путем, о котором нам почти ничего не известно. Но ты прав, время действительно играет против нас и чем раньше мы достигнем Обители, тем

будет лучше.

Вход, если его можно так назвать, представлял собой огромный разлом в скальной породе, который пересекал тело горы справа налево, точно нанесенная клинком рана. Серая глыба льда, принесенная лавиной, угрожающе зависла над проходом и теперь медленно таяла на солнце. Скупые капли звонко падали в мутную лужу перед входом. Внутри разлома клубилась тьма. Взглянув на уходящую вдаль под склоном старую дорогу, ведущую к перевалу, а потом на предстоящий ей мрачный путь через нутро горы, Сибрис спешила со спины Везунчика и зябко поёжилась. Волоски на ее руках и затылке приподнялись. Последнее время она испытывала острую неприязнь и подавленное чувство ужаса к подобным местам. Как ей казалось, от них остро веяло смертью. Быстро справившись с собой, она не позволила спутникам заметить её минутную слабость. Или, все же, эта черноглазая харемка что-то заметила?!

Илая вытащил из поклажи палку с намотанной на нее просмоленной паклей, высек искру и поджег факел. Попросив девушек оставаться на местах, он бесстрашно ступил в расщелину. Сначала ему показалось, что тьма яростно пища бросилась на него. Инстинктивно пригнувшись, Илая почувствовал, как она мазнула его по щеке кожистым крылом, но это была всего лишь стая летучих мышей испуганных золотистым сиянием огня. Пройдя шагов двадцать внутрь и осветив представшее перед ним пространство уходящего под гору пещерного коридора, юноша понял, что тот достаточно широк и высок, чтобы Везунчик мог пройти по нему. Вернувшись к ожидавшим его возле входа попугачам, Илая заверил их, что проход вполне безопасен и они, вооружившись факелами, могут спокойно следовать за ним.

Внутри было сухо, воздух спертый, как в долго не проветриваемом помещении, под ногами тихо похрустывала мелкая каменная пыль. Стены приглушали звук шагов и тишина подземелья отрезавшая их от наполненной звуками поверхности, угнетающе давила на слух. Место это было древним, очень древним, и из уважения к этой седой древности путешественники разговаривали почти шепотом. На удивление, Везунчик вел себя совершенно спокойно, не выказывая неудовольствия по поводу того, что ему, созданию с поверхности земли, предстоит совершить путешествие в ее недрах.

— Брат говорил мне, что этот путь почти не имеет ответвлений, кроме одного. В самом сердце горы есть пещера со многими выходами, Ла-тонг отметил нужный нам коридор знаком летящей птицы, поэтому, когда мы достигнем ее смотрите в оба. — сказала Ния своим спутникам.

— Как твой брат понял какой из коридоров ведет на поверхность? — удивился Илая.

— Он внук шамана. Пусть у него и нет дара общения с духами, но это не значит, что он не может их чувствовать. У всего на свете есть дух у тебя, у меня, у горы и у цветка, даже у твоего меча, который ты носишь за спиной. Это чутье помогло брату стать лучшим охотником и проводником в нашей деревне. Так, что он просто почувствовал, куда ему нужно идти.

— И ты тоже это чувствуешь? Именно по этому ты рискнула нас вести этим путем?

— Да, чувствую. Правда, не так хорошо как мой брат, однако достаточно что бы я могла бы научить этому тебя и твою подругу, если бы вы меня попросили.

— Что же, возможно позже я воспользуюсь твоим предложением. — согласился Илая.

Они как раз достигли середины пути и вошли в центральную пещеру. Пещера была похожа на грубо вырубленный в скале колодец, стены которого испещрили большие и малые

проходы ведущие вверх, вниз и кто еще знает куда. С потолка и с пола друг на встречу другу тянулись стрелы сталактитов и копы сталагмитов, где-то, на самом краю слышимого, ухо улавливало шум подземной реки и звонкую капель. Тут было прохладно и влажно, но воздух в отличии от коридора был чист и даже сладок. Илая поднял факел и пошел по периметру этого колодца, выискивая тот единственный проход, который выведет их обратно к солнцу и свету. Девушки решили не отставать и тоже разбрелись в поисках знака на стене. Это было царство сквозняков. Отблески от пламени факелов метались по влажным стенам пещеры, заставляя причудливо и безумно плясать тени. Илая надеялся, что влажность не повредила знак оставленный Ла-тонгом.

Везунчик нашел соляной выступ возле одного из проходов и принялся активно его облизывать. Заметив это Сибрис прекратила поиски знака и подошла, что бы отогнать животное от соленого лакомства. Она беспокоилась, что конь может увлечься и потом будет страдать от жажды. Потянув за удила, она попыталась оттащить Везунчика от выступа, но упрямое животное не пожелало ее слушаться. Сибрис дернула сильнее — никакого результата. Она уперлась ногами в пол и повторила свою попытку, Везунчик мотнул головой и надоедливая девица, потеряв равновесие, неожиданно приземлилась на пол. Пол оказался под наклоном и довольно скользким после обилия пролитых Везунчиком слюней. Не успев даже пикнуть, Сибрис заскользила прямо в черное жерло узкого прохода возле которого все это произошло. Никто ничего не заметил, пока конь не заржал. Везунчика потянуло вслед за девушкой, так и не выпустившей из рук поводья. Ния и Илая мгновенно оказались у злополучного места. Из-за того что Сибрис висела на поводьях, голова коня и его передние ноги были в проходе, перекрывая Илае обзор. Ему не удавалось разглядеть, что там внутри происходит с его подругой. Ния удерживала Везунчика, что бы тот не делал резких движений и его не понесло по скользкому полу дальше.

— Ты жива? — крикнул Илая в темноту.

— Да! Попробуйте меня вытащить отсюда. Я вешу на поводьях, но они порвались и выскальзывают из рук. Тут очень скользко и темно! Я не вижу за что мне зацепится, боюсь, я не смогу висеть так слишком долго! — крикнула в ответ девушка.

— Сейчас, погоди! Я брошу тебе веревку и оттащу коня. Сибрис, успокойся и не делай резких движений, мы тебя обязательно вытащим оттуда!

— Надеюсь. — пробормотала себе под нос девушка.

Илая достал веревку из седельной сумки Везунчика, споро закрепил ее за луку седла и бросил свободный конец Сибрис. Девушка подтвердила, что успешно его поймала. Отпустив порванную кожанную ленту удил, она крепко вцепилась в спасительную веревку. Понемногу, стараясь не напугать обеспокоенного жеребца, Илая и Ния начали медленно оттаскивать коня от злополучного проема. Каждый шаг Везунчика назад поднимал Сибрис наружу. В какой-то момент она заметила как что-то сбоку ярко блеснуло в темноте.

— Илая, стой! — воскликнула девушка. Как ни пыталась она разглядеть, что же такое могло блеснуть в стене, да еще при таком скудном освещении, но без достаточного освещения не могла.

В проеме наверху обрисовался силуэт темной головы.

— Что случилось? — Илая не понимал, почему подруга попросила его притормозить.

— Посвети! Кажется я что-то увидела там, в стене.

— Ты серьезно?

— Да, хочу увидеть что это.

Но света от факела поднесенного Илаей к проему оказалось не достаточно.

— Скинь мне его сюда, мне все еще ничего не видно. — попросила Сибрис.

— Надеюсь ты держишься крепко. — сказал Илая и выполнил ее просьбу.

Пылающий факел заскользил вниз очень быстро, но Сибрис удалось его поймать. Она поменяла положение, крепко зажала веревку бедрами и ступнями, а потом освободила руки. В стене действительно что-то было. Вытащив из-за пояса кинжал и подсвечивая себе, Сибрис начала работу по откалыванию от стены куска льда за которым что-то призывно мерцало. Вместе со льдом откололся кусок породы обнажив невероятную картину. Это была могила в камне. В скальной породе, как в утробе матери, лежал древний скелет в полном боевом облачении. Это был даханавар. Мертвец лежал на боку в позе эмбриона, согнув ноги в коленях, а руки в локтях. Длинная огненно рыжая коса, как змея, обвивала его истлевший торс, черная кожа доспехов почти не истлела от времени, на груди у мертвеца на стальной цепи висел медальной — черное солнце. В центре солнца в медальон был вправлен огромный алмаз с вырезанной на нем руной "ДАШ". Дыхание, жизнь, сила — эта руна имела много значений, но прежде Сибрис никогда не видела, что бы ее сочетали с символом черного солнца. Именно блеск медальона заметила Сибрис в кромешной тьме. Она подцепила острием кинжала цепь и медленно потянула её на себя. В этот момент иссохшее тело сдвинулось с места, обнаружив хрупкость каменного могильного кокона. Мумия даханавара, вместе с куском отвалившейся стены, с грохотом пронеслась вниз, в кромешную тьму. Медальон, прощальным подарком остался на кинжале Сибрис. Покачиваясь на длинной цепи в отблесках дрожащего пламени, он отчаянно сверкал, переливаясь всеми цветами радуги.

— Сибрис! — отчаянный возглас Илаи прозвучал над ее головой.

Сибрис подняла голову улыбаясь, она подняла руку с находкой повыше, что бы Илая мог видеть.

— Это тебе, подарок из прошлого. Он весел на груди даханавара, чьи громыхающие кости ты принял за мои. — и она засмеялась. — Вытаскивай меня уже отсюда, поскорее!

Когда девушка поднялась на поверхность, Илая крепко обнял подругу и Сибрис услышала как громко и взволновано бьется сердце в его груди.

— Я нашла выход. Тут вход отмеченный птицей, я уверена, это метка моего брата. — донеслось до них. Ния первой проскользнула в нужный коридор.

— Сибрис, не смей меня так больше пугать. Слышишь?! — горячо прошептал Илая.

Вместо ответа она поцеловала его в поросшую щетиной щеку и повесила найденный медальон ему на шею.

— Обещаю. — тихо прошептала девушка и скрылась вслед за Нией.

Илая взял Везунчика под уздцы, поднял с земли факел и последовал за девушками.

Они вышли наружу чуть выше каменного моста. Один его конец упирался в старую гранитную дорогу, другой вел к воротам высокого каменного сооружения — Обители Братства даханаваров. Под мостом зияла бездонная пропасть. Обитель была настоящей махиной. Суровые серые стены крепости, её круглые высокие башни были вырезаны из плоти могучей горы, заснеженная вершина которой терялась в густых облаках. На высоких воротах Обители, укрепленных железными полосами шириной в две ладони, красовалась бронзовая накладка изображающая черное солнце. Подобное изображение было также высечено в каменном орнаменте украшавшем стены каждой из четырех башен. При виде Обители у всех троих вырвался невольный вздох восхищения.

— Теперь я кажется начинаю понимать своего брата, пожелавшего остаться здесь. — произнесла юная харемка. — Это место будто само сердце гор, будто их дух воплощенный в камне.

— Да, ты права, я тоже чувствую здесь сосредоточение невероятной силы. Мою кожу прямо таки покалывает от заключенной в этих башнях мощи. — кивнув согласилась Сибрис.

Она обернулась к Илае и спросила:

— А ты, что чувствуешь, ты?

Илая улыбнулся девушкам и тихо сказал:

— Это странно, ведь прежде я здесь никогда не бывал, но я чувствую, что я дома.

Даханавар. Овладение Ихором

Даханавар. Часть Пятая. Овладение Ихором.

Цена прозрения — печаль. (К. Роу)

Они пересекли мост. Обе девушки ехали верхом на Везунчике, а Илая вел коня под уздцы. Солнце тревожным огненным шаром зависло над скалистым горизонтом. Стены Обители ярко окрасились его закатными лучами, будто покрылись свежей кровью. Путники, подавленные и одновременно восхищенные, этим зрелищем не смели проронить ни слова. Они только завороченно смотрели, как опускающееся за горные пики солнце заставляет алые стены сначала буреть, а затем чернеть, погружая ущелье во тьму ночи.

На воротах Обители висела внушительных размеров колотушка, как и бронзовое изображение черного солнца она покрылась за века толстым слоем зеленой патины. Широкое круглое било тускло сверкало желтоватым древним глазом. Ворота не были заперты. Поднапрягшись Илая заставил их распахнуться достаточно широко что бы можно было проехать всаднику. За воротами было пусто и подозрительно тихо. Сделав девушкам знак не шуметь, Илая извлек меч из ножен. Он передал поводья Сибрис и смело двинулся вперед. Ния с любопытством выглянула из-за спины Сибрис и достала из складок одежды длинный кривой кинжал.

Когда они вышли во двор замка, Илая оглянулся вокруг — никого. Юноша напрягся, пытливо скользя взглядом по резным каменным балконам окружавшим двор, на балконах горели огни в каменных чашах, они ровным светом освещали двор и анфилады. Илая вглядывался в черноту темных провалов галереи, позади бледных колонн, он ожидал чего угодно но уж точно не тишины и пустоты встретившей их в Обители. Ни звука, ни движения юноша так и не заметил, тогда он набрал в легкие побольше воздуха и закричал.

— Эй, есть здесь кто? Мы пришли с миром! Меня зовут Илая и я желаю поговорить с вашим приором. У меня письмо к нему от брата Шамиля по прозвищу Тень!

Слова заметались по двору эхом вторя "Тень, тень, тень!", кроме эха Илае никто не ответил.

— Эй! Отвечайте! — закричал он снова.

"чайте, чайте, чайте....."

— Не надо. — тихо сказала Ния, пряча кинжал обратно в одежду. — Тебе никто не ответит, замок пуст.

— Что? — Илая резко обернулся к девушке. — Почему ты так говоришь?

— Я не чувствую жизни в этих стенах, от них идет холод, как от могил. Если не веришь мне, пусть твоя подруга подтвердит.

Ния спешила и поправив одежду, крестообразно сложила на груди руки, она прикрыла глаза и на минуту замолчала.

— Нет, ничего. Я не чувствую даже крыс или мышей, абсолютная пустота. — подтвердила она свой вердикт.

— Хорошо, — сказал Илая опуская меч к земле. — я тебе верю. Если все так, то возможно мои наихудшие опасения подтвердились и мы опоздали.

— Опоздали? — Сибрис тоже покинула седло и подошла к Илае. — Что значит опоздали?

— Воины Пепла. — коротко и зло бросил Илая и направился к входу в одну из башен.

— Ты куда? — Сибрис направилась вслед за ним.

— Я должен увидеть, что здесь произошло. Хочу осмотреть здесь все.

— Мы с тобой! — одновременно воскликнули девушки и поспешили за скрывшемся в башне Илаей.

Они все были там, на втором этаже в огромной обеденной зале. Точнее там было то, что от них осталось. Осталось совсем не много.

Чаши с маслом все еще пылали в своих гнездах на стенах зала. Пламя освещало каменные барельефы на стенах по всему периметру залы. Это были сцены из жизни простых людей: охота, рыбалка, работа в поле, рождение ребенка и смерть старика. Все то, ради чего сражались и умирали даханавары. Прежде защитники людей пировали в этой зале, но теперь их обожженные кости были разбросаны вокруг почерневшего от магического пламени круглого стола. Извечная звезда черного солнца, прежде украшавшая центр стола, теперь превратилась в застывшую лужу металла. Серебряные приборы и кубки тоже расплавились и растеклись. Их капли застыли не пролитыми слезами, вытекая через широкую трещину расколовшую мрамор.

От самих братьев почти ничего не осталось. Их скрюченные от жаркого пламени останки с вплавленным в обугленные кости металлом облачения, навечно застыли в страдании. И теперь мертвые хозяева Обители могли лишь осуждающе смотреть на живых гостей пустыми глазницами обугленных черепов.

— Я хочу их осмотреть. — хрипло произнес Илая, отгесняя девушек обратно к двери и закрывая собой страшную картину произошедшего.

— Хочу запомнить моих братьев. Сибрис и Ния, вам лучше подождать меня во дворе. Такое зрелище не для женских глаз.

— Нет. Я с тобой! — отрезала харемка. — Среди этих несчастных может быть и мой брат.

— И я! Моя миссия пока не окончена и я видела вещи намного хуже этого. — Сибрис оттолкнула его руку и первой направилась к расколотому столу.

— Сибрис! — негодуя воскликнул Илая, но она уже склонилась над первым телом.

— Этого сожгли, когда он уже был мертв. — деловито произнесла девушка. — Видишь? У него проломлен висок.

Она перешла к следующему.

— Тут рана в груди — его проткнули мечом. Металл расплавился и затек внутрь, он застыл, когда даханавар был уже мертв.

Следующее тело лежало под столом, ноги в коленных суставах были отделены и лежали рядом, они пострадали намного меньше остального тела.

— А этому похоже не повезло больше остальных — сгорел заживо, как только лишился ног. Ужасная смерть!

Так они обошли вокруг стола, отдавая дань каждому, павшему в неравной битве, даханавару. То что это были именно они не оставалось сомнения, огонь слизав плоть с черепов обнажил явную особенность даханаваров — крупные и удлиненные клыки. Мутацию привнесенную в тело человека демонической составляющей Ихора. У нескольких черепов на верхних челюстях клыков не хватало, Воины Пепла, мерзкие мародеры, забрали их в качестве трофея.

— Я думаю, что нападавших было не менее восьми человек, но и не более десяти.

Видите? Два тела из четырнадцати присутствующих принадлежат нападавшим, остальные — даханаварам. — подвела итог Сибрис.

Ния подтвердила, что видела в деревне как минимум семерых, не считая Чужака. Да, теперь они так и называли Блейза — Чужак. Потому как сотворенные Блейзом злодеяния всем троим по натуре были чужды, и вызывали острое желание отомстить ублюдку.

— Что позволило настолько ослабить умелых воинов, что бы простые смертные могли их перебить как цыплят? — удивилась Ния.

Илая нагнулся и пошарил под столом извлекая из под него доньшко разбитого винного кувшина. Пятна запекшиеся на дне содержали черный кристаллический порошок. Он показал находку обступившим его девушкам, стараясь не прикасаться пальцем к спрессованному на дне осадку.

— В вино, которое пили даханавары, был подмешен толченый рог черного единорога. Для нас это смертельный яд. — пояснил Илая харемке.

— Я знаю это, потому что в Мирцее дротиком из этого рога был смертельно отравлен даханавар спасший мне жизнь — Шамиль Тень.

— Значит, вот как всё было... — задумчиво произнесла Ния. — Да, это дело рук Чужака, он достаточно вероломен что бы пойти на такое и отравить своих братьев.

— Отравил и впустил в замок отряд Воинов Пепла, что бы они расправились с даханаварами, а после сжег их тела, что бы никто не узнал, что здесь произошло. — согласилась Сибрис.

— И напал на деревню Нии, что бы не осталось никого в живых кто бы мог рассказать, что он был здесь и догадаться что сделал.

— Никто, кроме меня и Ла-тонга. Я не нашла среди обугленных тел своего брата, а значит он может быть еще жив.

— Ты уверена? — переспросила девушку Сибрис.

— Уверена, как в том что вода мокрая, а солнце поднимается на востоке. У моего брата на запястье должен быть браслет из метеоритного железа, но не у одного из мертвецов его нет.

— Может Воины Пепла забрали его, как трофей? — предположил Илая.

— Или его расплавил магический огонь? — добавила Сибрис.

— Нет! — Ния улыбнулась и покачала головой. — Это очень особенный браслет. На него не действует магия. Мой брат никогда бы не расстался с этим браслетом — он сокровище передающееся из поколения в поколение в нашей семье.

— Тогда у нас еще есть шанс найти Ла-Тонга. — согласился Илая.

— Надеюсь он прошел обращение полностью и стал даханаваром. — добавила Сибрис. — Он мог бы помочь тебе с прохождением ритуала, Илая.

— Вот! Я нашла это под скамьей, на которой сидел мужчина с медальоном похожим на твой, но без камня. Огонь расплавил цепь, но не тронул медальон. — Ния протянула Илае связку ключей на деформированном от жара стальном кольце.

— Это ключи приора! — воскликнула Сибрис. — Какая же ты умница, Ния! Нам стоит поскорее заглянуть в его покои, возможно там мы найдем сведения о Чужаке и твоём брате.

— Ты права, Сибрис, но прежде нужно похоронить тела моих братьев. Они заслуживают что бы после смерти к ним отнеслись достойно. — осадил её пыл Илая.

Девушки согласились с ним и занялись активной подготовкой к траурной церемонии сожжения останков даханаваров во дворе замка. Поленья нашлись в подсобном складском

помещении возле просторной кухни на первом этаже, а масла было вдоволь в погребках. Одной дубовой бочки в половину человеческого роста высотой, которую Илая выкатил во двор для погребального костра, было предостаточно. Саваном для мертвецов послужили алые бархатные шторы снятые девушками в покоях приора.

Когда золотые языки очистительного огня взметнулись в ночное небо, Илая готов был поклясться, что слышит в реве огня пожирающего останки, мерное и спокойное дыхание великана. Ния запела погребальную песню харемов. Прощальная песня лилась подобно серебряному ручью. Давно забытый язык, на котором пела юная шаманка, будто срывал покровы с души обнажая ту скорбь которая притаилась в сердце каждого из этой троицы. Илая видел в огне лицо своей молодой и прекрасной матери, так давно покинувшей этот мир и своего сына, лицо Шамиля, ставшего ему другом и братом. Сибрис слышала голоса родителей, которые шептали ей как любят свою дочь, как они хотели бы быть с ней рядом, перед ее взором проплывали лица тех, кого она потеряла в древней гробнице и тех, кого утратила уже позже, ступив на путь воина. Ния пела и песнь ложилась целебным бальзамом на их израненные сердца. Широко раскинув руки в стороны шаманка стояла лицом к костру, ее пальцы и кисти трепетали и казалось, что девушка играла на арфе, струнами которой стал холодный свет звезд. Звезды, как глаза древних богов и героев, мудро и понимающе взирали на маленькую огненную точку из своих немислимых небесных далей. Это была древняя магия, магия прощания, магия памяти предков, и она исцеляла души, придавая каждому силы верить в то, что наступит утро а вместе с ним наступит новый день. Верить, что жизнь продолжится дальше.

Потом, когда ярость огня поутихла, оставив лишь угли и скорбь, все трое сидели прямо на голых камнях двора, закутавшись в шерстяные красные накидки. Они молча пили терпкий харемский мед передавая из рук в руки медленно пустеющий мех. Погребальный костер догорал, близился час рассвета. Над горами взошло солнце. На рассвете живые собрали остывший пепел мертвых что бы отнести его к мосту и развеять над пропастью. Илая торжественно поклялся над прахом даханаваров, что отомстит за их смерть. Ответом ему был лишь тоскливый вой ветра, доносившегося из пропасти под каменным брюхом моста.

Уставшие, измазанные пеплом и гарью, но еще не осознавшие всю степень обрушившихся на них испытаний, Илая и девушки молча вернулись в замок. Проведя более суток на ногах Илая бодрился, но Сибрис заметила, как вокруг его синих глаз залегли глубокие тени усталости, а лицо утратило естественный цвет, приобретя нездоровую меловую бледность. Девушки тоже выглядели ничуть не лучше, но ни одна из них не была так похожа на восставшего из гроба мертвеца, как молодой даханавар.

— Сибрис, ты говорила, что мне есть на что взглянуть. На что-то найденное вами наверху? — нарушил молчание Илая, когда они поднимались по лестнице на верхние этажи Башни Магистров.

— Да, Илая, когда мы с Нией искали ткань для саванов, то нашли очень интересную потайную комнату за одной из бархатных портьер в покоях приора. К сожалению, мы были не первые. — со вздохом произнесла Сибрис.

В покоях приора царит хаос. Ведомые корыстными желаниями Воины Пепла искали сокровища: золото и серебро, которым даханаварам платили за их нелегкий труд. Разбитые хрустальные вазы, изрубленная в щепу мебель, вспоротые подушки кресел и картины — всё вокруг носило следы жестокого вандализма. В кабинете приора на полу было полно испорченных бумаг и распотрошенных книг. Пожалуй единственного реального сокровища в

Обители — тайных знаний записанных на их древних страницах алчные захватчики не смогли оценить по достоинству. Сибрис подвела Илаю в маленькую прежде очень уютную спальню, расположенную позади кабинета. Она подвела юношу к стене по правую сторону от алькова приора.

— Это Ния нашла вскрытую дверь в потайную комнату. Механизм был сломан при помощи магического огня. Здесь тоже побывал Чужак.

В потайной комнате не было ни одного окна, она была похожа на полукруглую нишу в стене, глубиной не более пяти шагов. Свет наполнявший её исходил от тусклого сияния магических рун нанесенных на куполообразный низкий потолок. Посреди комнаты возвышалась узкая колонна-постамент, едва доходившая Илае до пояса. Что бы там не стояло прежде, забирали его из потайной комнаты в спешке. Пятна от пролитого содержимого еще остались на полу и колонне, застыв слюдяными дорожками и лужицами. Горьковато-сладкий запах пролитого, сродни полынному, от которого у Нии запершило в горле, еще слабо витал в воздухе. Напротив постамента висело обугленное знамя даханаваров с неизменной символикой черного солнца, которую Илая уже не раз встречал в замке Обители.

Сибрис глубоко втянула носом воздух и спросила юношу:

— Узнаешь? Ты узнаешь этот запах? — она присела на корточки и поддев кончиком кинжала льдистую корочку застывшего пятна, поднесла ее сначала к своим ноздрям, а потом к ноздрям Илаи.

— Да, так пахло из орихалкового флакона, который Шамиль носил на шее. — лицо Илаи помрачнело и исказилось гневом. — Ихор Первородного. — произнес юноша.

Сибрис кивнула. Ния, стояла у входа, она так и не решилась переступить порог потайной комнаты, переспросила:

— Ихор Первородного? Что это значит?

Илая обернувшись к девушке сурово начал пояснять:

— Это значит, что кто-то затеял очень опасную игру. Кто-то кто нанял Воинов Пепла, что бы перебить даханаваров. Кто прислал сюда Чужака — мага, скрывшего свою суть, что бы стать послушником даханаваров, а затем уничтожить их и выкрасть Ихор Первородного хранящийся в Обители. Кто-то, кто хочет создать свою непобедимую армию, потому как Ихор... Ихор... — голос Илаи сорвался и перешел на хрип, в уголках рта появилась кровавая пена. Юноша конвульсивно вздрогнул всем телом, согнулся будто от внезапно пронзившей его боли и упал навзничь. Глаза его закатились глубоко под череп и стали видны белки. Они быстро покрывались сетью взрывающихся тьмой капилляров. Лицо юноши почернело от прилившей к голове крови. Пальцы свело, превратив руки в когтистые лапы, которые судорожно скребли пол потайной комнаты оставляя на камне глубокие борозды заполненные сочащейся из под сломанных ногтей кровью. Пересохшие губы растянулись обнажив почерневшие десна и открыв взору жуткий оскал нечеловечески острых и длинных зубов. Новый виток боли заставил выгнуть тело юноши, стало слышно как трещат его ребра. Кровавая пена текущая по его подбородку стала загустевать и почернела.

— Скорее! Ния, помоги мне его отсюда забрать! — крик Сибрис разорвал пространство, заставив Нию преодолеть робкий страх перед странной наполненной магией комнатой.

Вдвоем они выволокли сопротивляющееся и бьющееся в конвульсиях тело Илаи из рунической комнаты. Они дотащили Илаю до огромной кровати приора и обливаясь потом от усилий еле смогли уложить его на вспоротую пуховую перину. Ния держала голову

юноши, острием своего кинжала она заставила Илаю разжать сведенные судорогой челюсти, просунув между зубов толстый золоченный шнур сдерживавший полог алькова. Теперь бьющийся в припадке Илая не смог бы прокусить себе язык. Сибрис уселась на друга верхом прижимая его плечи к кровати и удерживая его трепещущее тело своим весом. Она безостановочно все повторяла: "Тихо, тихо, все хорошо, все хорошо". Наконец Илая успокоился припадок отпустил его. Юноша глубоко задышал, тело расслабилось — он находился в глубоком, похожем на оцепенение сне.

— Ч-ч-что это было? — тихим дрожащим голосом спросила у магички Ния.

— Это Ихор. Илая должен закончить обращение иначе Ихор превратит его в кровожадного монстра. Мы ехали сюда, что бы в Обители ему помогли пройти обращение, а теперь, теперь когда все мертвы... — Сибрис судорожно сглотнула. — Нам нужно найти другой способ, Ния. Он должен жить слышишь, должен. Я поклялась, что больше не потеряю ни одного друга из-за поганой магии. А он, он...

— Он тебе больше чем друг, верно? — харемка горящим взглядом сверлила душу Сибрис.

— Я, я, я не знаю, возможно. — еле слышно ответила та. — Но у нас очень мало времени, он должен пройти посвящение до того как взойдет полная луна.

— Слишком поздно. Полная луна взойдет сегодняшней ночью. — Ния покачала головой. — Нам его не спасти.

— Значит у нас чуть меньше чем сутки, но клянусь богами, я не собираюсь сдаваться. — отчеканила Сибрис.

Она соскочила с кровати, стала поднимать с пола разбросанные бумаги.

— Если Чужак прошел обращение, об этом должны быть записи, Ния. И о твоём брате тоже. Мы должны найти книгу или журнал, что-то где приор вел записи о вступлении в братство новых членов. Они должны быть где-то здесь. Спускайся и помоги мне, ты же умеешь читать на общем.

Они долго искали, но ничего полезного так и не нашли. Среди бумаг были доклады расходов и доходах Обители, отчеты о выполненных контрактах, какие-то деловые письма и заметки. Списки, ведомости, но ничего действительно важного о последних днях жизни Обители девушки так и не нашли. Все записи о приеме в братство были либо уничтожены, либо исчезли вместе с Чужаком.

— Знаешь, Сибрис, мы могли бы поискать не только здесь. — робко, будто боясь спугнуть последнюю надежду, произнесла Ния.

— Что? — Сибрис оторвалась от изучения очередной обгоревшей по краям бумаги.

— Поискать. Мы могли бы поискать в комнатах даханаваров. Вдруг кто-то из них вел личные записи.

— Ния, ты гений! — воскликнула Сибрис, просветлев лицом.

— Кто? — Ния явно не поняла ругается Сибрис или хвалит ее. Слово "гений" было харемке не знакомо.

— Не важно. Пойдем быстрее! — Сибрис вскочила на ноги и документы лежавшие на ее коленях посыпались на пол. Не успел последний листок упасть на мраморные плиты, девушки уже мчались по коридору соединяющую Башню Магистров С Башней Послушников.

Тут тоже обнаружили следы погрома и поджога, но от магического пламени не было найдено и следа. Кельи братьев не заинтересовали Чужака и были отданы на разграбление Воинам Пепла. Как и в Башне Магистров здесь была та же унылая картина погрома: разбитая посуда, вспоротые матрасы и подушки, поломанная и изрубленная на куски мебель,

выпрошенные шкафы, сундуки и шкатулки. Противник явно покуражился, к тому же здесь стойко пахло пролитым вином, коим подкрепляли свои силы бравые мародеры.

В одной из комнат, которая меньше других пострадала от погрома из-за скудности и бедности обстановки, обнаружили вещи принадлежавшие Ла-Тонгу. Ния всхлипнув зарылась лицом в порванную кожаную куртку, принадлежавшую ее брату. Сибрис тактично отвернулась, дав девушке время выплеснуть свою боль и горе. К счастью, следов крови на одежде не было. Когда Ния подняла лицо от слез не осталось и следа, лишь покрасневшие веки свидетельствовали о том как ей было горько.

— Это была комната моего брата. Я узнала его вещи. А еще я кажется нашла его тайник..- она не договорила.

Ния поднялась со старого соломенного матраца, лежавшего на полу у стены и заменявшего Ла-Тонгу постель, девушка решительно вспорола его тощее соломенное нутро и извлекла наружу сверток из старой холщовой рубахи. Когда Ния развернула ткань, то Сибрис чуть было не закричала от радости. Это был личный дневник приора. Сомнений не было, небольшая книжица с обложкой обтянутой красной телячьей кожей тонкой выделки, с золотой инкрустацией символом даханаваров и руной "ДАШ" в центре. На первой странице дневника было аккуратным, немного угловатым почерком выведено "Приор Братства Ордена Черного Солнца, Наставник и Гранд-Ментор Даханавар Амбросиус Левша. Размышления" далее следовали число и год.

По большей части это были действительно размышления и записи личного характера. Слог их был ясен и четок, а стиль изложения сух и скуп на цветастые подробности. Каждый день описанный в дневнике был кратким отчетом о наиболее взволновавших приора событиях. Приор был человеком деловым и не склонным к пустым фантазиям и разглагольствованиями. Девушки быстро пролистали дневник размышлений до конца и обнаружили что последняя запись была сделана отнюдь не хозяином дневника. Неровные, пляшущие буквы, выведенные рукой брата Нии описывали печальные события, свидетелем которых ему довелось стать.

— Илая, Илая очнись! — Ния трясла юношу за плечо пытаясь вырвать его сознание из липкой паутины сна.

Все происходившее казалось нереальным, перед взором все плыло, голова раскалывалась от боли, мерзкий привкус железа во рту вызывал тошноту. Илая попытался приподняться на локтях, от резкого движения желудок взбунтовался и его вырвало прямо на постель. В желчной рвоте присутствовали черные комки свернувшейся крови. Ния отерла лицо юноши смоченной в воде тряпицей и дала напиток из медного кувшина, забрав его с письменного стола в центре комнаты. За столом, не отрываясь от изучения пожелтевших от времени пергаментных свитков, в окружении неровных стопок тяжелых фолиантов, сидела Сибрис.

— Рада, что тебе уже лучше. — деловито сказала она. — Мы очень обеспокоились, когда с тобой произошел припадок.

— Припадок? — охрипшим голосом уточнил Илая.

— Да, в той секретной рунной комнате, — Сибрис махнула рукой в направлении потайной двери, скрывавшей разграбленное хранилище Ихора. — Я изучила кое-какие из этих книг и пришла к выводу что безопасно там могут находиться только маги или даханавары завершившие обращение. Тебе стало плохо из-за того, что Ихор в твоём теле еще,

как бы это выразится? — она сделала неопределенный жест рукой, пытаюсь подобрать нужное слово.

— Еще не "укрощен". - пришла на помощь девушке Ния.

— Да пожалуй, это именно то что я хотела сказать. — кивнула в знак согласия Сибрис.

— Ты не поверишь как нам повезло! Мы нашли дневник приора. — воодушевленно сообщила Ния. Она помогла юноше подняться и добраться до второго кресла стоящего у стола, поближе к Сибрис.

— Думаю ты должен его немедленно прочесть, Илая. Обрати внимание на последние записи в дневнике, их сделал Ла-Тонг и они многое объясняют. Если то, что он написал правда, то еще не всё потеряно и ты сможешь закончить обращение. — Сибрис была предельно серьезной, когда произнесла. — Ния говорит, что сегодня полнолуние, а это значит, что времени медлить не осталось и тебе придется пройти ритуал сегодня.

Кресло приглушенно скрипнуло, когда Илая в него присел. Внешний вид мебели в комнате, весьма пострадал от варварского обращения захватчиков, но она была из железного дуба и могла прослужить еще довольно долго. Илая взял дневник размышлений в руки. Он несколько раз перечитал то, что было написано Ла-тонгом прежде чем отложил записки Амбросиуса в сторону. Классический ритуал Испытания Ихором, который должен был пройти новообращенный послушник, требовал наличие даханавара-наставника, который бы поделился с испытуемым своей кровью. Это существенно снижало риски для новичков не справиться с укрощением демонической составляющей Ихора. Ихор в крови наставника уже был укрощен и сила его пагубного влияния на молодую неокрепшую психику послушника снижена. Процесс укрощения был завершающим этапом мутации, Сибрис сравнила само обращение с чумой, а принятие крови наставника с вакцинацией от нее. Теперь единственный, кто мог бы это сделать для Илаи был Чужак — последний и единственный из известных им живых даханаваров, закончивших обращение.

Из записей оставленных братом харемки следовало, что Амбросиус Левша принял в послушники обоих и Чужака и Ла-тонга. Честь быть первым, кто пройдет Испытание досталась Чужаку. Амбросиус посчитал, что Ла-тонг еще не готов, что нрав его слишком горяч, а это может серьезно навредить молодому охотнику во время ритуала Испытания, требующего смирения и умения хорошо владеть своими эмоциями. Приор отослал Ла-Тонга прочь из замка, в одну из пещер Покаяния, спрятанных высоко в горах окружавших Обитель. Это случилось накануне того, как должно было пройти обращение Чужака. Ла-Тонгу полагалось провести трое суток в безмолвной медитации, размышлениях и посте.

У многих из братьев было весьма темное прошлое и по традиции при вступление в ряды даханаваров новообращенному давали новое имя. В день, когда Блейз прошел Испытание в большую книгу Братства Черного Солнца было вписано новое имя — брат Альбин Чужестранец. Книгу эту Сибрис не смогла найти ни в замковой библиотеке, ни среди книг испорченных огнем, и девушка предположил, что Чужак унес её с собой. Сведения о новом имени Блейза теперь остались лишь на страницах дневника приора.

Пока Ла-тонг постигал свою душу в пещерах над Обителью у ног его разыгралась жуткая трагедия. Испытание было пройдено, торжественно было внесено новое имя в анналы братства и во время праздничного пира все даханавары испили отравленного вина. Это сильно их ослабило и позволило Воинам Пепла захватить замок и сокрушить некогда славную Обитель. Оставался лишь один вопрос, как так случилось, что Чужак и сам ставший даханаваром не погиб от яда вместе со всеми братьями? Не осушить торжественный кубок,

который по традиции первым подавали новоиспеченному брату, в присутствии других даханаваров он не мог, это вызвало бы не нужные подозрения. Слишком много этот человек оставил после себя вопросов.

К счастью для Ла-тонга, Чужак не мог знать куда именно отослал охотника приор, а непокорный и любопытный Ла-тонг умыкнул с собой в горы дневник. Юноша желал найти там записи о собственной участии уготованной ему приором по возвращении из пещер. Так как огонь брать в пещеры не разрешалось, прочесть дневник брат Нии смог лишь на следующий день. Отослали его под вечер и ему едва удалось добраться до пещеры, как солнце село и горы погрузились во мрак. Это спасло его самого и теперь обещало спасти Илаю.

В дневнике приор упоминал, что недавно братья наткнулись на Замурованный проход в новые подземные помещения. Замок за прошедшие века несколько раз перестраивали, но ни на одном из планов замка эти помещения указаны не были. Братья разбирали обрушившуюся часть стены в дальней части подвалов, лавина принесла с вершин в ущелье огромные глыбы льда, заставивших содрогнуться даже Обитель, когда обнаружили, что из трещины в стене сильно сквозит. Разобрав древнюю каменную кладку они обнаружили, что подвалы является лишь ее малой частью подземелий Обители. Амбросиус Левша взял клятву с нашедших молчать о том, что они видели. Ссылаясь на возможное дальнейшее обрушение стен и потолка, Амбросиус запретил посещать подвалы, и самолично занялся исследованием найденного. Он мало писал об этом дневнике, но по записям было видно, что приор перевернул библиотеку Обители вверх дном, и все же нашел в старых книгах упоминания о таинственном механизме найденном в одном из залов подземелья. Зеркальный Лабиринт — чрезвычайно опасный и трудный путь прохождения Испытания Ихором. Этот Лабиринт, изобретенный первым Магистром даханаваром — способ для которого не требовалась помощь наставника-ментора и его кровь, был смертельно опасен для испытуемого. Выживших после прохождения Лабиринта было мало, но тогда это был единственный известный способ обуздать силу Ихора. Позже когда Магистры открыли способность крови наставника помогать телу испытуемого легче принимать Ихор, от Лабиринта отказались, навеки похоронив его глубоко под землей. К счастью для Илай и Ла-Тонга, Чужак так и не узнал о существовании Лабиринта. Последние записи сделанные рукой брата Нии говорили о том, что Ла-Тонг решил отправиться в эти подземелья что бы пройти Зеркальный Лабиринт и стать даханаваром.

— Ния, ты это читала?

— Да, мы обе читали дневник пока ты спал. Я не знаю, что случилось с моим братом, там в подземельях, прошел ли он Лабиринт или нет, но я готова отдать всё, что имею чтобы узнать о нем хоть что-нибудь.

— Понимаю. Значит пришла пора и мне пройти Испытание. — Илая уверенно поднялся из кресла.

Сибрис подскочила со своего и придержала юношу за локоть.

— Ты уверен, что достаточно хорошо себя чувствуешь? У нас еще есть время до заката. Всего несколько часов, но ты можешь отдохнуть еще немного, набраться сил! — девушка встревоженно заглядывала в глаза Илае. В её серых зрачках сквозило беспокойство и страх и еще что-то такое, что Илая прочел как мольбу. Мольбу не к нему, но ко времени, что бы оно не бежало столь быстро, мольбу отсрочить решающий момент в их жизни хотя бы ещё на час, на два и дать её побыть вместе со своим подопечным.

Ния опустила глаза, она старалась не смотреть на Сибрис и Илая. Под сердцем юной харемки что-то шевельнулось, что-то темное, неясное, горькое и так похожее на зависть.

— Сибрис! — Илая ласково обнял подругу за плечи, его голос был тихим, но тон уверенным. — Уверяю тебя — я в полном порядке. Но если тебе или Нии нужно отдохнуть...

Сибрис покачала головой, русые пряди упали на её грустное и решительное лицо.

— Нет, Илая, не стоит думать о нас. Я и Ния в порядке. — она едва слышно вздохнула и улыбнулась глядя юноше прямо в глаза. — Ты же сам знаешь ради чего мы сюда пришли. Зачем оттягивать неизбежное?!

Солнце начало клониться к западу, убавляя свой ясный золотистый свет, но всё еще стараясь прогреть серые громады гор. В погребках было холодно и сухо, мягкую темень разгоняли рыжие язычки пламени факелов. Илая подошел к огромной винной бочке, перекрывавшей вход в глубины подземелий. На полу в пыли еще виднелись следы того что бочка иногда меняла свое положение. Изрядно поднатужившись Илая и девушки совместными усилиями сдвинули её с места, благо она была пустая. Их глазам открылся наполовину разобранный пролом в стене.

— Этот Амбросиус был сильны малым, как я погляжу. — пробормотал Илая утирая выступивший на лбу пот.

— Он был даханаваром. Мутация изменила его тело сделав намного сильнее обычного человека. — согласилась Сибрис.

Она отпила воды из поясной фляги по очереди предложив сделать то же своим спутникам, но оба отказались.

— Интересно, как с такой махиной справился твой брат? Да еще и вернул бочку на место? Смотря на тебя, Ния я не сказал бы, что харемы народ великанов. — в ответ на вопрос Илаи Ния засмеялась.

— Если бы ты видел Ла-Тонга ты бы понял. У него было прозвище, которое ему очень шло "медвежонок". Когда ему было семь он отправился на свою первую одиночную охоту и вернулся с добычей — двухлетним детенышем горного медведя. Мой брат убил его без всякого оружия просто свернув зверю шею.

— Я слышала, что медведи водящиеся в Аталасских горах вырастают до невероятно крупных размеров. — заметила Сибрис.

— Так и есть. — согласилась юная харемка. — Тот медвежонок был на голову выше моего брата и уже считался опасным противником для неподготовленного охотника.

В петли на стенах были вставлены свежие факелы. Илая, шагавший впереди их маленькой процессии поджигал их освещая себе и девушкам путь. Они шли по широкому коридору, на стенах которого повторялся один и тот же орнамент. Рисунок был похож на разрезанную пополам ракушку огромного моллюска — гигантскую спираль со многими изогнутыми в разные стороны отростками внутри. Илая высказал предположение, что это рисунок Лабиринта, который они вскоре увидят, девушки согласились. Их предположения полностью подтвердились, когда коридор кончился и перед ними раскинулась зала, похожая на перевернутую вверх дном чашу. Широкое кольцо плит полированного белого мрамора, служивших полом в этой зале, сужалось вокруг каверны серого камня в её центре. По периметру залы, куда не падал человеческий взор, шли ровные ряды мраморных колонн их было около нескольких сотен. Ровные и гладкие они, как белоснежные ребра, держали на себе всю мощь навалившийся сверху каменной плоти горы. На самом верху их изогнутые навершия смыкались объединенные огромной позолоченной эмблемой Черного Солнца. В

её центре, как и по центру кулона на шее Илаи была вырезана руна "Даш". Она источала мягкое призрачное молочное сияние, наполнявшее залу inferнальным светом. Прямо по центру между потолком — шедевром зодческого искусства и вульгарной серой каменной ямой в полу завис, Зеркальный Лабиринт. Он действительно был из зеркал, вот только они были совершенно черные и вырезанные из материала похожего одновременно на камень и воду. Отражения в их глубине будто плыли подчиняясь медленному и плавному ритму, а потому создавалась иллюзия того что сам лабиринт движется вместе с отражениями. Смотря на него все трое невольно задались вопросом — что это? Невероятной сложности гениальный механизм или это живой дышащий организм?

— Он пугает меня. — прошептала Сибрис. — Но я всё равно не могу отвести глаз от его красоты!

— Я тоже. — шепотом согласилась Ния.

Акустика зала была потрясающей и шепот девушек прозвучал довольно громко. Илая вздрогнул, поглощенный созерцанием Лабиринта он не сразу осознал, что находится в зале не один. Черная магия зеркал манила его, звала заглянуть в свою блестящую глубину, завораживала.

Ко входу в Лабиринт вели три широкие мраморные ступени, Илая снял куртку, рубаху и ремень на котором висели походная поясная сумка и ножны. На обнаженную мускулистую грудь тяжелой стальной каплей лег медальон. Илая обнял по очереди сначала Нию, потом Сибрис. Он не проронил ни слова. Вынул меч из ножен и уже был готов ступить на первую из ступеней, когда услышал как Сибрис окликнула его.

— Илая! Стой!

Он обернулся. Сибрис подошла к нему в её руках мягко светился клубок шерсти — давний подарок хозяйки рощи Иеле.

— Знаю, что это прозвучит глупо, но я вспомнила одну старую сказку в ней тоже был герой, которому предстояло пройти лабиринт и убить чудовище, что бы спасти свою возлюбленную. В сказке герой перепоясался длинной косой своей невесты, что бы потом вернуться по ней обратно из лабиринта.

— Сибрис, не надо, я всё равно должен пойти туда. — юноша сделал шаг на встречу черным зеркалам.

Илая не хотел продолжать разговор, но девушка настаивала:

— Просто позволь мне это сделать!

— Ну хорошо, если тебе от этого будет легче. — согласился юный даханавар.

Сибрис быстро обвила его пояс несколькими петлями шерстяной нити и крепко завязала узел, потом она приподнялась на цыпочки, что бы дотянуться до стоящего на первой ступени Илаи и сухо чмокнула его в щеку.

— Возвращайся поскорее. — у самого его уха прошелестели её слова.

Последнее что Илая увидел прежде чем скрыться за черными зеркалами были две девичьи фигурки крепко прижавшиеся друг-к-другу и с надеждой глядящие ему в след. А потом он сделал еще шаг и провалился в ночное небо полное колких холодных звезд.

Илая медленно шел вперед, держа обнаженный клинок наготове. Сердце гулко билось в его груди и его удары эхом отдавались в барабанных перепонках. Было очень тихо. Глаза быстро привыкли к полумраку Лабиринта. По обеим сторонам от Илаи так же медленно, след-в-след, за ним скользили его многократно умноженные отражения. Поверхность зеркал на ощупь оказалась обжигающе холодной, но в самом Лабиринте холода не чувствовалось.

Чем дальше он уходил от начала Лабиринта тем сложнее ему было осознать как долго он здесь находится и как далеко продвинулся вглубь. Изматывающее, монотонное ожидание неизвестного сводило юношу с ума. Илая пытался отстраниться от этого чувства и стал подмечать малейшие изменения в зеркальных отражениях самого себя. Вскоре он начал замечать, что вслед за его отражениями в зеркалах следует неясная тень. С каждым его шагом тень росла и наливалась тьмой, как плотью. Она на краткую долю секунды возникала на самом краю его зрения то справа, то слева, то позади Илай. Юноша понял, что эта тень кружит вокруг него, играет в кошки-мышки, что когда кольцо сожмется тень атакует.

— Ну? Чего ты медлишь? Я увидел тебя, прекращай трусливо красться за мной, выйди и сражайся! — Илая выкрикнул эти слова, что есть силы, но звук в Лабиринте гас, как огонь без притока воздуха. Крик юноши прозвучал как слабый шелест сухих осенних листьев гонимых ветром по голой земле.

Тень молчала и продолжала свою дикую пляску.

— Делаешь вид, что не слышишь? Тогда я сам доберусь до тебя. — зло прошипел Илая и его шепот прозвучал, как колокольный набат, заставляя зеркальные стены Лабиринта содрогнуться и зазвенеть.

Тень не была к этому готова и юноша увидел, как на миг она появилась прямо перед ним густая и пыльно-мрачная, будто она провела в отражениях долгие годы и успела состариться и одряхлеть. Высокая и с головы до ног закутанная в обрывки мрака, похожие на рубище нищего, тень была вооружена длинным ржавым мечом. Ей очень не понравилось то, что шепот Илай заставил её выйти из укрытия и она зло и глухо зарычала, совсем как большая собака.

Илая, ринулся вперед выставив перед собой меч и стремясь атаковать стоящего впереди него врага. Из разделяло не более десяти шагов, но воздух вокруг Илай вдруг сгустился и стал плотным, неподатливым, вязким. Как ни пытался юноша догнать тень его ноги смогли сделать шага два или три, а тень скрипуче рассмеявшись начала медленно погружаться в зеркальную стену Лабиринта, становясь вновь недостижимой для меча юного даханавара.

В мозгу Илай вдруг вспыхнул ослепительный свет и он услышал знакомый голос, это был голос Шамиля.

— Брат мой не верь Лабиринту, верь только себе!

— Шамиль?! — удивленно прошептал Илая и остановился как вкопанный. Тот час новая волна дрожи прошла по зеркальному омуту стен, выталкивая уже почти скрывшуюся тень наружу в проход Лабиринта. Остановив движение ног Илая моментально перенесся в врагу. Между ними завязался короткий и жестокий бой. Илая мысленно поблагодарил Сибрис за её изнурительные уроки фехтования. Илая произвел серию молниеносных ударов оттесняя тень от зеркальной стены и не позволяя её уйти от схватки. Улучив момент юноша сделал трюк с подсечкой и подскочив к распластавшейся на полу тени, одним взмахом отсек её щупальце сжимавшее ржавый клинок. Тень взвыла от боли и неловко подскочила с поворотом вправо, тем самым избегая второго удара меча Илай. Роняя алые капли крови она бросилась прочь, неуклюже петляя по зеркальным коридорам. Теперь зеркала отказывались ее принимать в мир своих отражений.

Илая взглянул вниз на отрубленную извивающуюся конечность тени и очень удивился обнаружив, что от неё тянутся более тонкие похожие на длинные пальцы отростки мрака, пытаясь взобраться вверх по его сапогу. Ржавый меч был слишком тяжел для них и они старались обвиться вокруг его щиколотки, что бы подобно тискам раздробить его кости.

Юноша не растерялся и принялся рубить этот клочок тени, отсекая отростки один за другим. Меч звякнул и отскочил обрушившись на что-то твердое. Из клочьев мрака выкатился круглый предмет. Илая нагнулся и подцепил его острием меча, не рискуя притронуться к вещице рукой. Это был тяжелый браслет из синеватого метеоритного железа.

— Ла-Тонг? — Илая не мог поверить своей догадке, но факт был неоспорим. Это браслет о котором говорила Ния, значит это существо Ла-Тонг. Илая поспешил догнать ускользящего из вида Ла-Тонга. Он уже понял, что Лабиринт можно пройти только действуя от противного: что бы крикнуть надо шептать, что бы бежать остановиться, значит что бы пройти Лабиринт и не потерять себя в его отражениях надо... Надо закрыть глаза и пожелать попасть в его центр!

Илая глубоко вздохнул, облизал пересохшие от волнения губы, сжал меч в одной руке, а браслет в другой и закрыл глаза. Это было похоже на падение вверх и на полет сквозь стены огня и льда. Илая чувствовал, как каждая клетка его тела, каждый её атом резонирует с Зеркальным Лабиринтом, который сопротивлялся воле Илай и бился, извивался под напором его мысли не пуская юношу в свое сердце. Сопротивление черных зеркал было сломлено, Илая понял это по той тишине и спокойствию, которое снизошло на него и все что его окружало. Он открыл глаза. Здесь было светло. Молочно белый свет шел с потолка от руны в центре Черного Солнца и отражался в обступивших по кругу Илаю зеркалах делая их белыми, светящимися изнутри и лишенными отражений. Илая был здесь не один. В центре Лабиринта на черном матовом полу сидел изможденный седой мужчина. На нем был старый темный изорванный плащ с капюшоном, сильно отяжелевший от напитавшей его крови.

— Я ждал тебя. — утомленный голос мужчины прозвучал вполне обычно.

— Ты Ла-Тонг? Брат Нии? — Илая приблизился к мужчине на расстояние вытянутого меча.

Мужчина кивнул в ответ. Он прижимал один конец плаща к искалеченному плечу, безуспешно пытаясь остановить кровь.

— Зачем ты преследовал меня? Я бы не стал причинять тебе вред если бы ты сразу открыл мне свое лицо. Я Илая и пришел в Обитель вместе со своей подругой и твоей сестрой. Ния она ищет тебя, Ла-Тонг!

— Я думал, что ты очередной демон, морок посланный мне Лабиринтом, что бы сломить меня. — Ла-Тонг криво улыбнулся, его бледное лицо исказилось гримасой муки. — Знал бы ты, скольких я убил, что бы выжить здесь. Не было ни дня ни ночи, что бы Лабиринт не присылал мне своих чудовищ. Я не спал, ни ел и не пил — думаю мои силы поддерживал только проклятый Ихор. Только он не давал мне сдохнуть, как собаке в этой зеркальной тюрьме! Но эти схватки, они иссушили меня. В каждой новой битве я терял часть своей жизни, постепенно лишаясь своей молодости и силы моих мышц, это они сделали из меня дряхлого старика. Но знаешь что я сделал, Илая? Я не сдался!

— Но я думал, что демон это ты! — воскликнул Илая. — Ты так странно и зловеще выглядел, да еще и напал на меня.

— Лабиринт, он обманул нас обоих. Ха-ха-ха! — смех его был горьким. Ла-Тонг попытался подняться, но начал заваливаться на бок. Илая бросился ему на помощь меч звякнул ударившись о пол покидая его руку.

— Держись, Ла-Тонг! Мы выберемся отсюда вместе! Я помогу тебе. — Илая обнял широкие плечи Ла-Тонга, пытаясь приподнять его. — Вспомни о сестре!

— Нет. Выбраться отсюда суждено лишь одному из нас. — прохрипел Ла-Тонг.

Илая ощутил как в его обнаженное плечо впиваются длинные острые когти, вспарывая кожу и мышцы, заставляя брызнуть из раны обжигающе горячую кровь. Ла-Тонг крепко вцепился в него своей единственной здоровой рукой и уже тянулся оскаленными, жаждущими крови клыками к шее Илаи. Он был тем о ком предупреждали даханаваров и кого они ненавидели больше всего — братом обратившимся в кровожадного монстра. Клыки почти сомкнулись на шее Илаи, но вдруг голова Ла-Тонга дернулась, когти разжались отталкивая Илаю от себя. Монстр в которого превратился Ла-Тонг старался отползти назад из его горла вырывалось обиженное рычание. Когтистой лапой он старался прикрыть вспыхнувшие белесым огнем края звездообразной раны на своей груди. Рана ширилась расплываясь во все стороны, как метастазы, сжигая Ла-Тонга заживо.

— Нет! Этого не может быть! Ты должен был насытить меня, вернуть мне мои силы! Нет ты моя погибель! Кто ты, что ты?! — ревел монстр.

Илая поднялся с колен, глаза его сияли как две раскаленные до бела звезды, как сиял камень в подвеске Черного Солнца на его груди. Он поднял меч и занес его над головой одним ударом снес голову Ла-Тонгу. Губы Илаи беззвучно прошептали:

— Прости, брат!

Пол под ногами Илаи всколыхнулся и он ощутил как падает, проваливаясь в чернильную пустоту.

В этот момент Ния и Сибрис терпеливо ожидавшие Илаю у основания мраморной лестницы увидели, как Зеркальный Лабиринт одной большой жидкой каплей рухнул вниз, на серые камни. Девушки отпрыгнули и очень вовремя. В воздухе поплыл запах разлитого Ихора Первородного, а брызги попавшие на край мраморного пола прожгли плиты как кислота.

— Илая! — завопила Ния.

— Нет! — вскрикнула Сибрис. Она почувствовала, как шерстяная нить, связывающая её и скрывшегося в пучинах озера Ихора Илаю, натянулась и клубок стал стремительно разматываться.

— Ния! Быстрее, помоги мне одной не удержать его. — Сибрис уперлась ногой в мраморную ступень, нить скользила и резала её руки стремительно уходя под воды озера вместе с телом Илаи. Ния подскочила и тоже вцепилась в тонкую, но невероятно крепкую шерстяную нить. Общими усилиями девушки вытащили тело даханавара на мраморную сушу. От него валил пар.

Сибрис бросилась к другу и перевернула его на спину и тут же закричала, отталкивая в сторону Нию и не давая ей приблизиться к телу юноши. В этом крике была боль и горечь. Сибрис медленно потянула меч из ножен. То что сейчас лежало перед девушками, тот кто лежал — он не был похож на человека. Огромное бугристое от мышц тело, перевивали вспухшие как канаты жилы, волосы превратившиеся в алую шерсть включенные и покрывающие голову и часть спины существа длинными мокрыми клоками облепили вытянутую клыкастую морду хищника. В том, кто прежде был её другом больше не было ничего человеческого.

— Значит это конец. — пробормотала Сибрис и ринулась что бы нанести удар по центру груди, туда где, как она думала, у чудовища было сердце.

Ния широко раскрыв глаза смотрела, как Сибрис взвилась в прыжке, вкладывая в решающий удар всю свою мощь, а еще она увидела, как жуткая когтистая лапа чудовища разжалась и на мясистой ладони блеснул синим знакомый браслет.

— Ла-Тонг! — Ния бросилась наперерез Сибрис подставляя свою узкую худенькую грудь под чудовищный удар.

Меч Сибрис прошел как нож через мягкое масло через тело юной харемки. Взгляды серых и карих глаз встретились они были полны удивления. Ния взмахнула руками, будто пытаясь взлететь и обмякла насквозь пронзенная мечом Сибрис. Сибрис выпустила рукоять меча из рук, пошатнулась сделав неловкий шаг назад её руки поднялись и накрыли рот из которого вырвался протяжный крик. Ния осела на подломившихся ногах. Она была мертва.

Сибрис не знала сколько времени она провела так, сидя у границы озера Ихора и смотря на его черные маслянистые воды. В голове царила звенящая пустота. Было очень тихо. Возможно она просто оглохла? Сибрис не знала. Она бы предпочла ослепнуть, что бы не видеть того, что сотворили её руки. Она не смотрела в сторону двух тел позади неё, это было выше её сил. Что бы завершить начатое нужно было вытащить свой меч из тела Нии, или забрать тот что сжимало в когтях чудище, выловленное ими из проклятого озера. Но на это у Сибрис не было сил. Ни на это, ни на что другое. Какая теперь разница? Она не справилась. Не лучше ли будет всё закончить сейчас?

Сибрис медленно поднялась. Её глаза неотрывно смотрели на зеркальную гладь впереди, а ноги легко преодолели мраморные ступени. Сибрис закрыла глаза и сделала шаг вперед. Обжигающе холодные воды Ихора сомкнулись над ней и она почувствовала как идет ко дну.

Быстрый рывок вверх. Сибрис даже не успела вдохнуть черную жижу Ихора, как оказалась в крепких руках. Кожу саднило, как после ядовитого плюща, кожаный костюм дымился и тлел рассыпаясь от малейшего прикосновения. Сибрис непонимающе подняла глаза и утонула во взгляде синих глаз Илай. Он держал её на руках, он выловил её из черного омута отчаянья и Ихора. Ничего не говоря Илая склонил свое лицо к её лицу и крепко поцеловал Сибрис в губы. Она заплакала.

— Я чудовище, Илая. Я убила Нию. — прошептала Сибрис давясь рыданиями.

Он продолжил целовать её лицо крепко и нежно сжимая в объятиях.

— Ты слышишь меня, Илая? Я монстр, ты должен был дать мне умереть или убей меня, но не будь со мной таким добрым. — она попыталась высвободиться, но он ей не позволил. Вместо этого он сказал.

— Ты не хотела её убивать. Я не мог помешать тебе, Ихор парализовал меня, но я всё слышал и видел. Это вышло случайно.

— Я хотела убить тебя. Я думала, что ты монстр, что обращение окончилось неудачей. Я ведь поклялась тебе сделать это, если...

— Я знаю. Я понимаю.

— Но Ния...я... я... убила.

— А я убил её брата, там в Лабиринте. Он не прошел испытание. Но мне всё равно егс жаль.

Он снова поцеловал её и сказал.

— Мы убийцы Сибрис — ты и я. В тот момент когда мы взяли в руки мечи, мы стали самыми страшными из существующих на свете чудовищ. И дело не в Ихоре. Я понял это там в Лабиринте. Люди ужасны, они кровожадны по своей натуре и остановить это жажду можешь только ты сам. Ты сам делаешь выбор поддаться ей или остаться человеком.

— Значит...

— Значит нет никакой разницы выгляжу я как демон преисподней или как человек,

важен лишь выбор какому пути мне следовать.

Илая опустил Сибрис усадив на мраморные ступени, потом подошел к телу харемки Нии и надел на её тонкое запястье браслет Ла-Тонга.

— Думаю Ла-Тонг хотел бы что бы это осталось у тебя. Я не забуду данного тебе обещания, Ния. Прости.

Илая подхватил тонкое тело харемки на руки и отнес к берегу озера. Даханавар опустил его на темные воды Ихора и тело Нии ушло на глубину, на встречу костям её брата.

— Она хотела найти своего брата. — задумчиво проговорила Сибрис. Одежды на девушке почти не осталось и она зябко поёжилась, хотя дрожь была вызвана холодом лишь отчасти.

— Теперь они будут вместе навечно. — отозвался Илая.

Он накинул на плечи Сибрис свою куртку и сам облачился в рубаху. Потом он снова поднял девушку на руки и прижав к теплой груди вынес из подземелий. Начинался рассвет, долгая, мучительно тяжелая ночь окончилась. Сибрис сквозь дремотное оцепенение услышала, как в стойле громко фыркнул Везунчик. Илая отнес Сибрис в покои приора, уложил девушку на перину и достал из поясной сумки баночку с остатками целебного бальзама Шамиля. В который раз старый друг выручал его. Теперь, после того как он слышал голос Шамиля в Лабиринте, Илая был уверен, что брат даханавар жив. Вот только где он?! Стараясь не причинить боль и не разбудить Сибрис Илая осторожно снял с неё то, что осталось от почти истлевшего кожаного доспеха. Если бы Сибрис не предпочитала носить кожу, а носила домотканую одежду ожоги были бы сильнее и болезненнее. Юноша заботливо обработал на теле Сибрис красные пятна появившиеся после купания в Ихоре. Понимая как важен для них обоим хороший сон, Илая укрыл спящую подругу плащом и удалился в соседнюю комнату — кабинет приора. Там он улегся на кушетку и положив под голову чудом уцелевшую диванную подушку моментально провалился в сон.

Они покинули Обитель два дня спустя. Ехали молча, не оглядываясь. Сибрис в своей новой одежде найденной в комнатах послушников, со взлохмаченной короткой стрижкой была похожа на озорного мальчишку. Крепко обнимала Илаю и прижималась щекой к его широкой спине. Отличный составной лук и колчан со стрелами заменяли Сибрис утерянный ею меч. Илая возмужавший, широкоплечий, статный мужчина с длинной пламенно-рыжей тугой косой спускавшейся на левое плечо, и бесстрастным лицом был с головы до ног облачен в черный стальной доспех даханавара. В подвалах Обители нашлось не мало полезного для двух путников, решивших пересечь горы верхом.

В небесной бескрайней синеве над горной дорогой по которой они ехали отчаянно заливался трелями жаворонок. Везунчик довольно фыркал и прял ушами. Коню нравилось его новое приключение.

Больше книг на сайте - Knigoed.net